

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 3(46) 2022

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 3(46) 2022

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминев** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневская** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongolia; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design – M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Светличная В.Ю.</i> Классификация речевой избыточности.....	7
<i>Мусаева А.С.</i> Общезыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (на примере терминов-словосочетаний).....	12
<i>Подтележникова Е.Н., Павлова С.С.</i> Особенности функционирования прецедентного имени Венера... ..	19
<i>Павловская О.Е., Сахно О.С.</i> Формирование языковой личности студента в условиях мультикультурализма и полилингвальности.....	25
<i>Бугакова Н.Б.</i> Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова.....	32
<i>Токарева Г.В.</i> Изучение орфоэпических и лексических норм в техническом вузе.....	38
<i>Клюшина А.М.</i> Особенности употребления лексемы КРАЙНОСТЬ в современном научном гуманитарном дискурсе.....	44
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Трубицина Н.А.</i> Художественные онимы в стихотворении И.А. Бунина «Иерусалим».....	51
<i>Безатосная О.М., Бугакова Н.Б., Кузьминых Е.О.</i> Индивидуально-авторские особенности объективации пространства в рассказах Б. Зайцева.....	55
<i>Коростова С.В., Сы Хунфэн</i> Особенности изображения речи в семейной коммуникации персонажей рассказа А.П. Чехова «Именины».....	61
<i>Ковыришина О.А.</i> «Философия жизни» Анри Бергсона в дневниковой прозе Михаила Пришвина.....	67
<i>Серганова Д.А.</i> Побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI – XIII веков.....	72
<i>Арзямова О.В., Иващенко Ю.Ю.</i> Литературная антропонимика в системе романов Л.Н. Толстого.....	78
<i>Кувшинов Ф.В.</i> О «беспокойниках» Д.И. Хармса: к анализу повести «Старуха».....	83
Лингвокультурология	
<i>Андреанова Д.В., Игнатьева Н.Д.</i> Диада голод-сытость как одна из аксиологических доминант восточнославянской лингвокультуры (на базе пословичного фонда).....	90
<i>Денисова М.А.</i> Пути трансформации жанра кулинарной книги в современной литературе.....	98
<i>Козлова Л.Н.</i> Гендерная лексика как средство характеристики женских персонажей (на примере романа Л. Улицкой «Лестница Якова» и его переводной немецкоязычной версии).....	105
<i>Лаптева М.А.</i> Образ Воронежа в массовой культуре.....	113
Межкультурная коммуникация	
<i>Матвеева Н.В., Жигалова Я.И.</i> Различия в речевых портретах персонажей фильма «Зеленая книга» при аудиовизуальном переводе с английского языка на русский.....	117
<i>Бычкова О.Н.</i> Лингвокультурологическая репрезентативность английского метеорологического дискурса.....	124
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Волкова Е.А., Волков Н.М., Фролова Е.В.</i> Национальное самосознание русского народа в восприятии Ф.М. Достоевского.....	130
<i>Ржанова С.А.</i> Гуманистическая традиция русской литературы и массмедийная среда: процессы взаимодействия (по материалам литературно-публицистических журналов).....	135
События, обзоры, рецензии	
<i>Клюшина А.М., Паршина О.Д.</i> Региональный методологический семинар «Динамические процессы в лексике и грамматике» научной школы профессора Е.П. Иванян.....	141
Правила оформления статей	146

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Svetlichnaia V.Y.</i> Classification of contextual redundancy.....	7
<i>Musaeva A.S.</i> Common linguistic substratum of artificial intelligence terminology (on the example of word-combination terms).....	12
<i>Podtelezhnikova E.N., Pavlova S.S.</i> Functioning of the precedent name Venus.....	19
<i>Pavlovskaya O.E., Sakhno O.S.</i> Student's linguistic personality formation in the context of multiculturalism and multilingualism.....	25
<i>Bugakova N.B.</i> Lexical objectification of the binary opposition "earth – sky" in the artistic model of the world by A. Platonov.....	32
<i>Tokareva G.V.</i> Studying orthoepic and lexical norms at engineering university.....	38
<i>Klyushina A.M.</i> Some features of the use of the lexeme "KRAYNOST" (extreme) in the modern scientific humanitarian discourse.....	44
Literary text: aspects of study	
<i>Trubitsina N.A.</i> Artistic onyms in Bunin's poem "Jerusalem".....	51
<i>Bezatosnaya O.M., Bugakova N.B., Kuzminykh E.O.</i> Individual author's features of objectification of space in novels by B. Zaitsev.....	55
<i>Korostova S.V., Si Hongfeng</i> The specifics of representing speech in the family communication of the characters in Anton Chekhov's "The name day" short story.....	61
<i>Kovyreshina O.A.</i> «Philosophy of life» by Henri Bergson in the diary prose of Mikhail Prishvin.....	67
<i>Serganova D.A.</i> The category «incentive» as a fundamental component of the author's modality in the old Russian oratorical prose of the XI-XIII centuries.....	72
<i>Arzhamova O.V., Ivashenko Ju.Ju.</i> Literary anthroponymy in the system of L.N. Tolstoy's novels.....	78
<i>Kuvshinov F.V.</i> About the "worriers" of D.I. Kharms: to the analysis of the story "The old woman".....	83
Language and culture studies	
<i>Andrianova D.V., Ignatieva N.D.</i> The hunger-satiety dyad as one of the axiological dominants of East Slavic linguoculture (based on the proverbial fund).....	90
<i>Denisova M.A.</i> Ways of transformation of the genre of cookbook in modern literature.....	98
<i>Kozlova L.N.</i> Gender vocabulary as a means of female characters' description (on L. Ulitskaya's novel "Jacob's ladder" and its translated German version).....	105
<i>Lapteva M.A.</i> Image of Voronezh in mass culture.....	113
Intercultural communication	
<i>Matveeva N.V., Zhigalova Ya.I.</i> Differences in the speech portraits of the film "Green book" characters in audiovisual translation from English into Russian.....	117
<i>Bychkova O.N.</i> Linguoculturological representativeness of the English meteorological discourse.....	124
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Volkova E.A., Volkov N.M., Frolova E.V.</i> National Identity of the Russian people in the perception of F.M. Dostoevsky.....	130
<i>Rzhanova S.A.</i> The humanistic tradition of Russian literature and the mass media environment: the processes of their mutual influence (based on the materials of literary and journalistic magazines).....	135
Events and reviews	
<i>Klyushina A.M., Parshina O.D.</i> Regional methodological seminar "Dynamic processes in vocabulary and grammar" of scientific school of professor E.P. Ivanyan.....	141
Layout of the articles	146

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок пятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Концептология», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 23 научные работы.

Раздел «Лингвистика» включает статьи, представляющие классификацию речевой избыточности (В.Ю. Светличная), исследующие общезыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (А.С. Мусаева), специфику функционирования прецедентного имени *Венера* (Е.Н. Подтележникова, С.С. Павлова), особенности формирования языковой личности студента в условиях поликультурализма и полилингвальности (О.Е. Павловская, О.С. Сахно), проблемы лексической объективации бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова (Н.Б. Бугакова), трудности изучения орфоэпических и лексических норм в техническом вузе (Г.В. Токарева), особенности употребления лексемы *крайность* в современном научном гуманитарном дискурсе (А.М. Ключина). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие функции художественных онимов в стихотворении И.А. Бунина «Иерусалим» (Н.А. Трубицина) и антопонимов в романах Л.Н. Толстого (О.В. Арзамова, Ю.Ю. Иващенко), индивидуально-авторские особенности объективации пространства в рассказах Б. Зайцева (О.М. Безатосная, Н.Б. Бугакова, Е.О. Кузьминых), особенности изображения речи в семейной коммуникации персонажей рассказа А.П. Чехова «Именины» (С.В. Коростова, Сы Хунфэн), представляющие «философию жизни» Анри Бергсона в дневниковой прозе Михаила Пришвина (О.А. Ковырина), анализирующие побудительность как ключевой компонент авторской модальности в древнерусской ораторской прозе XI – XIII веков (Д.А. Серганова), выявляющие семантический потенциал лексемы *беспокойники* в повести Д.И. Хармса «Старуха» (Ф.В. Кувшинов). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые представляют диадку *голод-сытость* как одну из аксиологических доминант восточнославянской лингвокультуры (на базе пословичного фонда) (Д.В. Андрианова, Н.Д. Игнатьева), пути трансформации жанра кулинарной книги в современной литературе (М.А. Денисова), рассматривающие гендерную лексику как средство характеристики женских персонажей (на примере романа Л. Улицкой «Лестница Якова» и его переводной немецкоязычной версии) (Л.Н. Козлова), анализирующие образ Воронежа в массовой культуре (М.А. Лаптева). В разделе «Межкультурная коммуникация» исследуются различия в речевых портретах персонажей фильма «Зеленая книга» при аудиовизуальном переводе с английского языка на русский (Н.В. Матвеева, Я.И. Жигалова), а также лингвокультурологическая репрезентативность английского метеорологического дискурса (О.Н. Бычкова). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает работу, представляющую национальное самосознание русского народа в восприятии Ф.М. Достоевского (Е.А. Волкова, Н.М. Волков, Е.В. Фролова), а также исследование гуманистической традиции русской литературы и массмедийной среды (С.А. Ржанова). Раздел «События, обзоры, рецензии» рассказывает о региональном методологическом семинаре «Динамические процессы в лексике и грамматике» (научная школа Е.П. Иванян) (А.М. Ключина, О.Д. Паршина).

Содержащиеся в выпуске 3(46) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81-13

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.55.74.001

*Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики,
старший преподаватель кафедры краеведения
Светличная В.Ю.
ДНР, г. Донецк,
тел. +380713448281
e-mail: v.y.svet@mail.ru*

*Donetsk Academy of Management and Public Ser-
vice under the Head of Donetsk People's Republic,
senior lecturer of the Local history Department
Svetlichnaia V.Y.
Donetsk People's Republic, Donetsk
mel. +380713448281
e-mail: v.y.svet@mail.ru*

В.Ю. Светличная

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Настоящая статья посвящена исследованию речевой избыточности как многогранного и необходимого для успешной коммуникации феномена. В стремлении описать и систематизировать многообразие видов речевой избыточности в современном русском литературном языке автором предпринята попытка создания собственной классификации изучаемой реалии. Теоретической базой и общим ориентиром в разработке настоящей типологии данного лингвистического феномена послужили научные труды, посвящённые речевой избыточности и её видам, а также результаты изучения особенностей, релевантных признаков, функций и прагматического потенциала описываемого в данном труде явления. Методологически исследование опирается на комплексный подход, включающий метод лингвистического описания, фактическим материалом для которого послужили тексты книжных стилей современного русского литературного языка, содержащие факты речевой избыточности. Анализ научной литературы, посвящённой лингвистической избыточности, показал, что этот феномен является сложным образованием и имеет неоднозначное осмысление. Особенность авторского подхода к изучению контекстуальной избыточности заключается в понимании данного феномена как имеющего право на использование в качестве термина без оценочных коннотаций и проявляющегося не только в дублировании компонента (формы, семантики), но и наличии асемантической (либо десемантизированной в определённом контексте) составляющей. В зависимости от способа реализации автор выделяет дублирующую, асемантическую и повторно-асемантическую речевую избыточность. В соответствии с природой избыточного элемента виды дублирующей избыточности подразделяются на формальные, семантические и формально-семантические. Данная классификация является открытой к дополнениям и уточнениям в процессе дальнейшего изучения речевой избыточности.

Ключевые слова: речевая избыточность, классификация, повторная избыточность, асемантическая избыточность, повторно-асемантическая избыточность.

V.Y. Svetlichnaia

CLASSIFICATION OF CONTEXTUAL REDUNDANCY

This article is devoted to the study of contextual redundancy as a multifaceted and necessary phenomenon for successful communication. In an effort to describe and systematize the variety of types of contextual redundancy in modern Russian, the author attempts to create his own classification of the phenomenon under study. The theoretical basis and general guideline in the development of this typology of this linguistic phenomenon were scientific works devoted to contextual redundancy and its types, as well as the results of studying the features, relevant features and functions of the phenomenon described in this work. Methodologically, the study is based on a comprehensive approach, including the method of linguistic description, the actual material for which was the texts of book styles of the modern Russian literary language, containing facts of contextual redundancy. The analysis of the scientific literature devoted to redundancy as a linguistic phenomenon has shown that this phenomenon is a complex formation and has an ambiguous interpretation. The peculiarity of the author's approach to the study of contextual redundancy lies in the understanding of this phenomenon as having the right to be used as a term without evaluative connotations and manifesting itself not only in the duplication (form, semantics) of the component, but also in the presence of an asemantic (or desemanticized in a certain context) component. Depending on the method of implementation (or their combination),

the author identifies duplicate, asemanic and re-asemanic contextual redundancy. In accordance with the nature of the redundant element, the types of duplicate redundancy are divided into formal, semantic and formal-semantic. This classification is open to additions and clarifications in the process of further study of contextual redundancy.

Keywords: contextual redundancy, classification, repeated redundancy, asemanic redundancy, repeated asemanic redundancy.

Построение классификации речевой избыточности не только требует осмысления данной реалии с позиций лингвистики, но и рассмотрения сути этого явления в различных сферах мышления, познания и бытия. Исследование избыточности как таковой приводит к выводам о том, что данный феномен находит отражение в различных отраслях жизнедеятельности, а также является универсалией мироустройства и мышления. Так, в ряде наук (в биологии, риторике, психологической теории) а также сложных специфических видах творческой деятельности, проектировании технических устройств избыточность воспринимается и функционирует как подстраховка или гарантия в осуществлении определённых процессов. В информационных же технологиях, ориентированных на автоматическую обработку данных, избыточность является недостатком, т. к., дублируя информацию в нескольких записях таблицы, избыточность ведёт не только к проблемам, связанным с обработкой данных, но и к увеличению объёма памяти. Двойственность оценки избыточности наблюдается в теории информации, где воспринимается, с одной стороны, как важная составляющая сообщения, а с другой – как недостаток. Как видим, само понятие избыточности находит отражение в некоторых науках и сферах жизнедеятельности, выступая необходимым (желательным) условием или недостатком, состоящим в том, что некий элемент является лишним, ненужным.

Схожая картина осмысления понятия и роли избыточности складывается и в лингвистике, где изучению этого явления уделяется внимание со стороны как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Феномен избыточности в языкознании имеет различные теоретические корни, что приводит к неоднозначному пониманию не только самого термина, но и методов описания избыточности как таковой. Вопреки разногласиям исследователей в вопросах определения сути речевой избыточности, её нормативности и особенностей функционирования, результаты изучения данной реалии в лингвистике дают основание говорить о ней как о языковой универсалии.

Для построения классификации фактов речевой избыточности считаем необходимым представление дефиниции изучаемого явления. Под термином *речевая избыточность* понимаем *обусловленный коммуникативными, социо- и психолингвистическими факторами произвольно распознаваемый коммуникативный феномен, заключающийся в чрезмерности языковых средств передачи мысли, а также дублировании формы, смысла или их фрагментов и сочетаний*. В качестве синонимов к термину *речевая избыточность* уместным и обоснованным видится использование формулировок *контекстуальная* и *ситуативная избыточность*. Придерживаясь теории о том, что «язык и речь, при всём том, что они тесно связаны и предполагают существование друг друга, представляют собой отдельные явления» [1, с. 352], считаем логичным и целесообразным в данной работе выделение избыточности языка (как кода) и избыточности речи (как субъективного явления, выражения свободной творческой деятельности индивида, акта его разума и воли). Отметим также, что данный многогранный и необходимый для успешной коммуникации феномен, на наш взгляд, имеет право на использование в качестве термина без оценочных коннотаций. Отрицательные категории объективно применимы к словосочетанию *речевая избыточность* только в случае несознательно-ошибочного употребления избыточных компонентов, препятствующих адекватному восприятию информации и потому являющимися ненормативными. Инкорпорирование нового термина не представляет нам необходимым при осмыслении сути и прагматической составляющей изучаемого явления без привнесения оценочных характеристик.

Анализ представленного в научной литературе теоретического материала, посвящённого исследованию речевой избыточности, позволяет утверждать, что в лингвистике отсутствует единая классификация или комплексный подход в решении вопросов типологии данного феномена [2]. Так, одни учёные, описывая речевую избыточность, лишь называют такие её разновидности, как *плеоназм*, *тавтология*, *повторение слов* (или *лексический повтор*), *длина предложения* [3; с. 5-17], *ляпалиссиада* [4; с. 179], *троизмы* и *лишние слова* [5; с. 213]. Другие исследователи более детально рассматривают речевую избыточность в процессе создания типологии вербальной избыточности, не разграничивая её обнаружения на языковом и речевом уровне [6]. Классификации избыточности, учитывающие принадлежность данного явления к различным уровням проявления (языка и речи), строятся на повторе слова или выражения. Данный подход

представляется нам неточным, т. к. учтены не все возможные способы реализации речевой избыточности [7].

Следует признать, что на сегодняшний день отсутствует единая типология речевой избыточности, что позволяет нам на основе самостоятельно собранного материала предложить классификацию этого лингвистического феномена с учётом обнаруженных способов его проявления. Изучение научных трудов, посвящённых речевой избыточности, а также анализ текстов книжных стилей современного русского языка позволяет прийти к выводу о том, что речевая избыточность строится на повторении и/или включении асемантического компонента, в связи с чем логичным является выделение *дублирующей, асемантической и повторно-асемантической речевой избыточности*.

Дублирующая речевая избыточность строится на повторе формы или/и семантики определённого компонента. В соответствии с природой избыточного компонента выделяем такие группы речевой избыточности дублирующего типа: формальную, семантическую, формально-семантическую.

К группе дублирующей избыточности формального типа относим звуковой повтор, под которым понимаем преднамеренное (мотивированное) или случайное (вынужденное) дублирование одинаковых или сходных звуков и звукосочетаний в условиях заметной тесноты ряда. Для успешного изучения звуковых повторов, важным условием является анализ транскрипции, а не графического изображения сообщения, т. к. «звучащая речь является основной формой существования языка. Даже когда мы, читая, не произносим текста вслух, каждое слово воспринимается в его звуковой оболочке» [8, с. 153].

К звуковым повторам относим:

- дублирование одинаковых (или сходных) звуков и звукосочетаний, в том числе рифму и её разновидности (*Коси коса, пока роса! Роса долой, и мы – домой!*), а также сочетания типа *лисичка-сестричка, конёк-горбунок* (со вторым рифмованным компонентом, тяготеющим к функциям приложения);
- звукоподражательные слова, образованные посредством редупликации (*кап-кап, ку-ку*);
- омонимический повтор (при сочетании равнозвучащих, но разнозначных компонентов, напр.: *Так поёт ли **Ли**, или не поёт **Ли**? Узнаем, если послушаем Александра **Ли** на ТНТ*);
- повтор многозначного слова в различных значениях (т. к. дублируется только форма слова (звуковая оболочка) при неравном семантическом наполнении) (*И обязательно дождитесь результатов лабораторной проверки, чтобы узнать, в треске под какими брендами кишат **паразиты**, а какие фирмы обманывают (вот **паразиты**!) с весом такой не дешёвой трески*);
- повтор фонетически сходных, но разных по значению слов (*Рекламный **прессинг** или реклама в **прессе***);
- повтор разнокорневых паронимов (*девственный – действенный, фарс – фарш; экскаватор – эскалатор; инъекция – инфекция*).

Характер и функции звуковых повторов многообразны и связаны с другими особенностями текста – принадлежности к определённому стилю, прагматическим потенциалом, экстралингвистическими условиями. Использование особенностей звуковой формы текста (независимо от стиля) должно отличаться сознательным подходом говорящего к построению текста (сообщения), а каждый звуковой повтор указывать на что-то важное в содержании, быть эстетически мотивированным и отвечать требованию благозвучия, основные принципы которого строятся на частотности звуковых повторов и качестве их составляющих.

Под семантическим повтором понимаем прагматически мотивированное или немотивированное использование языковых единиц в составе словосочетания, предложения или нескольких расположенных контактно предложений, состоящее в дублировании смысла денотата при формальных различиях его выражения. К семантическому повтору причисляем следующие типы дублирующей речевой избыточности: плеоназм (*перспективы дальнейшего исследования, уникальный и неповторимый*) и местоименное дублирование подлежащего или дополнения (*а **боль** – она приходит и уходит, счастливые **люди** – их нет в интернете*). Считаем необходимым уточнить, что под плеоназмом понимаем вид речевой избыточности, проявляющийся в прагматически мотивированном или немотивированном полном или частичном семантическом дублировании языковых единиц в составе словосочетания, предложения или нескольких расположенных контактно предложений, посредством грамматических форм (*вечная мерзлота*) или близких по значению разнокорневых слов (*уникальный и неповторимый аромат*), а также таких сочетаний, в которых семантика одного слова включена в семантику другого (*первый дебют, лихие наваждения*). Отметим также, что грамматические плеоназмы не входят в предметное поле данного исследования.

Речевая избыточность, построенная на полном или частичном дублировании и формы, и семантики, согласно нашей классификации, относится к формально-семантическому типу дублирующей избыточности и представлена такими её видами:

- лексическим повтором (*Кто-то сказал, что самое страшное в одиночестве – это одиночество в толпе; Никому не нужен тот, кто не нужен сам себе*);

- вариативным повтором или вариативным развёрнутым повтором (перефразированное дублирование высказанного ранее в тексте утверждения с частичной заменой формального выражения), напр., *разнообразие мнений, высказывавшихся по поводу частеречного статуса деепричастия, связано с неоднозначным решением в научной литературе одного из основных вопросов грамматики – вопроса о частях речи*.

- парными словами типа *царь-государь, шутка-прибаутка, гуси-лебеди, калинка-малинка, вкривь-вкось, сею-вею, шатается-мotaется* (обе составляющие (чаще синонимы) имеют конкретные сходные в семантическом плане значения, а весь рифмоповтор в результате сближения суммарной семантики элементов образует третье значение, которое семантически объёмней суммы компонентов);

- тавтологией (*Здесь покупатель принимает решение о покупке*).

Вслед за представителями «узкого» подхода к осмыслению сути тавтологии, понимаем под ней такой вид повтора, одновременно проявляющийся на фонетическом и лексическом уровнях, который основан на прагматически и семантически мотивированном (*А я буду вам улыбаться улыбкой блаженной*) или немотивированном (*Достроить объекты незавершённого строительства*) дублировании грамматически различных однокорневых лексем (*поднялись на довольно высокую высоту*) [9, с. 6]. Данная дефиниция, представленная Т. А. Ковалёвой, на наш взгляд, позволяет разграничить наиболее распространённые явления речевой избыточности (тавтологию и плеоназм), соблюдая тем самым предъявляемые к научному термину требования однозначности и системности.

Асемантическая избыточность представляет собой разновидность речевой избыточности, проявляющуюся в излишней с точки зрения логического смысла и точной передачи информации детализации, более пространном изложении того, что может быть выражено короче, или в наличии семантически бессодержательного (пустого, асемантического) элемента словосочетания или выражения. В большинстве лингвистических трудов асемантическая избыточность сопровождается негативными коннотациями, что объясняет наличие классификаций только тех видов данного феномена, которые не являются коммуникативно целесообразными [10, с. 428-449; 11]. Принимая данные классификации с некоторыми изменениями, к асемантической избыточности относим:

- несколькословие (использование вместо одного нескольких слов, обозначающих предмет, признак, действие, напр., *детское население – дети; проводить ремонтные работы – ремонтировать*);

- околословие (употребление в речи описательных оборотов или определений вместо прямых названий, напр., *Донецк – город роз; препятствовать – приводить к дисфункциональным последствиям*);

- лишнесловие (использование ненужных или необязательных слов и выражений, напр., *результаты проведённых исследований – результаты исследований; во время осуществления проверки – при проверке*; не несущих стилистической и смысловой нагрузки служебных частей речи, а также вводных слов и выражений, местоимений, наречий, которые часто называют словами-паразитами, напр., *так сказать, значит, в принципе, правда, в общем, ну, это, вот, этот, самый, как бы, какие-то, как-то, там*; излишних пояснений, напр., *лингвист в своей диссертации отмечает*, пространность речи на фразовом уровне).

Отметим, что, представляя данную классификацию, мы воздерживаемся от оценочной характеристики асемантической избыточности, т. к., например, использование канцеляризмов, штампов, расщеплённого сказуемого и подобных выражений в литературном (если это не является элементом характеристики персонажа), разговорном и публицистическом стилях является отклонением от нормы. В то время как употребление несколькословия и отдельных видов лишнесловия в официально-деловых и научных текстах (например, расщеплённое сказуемое, канцелярские штампы, чрезмерное употребление отымённых предлогов *в части, в деле, в области, в адрес, со стороны* или слов *вопрос, момент, проблема, решение, задача*) обусловлено лингвистическими особенностями соответствующих стилей, а потому является оправданным.

В зависимости от способа проявления речевой избыточности нами выделены три группы изучаемого феномена. Первая (наибольшая по численности) включает модели, построенные на дублировании, вторая – структуры с асемантическим компонентом. Наименее численной является группа речевой избыточности, охватывающая конструкции с содержанием основных признаков первых двух групп ситуативной избыточности. Т. е. основной характеристикой речевой избыточности третьей группы является наличие и дублирования, и асемантического компонента. К **повторно-асемантической избыточности** относим *гендиадисные конструкции, образованные путём рифмованного сложения лексических единиц, одна (или обе) из которых является асемантическим или десемантизированным (в конкретном сочетании) фонетическим вариантом другой*. К таким единицам причисляем лексемы типа *шутки-дрючки, шуры-муры, любовь-морковь* и т. п.

Итак, для дальнейшего изучения речевой избыточности логичной представляется классификация в зависимости от способа проявления данной речевой реалии. В соответствии с тем, что изучаемый феномен строится на повторении и/или включении асемантического компонента, разделяем речевую избыточность на дублирующую, асемантическую и повторно-асемантическую. Типы дублирующей избыточности в соответствии с природой избыточного элемента разделяем на формальные, семантические и формально-семантические. К асемантической избыточности относим несколькословие, лишнесловие и околословие. Повторно-асемантическая избыточность представлена гендиадическими образованиями. Заметим также, что пустой элемент в составе асемантической и повторно-асемантической избыточности всегда содержит нерелевантную информацию, в то время как типы дублирующей речевой избыточности в зависимости от коммуникативной ситуации или прагматических задач говорящего могут содержать повтор как релевантной, так и нерелевантной информации.

Представленную классификацию контекстуальной избыточности считаем целостной, хотя границы между некоторыми группами могут быть нечёткими, т. к. категоризация каждого выражения зависит от контекста, в котором оно употребляется. Аналитическая работа по систематизации типов речевой избыточности в настоящем труде проводится как открытая классификация, что подразумевает её коррекцию в случае обнаружения новых либо ранее не зафиксированных проявлений изучаемого феномена.

Библиографический список

1. Звегинцев В.А. Функционально-структурные основы лингвистического описания // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1963. 569 с.
2. Светличная В. Ю. Основные подходы к классификации речевой избыточности // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии : материалы XXVIII Всероссийской научно-практической конференции (15 февраля 2021 г.): в 2-х ч. Ч.1. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. С. 172-177.
3. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. 268 с.
4. Голуб И. Б., Неклюдов В. Д. Русская риторика и культура речи : учеб. пособие. М. : Логос, 2011. 328 с.
5. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 562 с.
6. Филиппова И. Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2011. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15607564_28886544.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
7. Wit E J C., Gillette M. What is Linguistic Redundancy? Technical Report The University of Chicago March 15. 1999. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/182d/3980d8f41616da690d607f6f980dbf582352.pdf> (дата обращения: 28.02.2020).
8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 11-е изд. М. : Айрис-пресс, 2010. 448 с.
9. Ковалёва Т.А. Тавтология и плеоназм в русском языке XXI века: полисистемный аспект: автореф. на соиск. учёной степ. канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык Великий Новгород, 2017. 22 с.
10. Мильчин А. Э. Методика редактирования текста. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Логос, 2005. 524 с.
11. Селигей П. О. Типи багатослів'я в наукових текстах // Українська мова. 2013. № 4. С. 22–44. URL: <http://inmo.org.ua/assets/files/Selihey.%20Типы%20bahatoslivyya.pdf> (дата обращения 08.05.2021).

References

1. Zvegintsev V.A. Functional and structural foundations of linguistic description // New in linguistics. Issue III. M. : Publishing House of the Institute of Literature, 1963. 569 p.
2. Svetlichnaia V. Y. Basic approaches to the classification of contextual redundancy // Humanities and natural science research: main discussions : materials of the XXVIII All-Russian Scientific and Practical Conference (February 15, 2021): in 2 hours-1. Rostov-on-Don : Publishing House of the Southern University of IUBiP, 2021. pp. 172-177.
3. Golub I. B., Rosenthal D. E. The book of good speech. M. : Culture and sport, UNITY, 1997. 268 p.
4. Golub I. B., Neklyudov V. D. Russian rhetoric and culture of speech : studies. manual. Moscow : Logos, 2011. 328 p.
5. Matveeva T. V. Complete dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don: Phoenix, 2010. 562 p.
6. Filippova I. N. Classification of verbal redundancy // Bulletin of the Moscow State University. The series "Linguistics". 2011. № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15607564_28886544.pdf (accessed: 14.01.2021).
7. Wit E J C., Gillette M. What is Linguistic Redundancy? Technical Report The University of Chicago March 15. 1999. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/182d/3980d8f41616da690d607f6f980dbf582352.pdf> (accessed: 28.02.2020).
8. Golub I.B. Stylistics of the Russian language. 11th ed. Moscow : Iris-press, 2010. 448 p.
9. Kovaleva T.A. Tautology and pleonasm in the Russian language of the XXI century: polysystem aspect: abstract. on the job. scientific step. Candidate of Philology: 10.02.01 – Russian language Veliky Novgorod, 2017. 22 p.
10. Milchin A. E. Text editing methodology. 3rd Ed., reprint. and additional M. : Logos, 2005. 524 p.
11. Seligey P. A. types of verbosity in scientific texts. 2013. № 4. pp. 22-44. URL: <http://inmo.org.ua/assets/files/Selihey.%20Типы%20bahatoslivyya.pdf> (accessed: 08.05.2021).

УДК 81.42

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.50.60.002

*Московский городской
педагогический университет
(Самарский филиал),
преподаватель кафедры методики преподавания
иностранного языка
Мусаева А.С.
Россия, г. Самара, тел. +79063385380
e-mail: ana.mus@yandex.ru*

*Moscow City Pedagogical University
(Samara branch),
Lecturer of the Department
of Foreign Language
Teaching Methodology
Musaeva A.S.
Russia, Samara, tel. +79063385380
e-mail: ana.mus@yandex.ru*

А.С. Мусаева

ОБЩЕЯЗЫКОВОЙ СУБСТРАТ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ-СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

Цель статьи – исследовать процесс терминообразования в новой специальной сфере – терминологии искусственного интеллекта. Материалом исследования послужили 116 терминов искусственного интеллекта, отобранные методом сплошной выборки из государственных стандартов по искусственному интеллекту, утвержденных к настоящему времени. В статье доказано, что актуальная терминология искусственного интеллекта в значительной степени восходит к общеязыковому субстрату – словосочетаниям общенародного языка. Доля заимствованных из литературного языка терминов-словосочетаний составляет 25%. В статье анализируются два семантических явления – гипонимия и метафора. Показано, как метатермины формируют иерархию специального поля искусственного интеллекта. Проанализирован процесс переосмысления, метафоризации слов литературного языка. С помощью метода компонентного анализа показано, как утрачиваются семы общелитературного слова и появляются специальные дифференциальные признаки, указывающие на принадлежность к профессиональной сфере искусственного интеллекта. В основном метафоризации подвергается базовое слово в словосочетании – имя существительное, значительно реже – зависимый компонент.

Ключевые слова: термин, терминология, терминологическое словосочетание, привлечение, общеязыковой субстрат, гипонимия, метафора

A.S. Musaeva

COMMON LINGUISTIC SUBSTRATUM OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TERMINOLOGY (ON THE EXAMPLE OF WORD-COMBINATION TERMS)

The aim of the article is to investigate the process of term formation in a new special sphere - the terminology of artificial intelligence. The research material was 116 terms of artificial intelligence. These terms were selected by random sampling from state standards on artificial intelligence. These state standards are currently approved in Russia. The article proves that the actual terminology of artificial intelligence to a large extent goes back to the common linguistic substratum - word combinations of the common language. The share of word-combination terms borrowed from the literary language is 25%. The article analyzes two semantic phenomena - hyponymy and metaphor. It is shown how meta-terms form a hierarchy of special field of artificial intelligence. The process of reinterpretation, metaphorization of words of literary language is analyzed. Using the method of component analysis it is shown how the semesters of the literary word are lost and special differential features appear. These differential features indicate belonging to the professional sphere of artificial intelligence. Mainly the base word in the word combination - the noun, and much more rarely - the dependent component - is subjected to metaphorization.

Key words: terminology, term, terminological word combination, attraction, common language substrate, hyponymy, metaphor

В современном терминоведении для описания процесса заимствования формирующимся терминологическим полем слов из других сфер национального русского языка обычно используются термины «привлечение» и «транстерминологизация». И привлечение, и транстерминологизация являются способами семантического терминообразования через специализацию в условиях особого

контекста [1]. Однако можно отметить отсутствие единой терминологии при описании процессов терминологизации. Например, С.В. Гринев использует термин «заимствование» для описания процесса пополнения специальной лексики средствами литературного языка, а привлечением называет переход термина в другое профессиональное поле [2, с. 63]. На этапе становления терминоведения как самостоятельной отрасли лексикологии один из ее основателей – Д.С. Лотте – пользовался термином «перенос» [3, с. 99], В.П. Даниленко говорит о вторичной терминологизации номинативной единицы [4, с. 21]. «Переход лексики из метаязыка одной системы в метаязык другой» Е.И. Мальцева называет трансфером [5, с. 150]. В настоящее время широко используется термин транстерминологизация, см.: [6; 7; 8; 9 и др.].

Нет определенности и в энциклопедическом словаре В.А. Татарина «Общее терминоведение» [10]. И под привлечением, и под транстерминологизацией понимается один и тот же процесс переноса термина из одной терминотерминологической системы в другую. Ср. *привлеченные термины* – термины из других отраслей, использующиеся в определенной терминотерминологической системе [там же, с. 146]; *транстерминологизация* – процесс перехода термина из одной отрасли в другую [там же, с. 309].

При неупорядоченности определений считаем возможным пользоваться в данном исследовании следующей терминологией: *привлечение* – заимствование терминов и словосочетаний из литературного языка; *транстерминологизация* – заимствование термина из одного терминологического поля в другое. Таким образом, привлечение – это вертикальный процесс, когда лексема «спускается» из системы общенародного языка в один из пластов лексики, а именно, в специальную, узкоограниченную сферу. Транстерминологизация – это процесс горизонтальный, связанный с переходом из одной профессиональной области в другую.

Языковой материал терминополья «Искусственный интеллект» (ИИ) в настоящее время составляют 449 терминов. Все они входят в параграфы «Термины и определения» утвержденных государственных стандартов по искусственному интеллекту. Среди них [11 - 15] и нек. др. стандарты. Количественный анализ терминов ИИ показывает, что:

- привлеченными являются 208 единиц (46%);
- транстерминологизированными – 187 (42%);
- созданными как неологизмы для обслуживания теории и практики ИИ – 54 (12%).

Из литературного языка могут заимствоваться как слова, так и словосочетания. В нашем языковом материале:

- привлеченные слова – 92 лексемы (44%);
- привлеченные словосочетания – 116 единиц (56%).

В рамках данной статьи анализируются привлеченные словосочетания, среди которых следующие: **библиотека знаний, витрина данных, естественный язык, жизненный цикл, заданные условия, заинтересованное лицо, интернет вещей, модель знаний, обученная модель, общедоступная платформа, показатель качества, потребители информации, статические данные, цифровой след, экспертная система, эксплуатационная документация изготовителя** и др.

Данные выражения либо употребляются носителями русского языка без ощущения их терминологичности, либо входят в такое большое количество профессиональных полей, что установить их отраслевую принадлежность не представляется возможным. В словарях такие выражения сопровождаются пометой «спец.», не указывающей на конкретную научно-техническую область.

А.Э. Буженинов, проводя различие между транстерминологизацией и привлечением, пишет, что привлеченные термины при переходе из одного дискурса в другой сохраняют свое значение в отличие от транстерминологизированных [16, с. 59]. Большая часть привлеченных терминов-словосочетаний в специальном поле ИИ оказывается именно такой: ни в форме термина, ни в его определении не содержится никаких маркеров – указаний на принадлежность к терминологическому полю ИИ. Например:

заинтересованное лицо – любое физическое лицо, группа или организация, которые могут влиять, оказаться под влиянием, либо считать, что на них повлияло определенное решение или действие [15];

классификационная схема – классификационная структура, основанная на отношениях подчинения [11];

результат испытаний – оценка характеристик свойств объекта, установления соответствия объекта заданным требованиям по данным испытаний, результаты анализа качества функционирования объекта в процессе испытаний [13].

Большую группу терминов-словосочетаний представляют собой видовые обозначения, причем родовое слово может и не присутствовать в словнике терминов ИИ. Родо-видовые отношения в языке носят название гипонимии. Л.А. Новиков в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дает такое определение гипонимии: «одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле – иерархическая организация его элементов, основанная на родо-видовых отношениях» [17, с. 104].

Гипонимия является системообразующим, фундаментальным структурным качеством и литературного языка, и его специальных дискурсов. В терминологическом поле она отражает сложившуюся на данный момент иерархию научно-технических понятий. Чем глубже гипогиперонимическая организация терминосистемы, тем более разработанной является определенная область человеческого знания.

Лексикологи рассматривают явление гипонимии как проявление семантических привативных оппозиций в языке: значение родового слова дублируется в видовом, обозначая их семантическое сходство. Гипонимические отношения построены по принципу иерархии, и «иерархичность проявляется в том, что каждый класс является видом одного более высокого в иерархической цепи и родом по отношению к классам, расположенным ниже», – пишет О.И. Лукина [18, с. 382]. Л.А. Морозова замечает, что чем ниже положение видового термина в иерархии, тем более специфичным он становится [19, с. 100].

Родо-видовые отношения находят отражение в дефинициях терминов. Как пишет Э.В. Кузнецова, у подобных терминов дефиниции состоят из двух частей: первая часть – идентификатор, вторая – конкретизатор. Идентификатор определяет более общие признаки, а конкретизатор – дифференциальные, позволяющие различать согипонимы [20, с. 36-37]. Можно сказать, что идентификатор представляет собой тему дефиниции, а конкретизатор – рему.

А.С. Зайцева напрямую увязывает явление гипонимии с синтаксическим терминообразованием. В терминоведении синтаксическим называется способ образования терминов-словосочетаний. Исследователь отмечает, что первично путем привлечения в терминосистему попадает неологизм, который впоследствии уточняется терминами-спецификаторами. Активность синтаксического терминообразования, приводящего к появлению гипонимов, А.С. Зайцева объясняет «когнитивной природой термина, отражающего процесс научного познания от общего к частному... Когнитивное терминоведение отмечает наличие у термина-словосочетания прозрачной внутренней формы и выражение им родо-видовых связей» [21, с. 105].

Поскольку речь идет о терминообразовании, А.С. Зайцева увязывает родо-видовые отношения с представлениями о терминологическом гнезде (ТГ) и предлагает авторскую его трактовку. С ее точки зрения, вершину ТГ представляет «гнездообразующий термин максимальной степени обобщенности, родовой по отношению к компонентам ТГ» [21, с. 99]. Развитие ТГ происходит только по одной линии – «за счет появления терминов-спецификаторов исходного понятия» [там же]. Автор отмечает, что основным строительным материалом ТГ являются видовые прилагательные или существительные, а «термины-словосочетания являются важным и распространенным видом новых специальных слов» [там же].

Рассмотрим более подробно привлеченные видовые словосочетания.

Родовое слово *данные*: **динамические данные, нормализованные данные, обезличенные данные, обучающие данные, основные данные, первичные данные, персональные данные, статические данные, транзакционные данные, учебно-методические данные.**

Родовое слово *предмет*: **бесхозный предмет, исчезнувший предмет, оставленный предмет, унесенный предмет.**

Родовое слово *объект*: **объект классификации, объект наблюдения, физический объект.**

Родовое слово *модель*: **модель жизненного цикла, модель знаний, обученная модель.**

Родовое слово *система*: **образовательный продукт (программно-техническая система) с алгоритмами искусственного интеллекта, техническая система, экспертная система.**

Родовое слово *средство*: **средство мониторинга поведения людей, средство прогнозирования намерений людей, транспортное средство.**

Родовое слово *схема*: **классификационная схема, схема классификации.**

Родовое слово *информация*: **дополнительная информация, основная информация.**

Родовое слово *обучение*: **непрерывное обучение, повторное обучение и нек. др.**

Большая часть представленных родовых терминов является так называемыми словами широкого объема значения, или метатерминами. Это общенаучные или общетехнические термины-понятия категориального уровня (*предмет, объект, средство, система, схема* и др.). Основное их назначение – функция субституции [22, с. 202].

В.А. Татаринов для определения одного из видов неоднозначности термина предложил понятие эврисемии, или, по-другому, широкозначности [10, с. 347]. Под эврисемией ученый понимает «способность термина относиться к неопределенному количеству денотатов» [там же]. Этот процесс представляется исследователю десемантизацией слова до его моносемной структуры, «причем сохранившаяся моносема приобретает в высшей степени абстрактный характер. Термин становится бесконечным, способным означать неопределенное множество денотатов» [там же]. Поэтому ученые говорят о низкой информативности таких терминов, но тем не менее они являются неотъемлемой частью метаязыков всех терминологических полей, в том числе и терминологического поля ИИ.

Их наличие во всех терминологиях объясняется важными для систем терминов логическими, классификационными отношениями. Слова наивысшего уровня обобщения задают таксономическую сетку членения действительности и служат для типизации менее общих лексических единиц. С когнитивной точки зрения, метатермины выполняют функцию строевых слов в структурной схеме членения объективной действительности в сознании человека. Например, Е.И. Голованова вычленяет семь уровней категориальной классификации, основанной на последовательной конкретизации метатерминов: высший, метакатегориальный, категориальный, суперординатный, базовый, тематический, субтематический [23, с. 18].

Без конкретизации с помощью видового прилагательного невозможно определить ни принадлежность термина к определенному специальному полю, ни его значение. Только в рамках термина-словосочетания семантика метатерминов приобретает определенность. Типичная структура метатерминов – двусловная. Она включает интегрирующий и дифференцирующий компонент. Термины тематического и субтематического уровней являются специальными лексемами с высокой степенью терминологизации, наиболее информативными лексемами, именно они фиксируют, хранят и передают специальную профессиональную информацию. Метатермины наиболее тесно связаны с проблемой искусственного интеллекта, поскольку именно они являются основными классификаторами понятий в информационных языках, которые стремятся к однозначной формальной записи значений.

При образовании терминов-словосочетаний синтаксическое терминообразование может сопровождаться одновременной метафоризацией одного (реже – обоих) компонентов. Однако метафора в терминологии ИИ является скорее исключением, чем правилом. Наличием метафорических терминов характеризуются старые терминологии, начавшие появляться по мере дифференциации трудовой деятельности (ремесленная, строительная, медицинская, охотничья и др.): «С развитием научного мышления человек начинает переносить свой житейский опыт на специальную сферу деятельности» [24, с. 33]. Терминологии нового времени, к которым можно отнести и лексикон ИИ, используют слова в их прямом значении. Хотя термины-метафоры до сих пор актуальны, их появление «объясняется ...стремлением специалиста создавать новые понятия, сопоставляя их с уже известными понятиями и вербализировать их, используя знакомые общеупотребительные слова» [25, с. 360].

Метафоризации могут подвергаться как ядерные, так и периферийные семы в толковании слов. В исследуемом материале нами обнаружено 8 терминологических сочетание метафорического характера: *искусственный интеллект, библиотека знаний, витрина данных, общедоступная платформа, обучение модели, обученная модель, цифровой след, обогащенные данные*.

Проанализируем метафоризацию имени существительного. Сам термин *искусственный интеллект* представляет собой контаминацию оксюморона и метафоры. Определение *искусственный* реализует сему подобия: созданный человеком наподобие или вместо природного, подлинного; при этом *интеллект* – это сугубо человеческая мыслительная способность, умственное начало у человека, определяющее его деятельность.

В.Н. Прохорова перенесла классификацию фразеологизмов литературного языка на терминологические словосочетания. При таком подходе термин *искусственный интеллект* можно квалифицировать как фразеологическое единство – основания его метафоризации понятны и ощутимы [26, с. 60-61]. Это словосочетание, в котором метафоризации подвергаются главное слово – существительное *интеллект*: машинные операции уподобляются мыслительной деятельности.

Метафорический термин образует терминологическое гнездо – говорят о *сильном* и *слабом искусственном интеллекте*. С лингвистической точки зрения в описании теории сильного искусственного интеллекта присутствует большое количество олицетворений: он «способен осознавать себя как

отдельную личность», «может понимать собственные мысли», «принимает решения», «планирует», «обучается», «общается на естественном языке», «обладает силой воли», «имеет сознание и самосознание», «способен к сопереживанию», «мудрый», «мотивированный».

Принадлежностью терминополья ИИ является специальное сочетание *библиотека знаний*. В нем метафорически переосмысливается слово «библиотека». В слове «библиотека» можно выделить 3 семы: 1) помещение; 2) функция (хранение и выдача); 3) объект (книги). Попав в профессиональный язык, слово утратило базовую сему «помещение» и факультативную объектную (книги). Осталась только функциональная сема. В компьютерном языке библиотека – это хранилище подпрограмм, классов в едином файле специального формата. Согласно ГОСТу, *библиотека знаний* – «набор информационных (знаковых, символьных) моделей, которые выражают знания (также могут включать в себя определение моделей и их требования) о ряде вещей (понятий) и хранятся и воспроизводятся в электронном виде» [11].

Приведем в качестве примера также термин *витрина данных*. В терминологии ИИ *витрина данных* – «это срез хранилища данных, представляющий собой набор данных, подготовленных для предоставления потребителю в качестве услуги» [12]. С переходом к виртуальной цифровой среде некоторые слова русского языка утрачивают вещный, материальный смысл. Так, *витриной* называется либо специально оборудованное окно магазина (учреждения), либо застекленный шкаф, ящик, стенд с образцами для всеобщего обозрения. В терминологии ИИ на *витрину* «выкладывается» цифровой продукт. Тем не менее в специальном поле сохраняются семы предмета (образец, набор), услуги (показ), объекта (потребитель).

Аналогичный процесс наблюдаем в словосочетании *общедоступная платформа* – в терминологии ИИ «информационная система для сбора, обработки, хранения и опубликования наборов данных, доступная в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» [27]. *Платформой* в русском языке называется площадка. В сфере ИИ *платформа* перестала быть некой специальной постройкой и представляет собой цифровую технологическую систему.

Рассмотрим термин *обучение модели*. В терминологии ИИ это «процесс определения или улучшения параметров модели машинного обучения на основе алгоритма машинного обучения с использованием обучающих данных» [15]. Под *обучением* в общем смысле понимается активность субъекта по овладению знаниями, умениями, навыками, развитию творческих способностей и нравственных установок. Семантика термина ИИ уже значения общеупотребительного слова – результатом обучения становятся лишь улучшенные параметры модели, процесс обучения машины не творческий, а подчиненный определенному алгоритму, машина не является активным участником обучения.

Еще один пример – термин *цифровой след*. Это «совокупность данных, представленных в электронном цифровом формате» [14]. Термин возник на базе лексико-семантического варианта многозначного слова «след» – остаток, сохраняющийся признак субъекта или явления, переставшего существовать или присутствовать. Выражение *цифровой след* является ложно ориентирующим, поскольку пользователь видит оцифрованные материалы, иные символы и знаки, а не собственно цифры.

Далее проанализируем метафоризацию имени прилагательного.

Процесс метафоризации отмечаем в термине *обогащенные данные*. По ГОСТу это «данные, объединенные или дополненные логически связанными данными, полученными от других поставщиков данных, а также данные, полученные в результате объединения по различным признакам и категориям» [12]. В основе переноса лежит одно из значений многозначного слова «обогащать» – преумножить, сделать более значительным по составу или содержанию. В термине обозначены 2 способа *обогащения данных* – объединение и дополнение.

Таким образом, привлеченные из общеупотребительного языка словосочетания составляют в терминологии ИИ 25,8%, то есть четверть лексикона одной из новейших терминологий формируется за счет общезыкового субстрата в форме словосочетания. Эти терминологические выражения являются средством номинации как в общенародном языке, так и в его профессиональном дискурсе.

В статье внимание было сосредоточено на двух семантических явлениях – гипонимии и метафоре. Сделаны следующие выводы. Большая часть родовых терминов является словами широкого объема значения и выполняет системообразующую функцию: метатермины определяют логические, классификационные отношения в терминологическом поле. Проанализированные в статье термины

находятся на тематическом уровне, то есть имеют высокую степень терминологизации и наиболее полно кодируют специальную информацию.

Метафора в терминологии ИИ – редкое семантическое явление. Терминологии нового времени, в том числе и лексикон ИИ, используют слова в их прямом значении. Метафоризации при толковании слов могут подвергаться как ядерные, так и периферийные семы. Метафорические термины могут утрачивать часть сем общелитературного слова, при этом их дефиниция всегда дополняется специальными дифференциальными признаками, указывающими на принадлежность к профессиональной сфере. Такие семы могут содержать указания на функцию, результат, субъект, объект, время, место и др. Если общелитературное слово многозначно, термин возникает на базе одного из его лексико-семантических вариантов. В основном метафоризации подвергается базовое слово в словосочетании – имя существительное, значительно реже – зависимый компонент.

Библиографический список

1. Сложеникина Ю.В. Терминология в лексической системе: функциональное варьирование: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 36 с.
2. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 280 с.
3. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
4. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
5. Мальцева Е.И. Семантические процессы при трансфере *verba dicendi* в язык искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 148-161.
6. Козловская Н.В. Явление транsterминологизации в «философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014). Сб. науч. тр. 2015. С. 236-242.
7. Кухно И.Ю., Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Авторский термин и авторская терминология пассионарной теории этногенеза // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2018. № 10. С. 36-41.
8. Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.А. Нормализация и кодификация терминологии в условиях вариантности. Самара: СФ МГПУ, 2018. 112 с.
9. Зайцева А.С., Сложеникина Ю.В. Семантика отраслевого термина (на примере терминологии чрезвычайных ситуаций) // Терминология: становление, развитие, функционирование: коллективная монография. Астрахань, 2019. С. 158-186.
10. Татаринов В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. 526 с.
11. ГОСТ Р 59277–2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standards.ru/document/6836301.aspx> (дата обращения 20.01.2022).
12. ГОСТ Р 59237–2020 «Платформа “Автодата”». Термины и определения» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standards.ru/document/6823879.aspx> (дата обращения 20.01.2022).
13. ГОСТ Р 59921.2–2021 «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программа и методика технических испытаний» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standards.ru/document/6877707.aspx> (дата обращения 20.01.2022).
14. ГОСТ Р 59895–2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standards.ru/document/6877647.aspx> (дата обращения 20.01.2022).
15. ПНСТ 553–2021 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Понятия и терминология» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.standards.ru/document/6877687.aspx> (дата обращения 20.01.2022).
16. Буженинов А.Э. Транsterминологизация как тип терминологической номинации (на материале подъязыка гомеопатии) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 37. С. 56-63.
17. Новиков Л.А. Гипонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 104.
18. Лукина О.И. Гипонимия терминов фонетики во французском языке // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). С. 382-384.
19. Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. 143 с.
20. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 215 с.
21. Зайцева А.С. Современный профессиональный язык робототехники (на примере терминологического гнезда «робот») // Научный диалог. 2021. № 5. С. 96-114.
22. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. М.: ЛКИ, 2018. 288 с.
23. Голованова Е.И. Категориальный подход к изучению термина // Научно-техническая терминология: Науч.-технич. реф. сб.: Материалы 10-й Междунар. науч. конф. по терминологии. М.: ВНИИКИ, 2004. Вып. 1. С. 17-20.

24. Милуд М.Р. Продуктивные модели формирования метафор в нанокomпьютерной терминологии // Русистика без границ. 2020. Т. 4. № 1. С. 30-39.
25. Кудрявцева И.Г., Юдина И.И. Сопоставительный анализ терминов-метафор английской и русской терминологий строительства // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 359-361.
26. Прохорова В.Н. Русская терминология. Репр. изд. М.: Книга по требованию, 2013. 125 с.
27. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (дата обращения 20.01.2022).

References

1. Slozhenikina YU.V. Terminology in the lexical system: functional variation: Doctor of Philology thesis abstract. Moscow, 2006. 36 p.
2. Grinev S.V. Introduction to Terminology. Moscow: Moskovskij licej, 1993. 280 p.
3. Lotte D.S. Fundamentals of scientific and technical terminology. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961. 158 p.
4. Danilenko V.P. Russian terminology. Experience of a linguistic description. Moscow: Nauka, 1977. 246 p.
5. Mal'ceva E.I. Semantic processes in the transfer of verba dicendi into the language of art // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. No. 9 (851). Pp. 148-161.
6. Kozlovskaya N.V. The phenomenon of transterminologization in the "philosophy of the common cause" of N.F. Fedorov // Print and the Word of St. Petersburg (St. Petersburg Readings 2014)]. 2015. Pp. 236-242.
7. Kuhno I.YU., Slozhenikina YU.V., Rastyagaev A.V. Author's term and author's terminology of the passionary theory of ethnogenesis // Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems. 2018. No. 10. Pp. 36-41.
8. Slozhenikina YU.V., Zvyaginцев V.A. Normalization and codification of terminology in conditions of variation]. Samara: SF MGPU, 2018. 112 p.
9. Zajceva A.S., Slozhenikina YU.V. Semantics of a branch term (on the example of terminology of emergencies) // Terminology: formation, development, functioning. Astrahan', 2019. Pp. 158-186.
10. Tatarinov V.A. General terminology: encyclopedic dictionary. Moscow: Moskovskij Licej, 2006. 526 p.
11. GOST R 59277-2020 "Artificial Intelligence Systems. Classification of Artificial Intelligence Systems" [Electronic resource]. URL: <https://www.standards.ru/document/6836301.aspx> (accessed 20.01.2022).
12. GOST R 59237-2020 "Autodata Platform. Terms and definitions" [Electronic resource]. URL: <https://www.standards.ru/document/6823879.aspx> (accessed 20.01.2022).
13. GOST R 59921.2-2021 "Artificial Intelligence Systems in Clinical Medicine. Part 2. Program and technique of technical tests" [Electronic resource]. URL: <https://www.standards.ru/document/6877707.aspx> (accessed 20.01.2022).
14. GOST R 59895-2021 "Artificial Intelligence Technologies in Education. General provisions and terminology" [Electronic resource]. URL: <https://www.standards.ru/document/6877647.aspx> (accessed 20.01.2022).
15. PNST 553-2021 "Information technologies. Artificial intelligence. Concepts and terminology" [Electronic resource]. URL: <https://www.standards.ru/document/6877687.aspx> (accessed 20.01.2022).
16. Buzheninov A.E. Transterminologization as a Type of Terminological Nomination (on the Material of Homeopathy Sublanguage) // In the World of Science and Art: Issues in Philology, Art History, and Cultural Studies. 2014. No. 37. Pp. 56-63.
17. Novikov L.A. Hyponymy // Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sov. enciklopediya, 1990. P. 104.
18. Lukina O.I. Hyponymy of phonetics terms in French // The World of Science, Culture, Education. 2019. No. 1 (74). Pp. 382-384.
19. Morozova L.A. Terminology: Fundamentals and Methods. Moscow: GNO «Prometej» MPG, 2004. 143 p.
20. Kuznecova E.V. Lexicology of the Russian language. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 215 p.
21. Zajceva A.S. Modern professional language of robotics (by the example of terminological nest "robot") // Scientific Dialogue. 2021. No. 5. Pp. 96-114.
22. Slozhenikina YU.V. Terminological variability: semantics, form, function. Moscow: LKI, 2018. 288 p.
23. Golovanova E.I. Categorical approach to the study of the term // Scientific and Technical Terminology. Moscow: VNIKI, 2004. No. 1. Pp. 17-20.
24. Milud M.R. Productive models of metaphor formation in nanocomputer terminology // Russian language without borders. 2020. Vol. 4. No. 1. Pp. 30-39.
25. Kudryavceva I.G., YUdina I.I. Comparative analysis of metaphorical terms in English and Russian construction terminology // Baltic Journal of Humanities. 2021. Vol. 10. No. 1 (34). Pp. 359-361.
26. Prohorova V.N. Russian terminology. Moscow: Kn. po trebovaniyu, 2013. 125 p.
27. Presidential Decree of October 10, 2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation". [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/72838946/> (accessed 20.01.2022).

УДК 81'373.23

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.48.72.003

*Воронежский государственный университет
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета РГФ, кандидат филологических наук*

Подтележникова Е. Н.

Россия, Воронеж,

podtelezhnikova@yandex.ru

студент 3 курса

Павлова С. С.

Россия, Воронеж

sofiapavlova1605@gmail.com

Voronezh State University

Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics RGF faculty, Candidate of Philological Sciences

Podtelezhnikova E. N.

Russia, Voronezh, 22084149

podtelezhnikova@yandex.ru

3rd year student

Pavlova S. S.

Russia, Voronezh

sofiapavlova1605@gmail.com

Е.Н. Подтележникова, С.С. Павлова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ *ВЕНЕРА*

В статье проведен анализ функционирования прецедентного имени *Венера* в русском языке по данным Национального корпуса русского языка. Прецедентные имена, наряду с другими прецедентными феноменами (прецедентным текстом, прецедентным высказыванием и прецедентной ситуацией) играют важную роль в познании закономерностей языковых изменений, являясь средствами выражения культурных особенностей. Актуальность исследования определяется недостаточным изучением прецедентности имен собственных, в частности, мифонимов, несмотря на то, что они часто выступают в качестве удобных способов репрезентации значимых событий и явлений действительности. Построенная на основе словарных данных структура прецедентного имени *Венера* показала наличие шести дифференциальных признаков и атрибутов. Анализ реализации структуры в русском языке (по данным Национального корпуса русского языка) позволил установить, что наиболее частотным дифференциальным признаком имени *Венера* является «источник прецедентности - произведения искусства» (в частности, *Венера Милосская*), который используется для описания внешнего вида женщины и её поведения. Кроме того, также частотны дифференциальные признаки «символ красоты» и «ветреность». Вариативность прецедентного имени *Венера* говорит о его жизненности и востребованности в русском языке. Были выявлены семантические (когнитивные) типы вариативности. Так, добавление существенно расширяет границы прецедентного имени и позволяет использовать прецедентное имя *Венера* в нетипичной ситуации. Семантический сдвиг как способ трансформации прецедентного имени представляет собой изменения в его значении и чаще всего наблюдается в случае выражения иронии.

Ключевые слова: прецедентные имена, лингвокогнитивный анализ, фреймовый анализ, *Венера*, вариативность прецедентного имени

Е.Н. Podtelezhnikova, S.S. Pavlova

FUNCTIONING OF THE PRECEDENT NAME VENUS

The article analyzes the functioning of the precedent name Venus in the Russian language according to the data of the National Corpus of the Russian language. Precedent names, along with other precedent phenomena (precedent text, precedent statement and precedent situation) play an important role in investigating the laws of linguistic changes. The relevance of the research is determined by the insufficient study of the precedent names, in particular mythonyms, despite the fact that they often act as convenient ways of representing significant events and phenomena of reality. The structure of the precedent name Venus built on the basis of dictionary data showed the presence of six differential signs and attributes. Analysis of the implementation of the structure (according to the National Corpus of the Russian Language) allowed us to establish that the most frequent differential feature of the name Venus is the "source of precedent - works of art" (in particular, Venus of Milo), which is used to describe the appearance of a woman and her behavior. In addition, the differential signs "beauty symbol" and "windiness" are also frequent. The variability of the precedent name Venus shows its vitality and relevance in the Russian language. Semantic (cognitive) types of variability are also identified. The addition significantly expands the boundaries of the precedent name and shows the precedent name Venus in an untypical situation. A semantic shift as a way of transforming a precedent name is a change in its meaning and is

most often observed in the case of irony.

Keywords: precedent names, cognitive analysis, frame analysis, *Venus*, the variability of the precedent name.

Прецедентные феномены в текстах выступают одним из способов хранения и передачи информации [1], играют важную роль в познании общественных и социокультурных изменений [2]. При этом precedentным обозначается имевший ранее случай, культурный образец, служащий примером, знаком авторства или оправданием для последующих сходных случаев. Л.И. Гришаева относит precedentные феномены к культурным скрепам, степень однозначности их интерпретации теми или иными коммуникантами «может быть надежным маркером их принадлежности к определенной культуре или субкультуре, а также к определенному региону и ареалу» [2, с. 18].

Цель данной работы – выявить закономерности употребления precedentного имени *Венера* в русском языке (по данным НКРЯ). Актуальность исследования обусловлена тем, что precedentность мифонимов слабо изучена, но, в тоже время, эти языковые единицы являются наиболее удобными способами репрезентации значимых событий и явлений действительности [3; 4; 5]. Кроме того, precedentное имя *Венера* ещё не становилось предметом научного исследования.

И.В. Захаренко, давая определение precedentным феноменам, опирается на дефиницию Ю.Н. Караулова и считает precedentными феноменами языковые явления, 1) «значимые для определенной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, 3) языковые явления, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 84].

Для определения precedentности Е.А. Нахимовой разработаны следующие критерии: 1) графический критерий (показатель того, что precedentный феномен понимается автором как имя собственное, когда его пишут с прописной буквы); 2) морфологический критерий (precedentное имя, как и имя нарицательное, изменяется по родам и числам); 3) словообразовательный критерий (образование вторичных значений или производных); 4) пунктуационный критерий (использование кавычек); 5) синонимический критерий (образование контекстуальных синонимов при отождествлении семантики феноменов с семантикой иных имен собственных); 6) атрибутивный критерий (подчеркивание особого, определенного смысла имени собственного); 7) темпоральный критерий (использование в тексте ныне не существующих имен собственных); 8) ссылки на источники precedentности (указание авторов, произведений, эпохи) [7]. Эти критерии были использованы нами при анализе языкового материала и разграничении имени собственного и precedentного имени.

Обращаясь к типологии precedentных феноменов, следует отметить, что традиционно выделяют precedentный текст, precedentную ситуацию, precedentное высказывание и precedentное имя. Precedentный текст – это текст, который служит источником precedentных имен или высказываний, это то, к чему мы обращаемся при использовании precedentных имен в новой ситуации. Без обращения к precedentному тексту невозможно осмысление отдельного precedentного имени или высказывания. Precedentная ситуация дает описание действиям коммуникантов, передает значение и дифференциальные признаки имени. Precedentное высказывание отличается тем, что само по себе передает значение, то есть может существовать без precedentного текста (например, высказывание «счастливые часов не наблюдают»). Precedentное высказывание более автономно (самостоятельно), в отличие от других феноменов [6].

Остановимся подробнее на precedentном имени (ПИ), которое И.В. Захаренко определяет как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к precedentным (например, Печорин, Теркин), или с precedentной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного precedentного имени; может состоять из одного (Ломоносов) или более элементов (Куликово поле, Летучий голландец), обозначая при этом одно понятие» [6].

Precedentное имя обладает когнитивной структурой, состоящей из ядра и периферии. К ядру precedentного имени относятся его дифференциальные признаки, к периферии – атрибуты. При этом определяющим является его связь с текстом-источником, т.к. его «употребление в дискурсе основывается на актуализации закрепленных в сознании носителей языка и культуры коннотаций, формируемых художественным текстом (или рядом текстов)» [7, с. 90].

Прецедентные имена обладают высокой степенью оценочности, способствуют формированию моделей поведения, одобряемых или осуждаемых обществом. «Прецедентные имена задают пантеон героев и злодеев» [8]. Использование прецедентного имени в тексте является метафоричным (в широком понимании когнитивной метафоры) [9].

При этом в когнитивную базу прецедентный феномен входит не во всем многообразии своих характеристик, но в минимизированном, редуцированном виде; представление о каждом из подобных феноменов включает в себя весьма ограниченный набор его дифференциальных признаков и присущих ему атрибутов, остальные же отбрасываются как несущественные [10]. Такая позиция позволяет правильно выявлять структуру прецедентных феноменов.

Для определения структуры прецедентного имени *Венера* были использованы словари мифологии [11, 12, 13], которые позволили выделить следующие дифференциальные признаки и атрибуты:

ДП 1 Символ красоты.

ДП 2. Богиня любви.

ДП 2.1 Покровительница супружеской любви

ДП 2.3 Ветреная.

ДП 3. Богиня весны, садов и плодов

ДП 4. Прародительница и покровительница римлян

ДП 4.1 Победоносная

ДП 4.2 Богиня очищения

ДП 5. Прецедентная ситуация «Рождение из пены морской».

ДП 6. Источник прецедентности – произведения искусства: Венера Милосская.

Атрибуты ПИ *Венера*

1. Плоды: яблоко, гранат

2. Животные: голубь, заяц, лебедь

3. Цветы: мак, роза, мирт

Для определения реализации структуры ПИ *Венера* в основном корпусе НКРЯ методом сплошной выборки было найдено 3920 контекста с именем собственным *Венера*. Однако только в 68 контекстах *Венера* используется как прецедентное имя.

Далее был проведен количественный анализ, который показал, что чаще всего реализуется ДП 6. Источник прецедентности – произведения искусства (26): Венера Милосская (16), Венера Боттичелли (4), Палеолитическая Венера (2), изображение (2), Венера Тициана (1), Венера с зеркалом (1). При этом прецедентные имена используются для описания внешнего вида женщин:

Светлая шатенка холодного, нордического типа: высокая, с чертами лица, чем-то неуловимо напоминающего лик боттичеллиевской Венеры (Александр Волков. Ликвидаторы // «Звезда», 2011).

Наиболее частотным является сравнение женщины с Венерой Милосской, что неудивительно, т.к. именно это произведение древнегреческого искусства является одним из наиболее значимых и узнаваемых.

Не буду врать, что француженки — сплошь Венеры Милосские [Ася Кавторина. Француженка без макияжа // «Общая газета», 1995.07.26]

Кроме внешнего вида женщины основанием для сравнения часто служит её поведение:

Херувимчик откровенно делал ей знаки, но красавица глядела на него столь же невозмутимо, как Венера Милосская в Летнем саду на толпу ротозеев (Евгений Сухов. Делу конец — сроку начало (2007).

— Я не про то говорю — он снова приблизился — Все девушки любят романтику, и по вашим глазам я вижу все. Вы просто Венера Милосская. Я отвезу вас за город на машине (Олег Дивов. Выбракровка (1999).

Следующим по частотности является ДП Символ Красоты (15), когда ПИ *Венера* используется для таких сравнений, как:

Девушкой, одевшись в мужское платье, она воевала против русского царя и убежала в Италию. Луиджи выкрал ее из монастыря. Это женщина необыкновенной красоты, Венера (Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001).

Нахожу вторую женщину — стройную, как Венера, с обворожительными ручками (А. Т. Аверченко. Мозаика (1910-1911).

Также представлен ДП Ветреная Венера (8), когда акцентируется внимание на порочности, телесных наслаждениях и болезни.

И речь он при этом вёл не только о "дарах Венеры", но и о "дарах Муз", из чего следует, что, кроме телесных наслаждений, любовников связывали ещё утончённые, не лишённые поэтического начала чувства (Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений»).

Следующим по частотности является ДП 3 Рождение из пены морской (7). *Из бочки я вылез... как Венера из пены морской, такой же чистый, гладкий и обольстительный* («Сибирские огни», 2012).

Проведенный анализ показал, что в текстах реализуется только половина дифференциальных признаков и атрибутов прецедентного имени *Венера*, наиболее частотным из которых является Источник прецедентности – произведения искусства (Венера Милосская). Это свидетельствует о том, что *Венера* используется в качестве прецедентного имени только при актуализации его наиболее ярких и существенных дифференциальных признаков.

Теперь обратимся к рассмотрению случаев вариативности прецедентного имени *Венера*. Как отмечает Боярских О.С., прецедентные имена могут быть не только каноническими, но и трансформированными, т. е. сознательно измененными [8]. Трансформация встречается как формальная, так и когнитивная, когда звуковой и структурный комплекс имени остается неизменным, а модификации подвергается один из элементов его когнитивной структуры.

И.В. Высоцкая выделяет следующие способы трансформации прецедентного текста в рекламе: 1) замены компонентов прецедентного текста (формальные, семантические и формально-семантические); 2) распространение прецедентного текста (с помощью конкретизатора или отрицания); 3) усечение прецедентного текста; 4) транспозиция (нулевая трансформация) [14].

О.О. Борискина, В.Г. Шимко, рассматривая вариации прецедентных феноменов в медиадискурсе, выделяют такие их типы, как добавление, замена, усечение, смешение, вариации в стяжении, смешанные модификации, прецедентные феномены в атрибутивной позиции при существительном, семантический сдвиг [15].

В нашем корпусе примеров с прецедентным именем *Венера* были выявлены семантические (когнитивные) типы вариативности, в частности добавление и семантический сдвиг. Описывая добавление, О.О. Борискина и В.Г. Шимко отмечают, что оно состоит в «добавлении к прецедентному тексту нового элемента, который может стоять как в начале, так и в конце фразы, измеряться полноправным предложением и существенно корректировать авторское намерение: *Мы больше не в Канзасе, да мы и не были никогда в Канзасе*. В ряде случаев вариации на тему «мы больше не в Канзасе» могут выйти за рамки предложения, развивая прецедентную ситуацию дальше (*и Канзас уж больше не там, где был когда то...*)» [15, с. 19-20]. В следующем примере используется добавление и расширение структуры прецедентного имени:

Оконная рама, на которую он смотрел, показалась ему неожиданно прекрасной, как Венера Милосская, — белая, финская, блестящая, с идеально ровной, выделенной тонким бликом, гранью (Сергей Болмат Сами по себе (1999)).

В данном случае источником прецедентности является произведение искусства, однако только прилагательное *прекрасная* соответствует структуре прецедентного имени, тогда как описание *белая, финская, блестящая, с идеально ровной, выделенной тонким бликом, гранью* существенно расширяет границы прецедентной ситуации и позволяет использовать его в нетипичной ситуации, не для описания женщины, а оконной рамы. В данном случае это соответствует замыслу автора, который показывает главного героя среди тьмы и боли, а окно символизирует другую Вселенную, полную красоты, гармонии и счастья.

Семантический сдвиг как способ трансформации прецедентного текста представляет собой изменения в его значении. В.Г. Шимко на примере прецедентного высказывания *An Irish solution to an Irish problem* говорит об энантиосемии или внутрисложной (внутрифразовой) антонимии, источником которой стал антифразис — «стилистическая фигура отрицания, когда слово (словосочетание, предложение) употребляется в противоположном смысле» [16, с. 145]. Чаше всего семантический сдвиг наблюдается в случае выражения иронии.

И, в конце концов, Венера Милосская тоже в теле, и ей тысячелетия нипочем... И мужчинам большей частью нравятся округлости... (Дарья Симонова. Шанкр (2002)).

В этом примере критике подвергается принятое в античности понимание канонов женской красоты, согласно которым красивым считалось атлетическое, крепкое, мощное телосложение. С пози-

ции современных ценителей женщина в теле, как Венера Милосская, далека от идеала, на что прямо указывается в следующем контексте:

Из своей прежней «команды» Тоня привела лишь одну девушку, статуарную, с несколько тягеловатой на нынешний вкус фигурой Венеры Милосской, с застывшим, чуть одутловатым лицом (Николай Климонтович Последняя газета (1997-1999)).

Однако ирония подчеркивается тем, что «ей тысячелетия нипочем... И мужчинам большей частью нравятся округлости», т.е. автор имплицитно указывает на вечное противоборство внутреннего и внешнего, ставшее наиболее острым в настоящее время, когда внешнему уделяется гораздо больше внимания, чем внутреннему. Это прослеживается и в следующем контексте:

Чистая красота (бесполая, как Венера Милосская) достигается художником.... А в настоящем поле видим только неудачное смешение краски, полузаконченные образы: на лице Венеры то вдруг проглядывается купчиха и даже купец, а какие движения! (М. М. Пришвин. Дневники (1914)).

В следующем контексте прецедентная ситуация развивается таким образом, что рождение Венеры из моря сменяется смертью в нем и затем воскрешением. Ирония в данном случае основана на противопоставлении духовного, божественного начала Венеры и приземленной, меркантильной сущности города, мнимая красота которого тяжела и часто перевешивает, «переворачивает» истинную красоту.

...город был построен не для того, чтобы поражать красотой, а чтобы торговать... Красота проступила в нем сама собой, но ее было столько, что предполагаемое судно, в котором она могла бы разместиться и плыть, как Венера, рожденная из моря в своей перламутровой створке, не выдерживало ее груза и все время переворачивалось. От этого Венера все время тонула... но поскольку она и город были богами, то захлебнуться окончательно не могли и восставали во всем своем великолепии... (А. М. Тавров. «Волга», 2013).

Таким образом, анализ прецедентного имени Венера показал, с одной стороны, частичную реализацию дифференциальных признаков, выделенных в его структуре. При этом наиболее частотным источником прецедентности являются произведения искусства, в частности, Венера Милосская. С другой стороны, прецедентное имя Венера обнаруживает тенденцию к семантическим модификациям, таким как добавление и семантический сдвиг, что свидетельствует о его жизненности и востребованности.

Библиографический список

1. Тимофеева Т.И. Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 198 с.
2. Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственности культур. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 15-46.
3. Штапов А.В., Подтележникова Е.Н. Ирреальность в русских народных сказках // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2019. № 4. С. 91-97.
4. Коротаева В.А., Подтележникова Е.Н. Моделирование семантического поля «Сверхъестественное» в русском языке // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2018. № 4. С. 121-126.
5. Шмалец Р.В., Подтележникова Е.Н. Анализ лексики произведения Даниила Андреева «Роза Мира» на основе онтологического подхода // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. Воронеж, 2017. № 4. С. 154-158.
6. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М.: «Филология», 1997. Вып. 1. С. 82-103.
7. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004. с. 166-174.
8. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004 – 2007 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2008. 230 с.
9. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. Екатеринбург, 2013. 176 с.
10. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации М.: Гнозис, 2003. 288 с.
11. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. Санкт-Петербург, 1894. 206 с.
12. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М.: Эксмо, 2021. 576 с.
13. Мифы Древней Греции. Словарь-справочник. EdwART, 2009. <https://492.slovaronline.com/> (дата обращения: 12.01.2022)

14. Высоцкая, И.В., Перфильева, Е.Ю. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке // Вестник Новосибирского государственного университета, 2010. Серия: История, филология. Т. 9, вып. 6: Журналистика. С. 118–124.
15. Шимко В.Г., Борискина О.О. Вариации прецедентных феноменов в медиадискурсе, или ещё одна попытка «проверить алгеброй гармонию» // Вестник Воронежского государственного университета, 2020. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Номер 3. С. 124.
16. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

References

1. Timofeeva T.I. Precedent phenomena in English-language scientific texts on economic topics: abstract. dis. ... Candidate of Philology. sciences. Tambov, 2008. 198 p.
2. Grishaeva L.I. Precedent phenomena as cultural bonds (to the typology of precedent phenomena) // The phenomenon of precedent and continuity of cultures. Voronezh: Voronezh State University, 2004. pp. 15-46.
3. Shtapov A.V., Podtelezhnikova E.N. Unreality in Russian folk tales // Vestn. Voronezh. State University. Ser. Linguistics and intercultural communication. Voronezh, 2019. No. 4. pp. 91-97.
4. Korotaeva V.A., Podtelezhnikova E.N. Modeling of the semantic field "Supernatural" in the Russian language // Vestn. Voronezh. State University. Ser. Linguistics and intercultural communication. Voronezh, 2018. No. 4. pp. 121-126.
5. Shmalts R.V., Podtelezhnikova E.N. Analysis of the vocabulary of Daniil Andreev's work "The Rose of the World" on the basis of an ontological approach // Vestn. Voronezh. State University. Ser. System analysis and information technology. Voronezh, 2017. No. 4. pp. 154-158.
6. Zakharenko I.V. Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena // Language, consciousness, communication. M.: "Philology", 1997. Issue 1. pp. 82-103.
7. Nakhimova E. A. On criteria for identifying precedent phenomena in political texts // Linguistics: bulletin of the Ural Linguistic Society. Yekaterinburg, 2004. pp. 166-174.
8. Boyarskikh O.S. Precedent phenomena with the source sphere "Literature" in the discourse of Russian print media (2004 - 2007):abstract. on the job. learned. step. Candidate of Philological Sciences. Nizhny Tagil, 2008. 230 p.
9. Chudinov A.P. Essays on modern political metaphorology: monograph. Yekaterinburg, 2013. 176 p.
10. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication M.: Gnosis, 2003. 288 p.
11. Korsh M. A concise dictionary of Mythology and Antiquities. St. Petersburg, 1894. 206 p.
12. Kuhn N.A. Legends and myths of Ancient Greece. Moscow: Eksmo, 2021. 576 p.
13. Myths of Ancient Greece. Dictionary-reference. EdwART, 2009. <https://492.slovaronline.com/>
14. Vysotskaya, I.V., Perfilieva, E.Yu. Typology of ways to transform a precedent text in a newspaper headline // Bulletin of Novosibirsk State University, 2010. Series: History, Philology. Vol. 9, issue 6: Journalism. pp. 118-124.
15. Shimko V.G., Boriskina O.O. Variations of precedent phenomena in media discourse, or another attempt to "check harmony with algebra" // Bulletin of Voronezh State University, 2020. Series: Linguistics and Intercultural Communication. Number 3. p. 124.
16. Shmelev D.N. Modern Russian language. Vocabulary. Textbook. M.: Enlightenment, 1977. 335 p.

УДК 37.032

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.26.93.004

*Кубанский государственный аграрный университет
им. акад. И.Т. Трубилина
доктор филологических наук
заведующий кафедрой русского языка и речевой ком-
муникации
Павловская О.Е.
Россия, г. Краснодар, тел. +79184788970
e-mail: pavlovskaya5252@rambler.ru*

*Kuban State Agrarian University
named by ac. I.T. Trubilin
Doctor of Philological Sciences
Head of the Department of Russian Language and Speech
Communication
Pavlovskaya O.E.
Russia, Krasnodar, tel. +79184788970
e-mail: pavlovskaya5252@rambler.ru*

*Кубанский государственный аграрный университет
им. акад. И.Т. Трубилина
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка и речевой комму-
никации
Сахно О.С.
Россия, г. Краснодар, тел. +79282951963
e-mail: olga_sakhno@mail.ru*

*Kuban State Agrarian University
named by ac. I.T. Trubilin
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Department of Russian Language and Speech Commu-
nication
Sakhno O.S.
Russia, Krasnodar, tel. +79282951963
e-mail: olga_sakhno@mail.ru*

О.Е. Павловская, О.С. Сахно

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТИ

Цель настоящей работы - описать особенности, которые формируют студенческую языковую личность в условиях мультикультурализма, и возможные изменения в методологии преподавания для повышения уровня ее сформированности. Методологический вклад исследования включает изучение литературы в соответствующих областях на местном и глобальном уровне и разработке нового метода изучения русского языка в мультикультурной среде. Авторами статьи был проведен эксперимент, качественные результаты которого дали возможность улучшить методику преподавания русского языка в мультикультурном процессе образования. В эксперименте участвовало 236 студентов-магистров и бакалавров разных национальностей (русские, украинцы, адыги, армяне, грузины), которые изучали русский язык в соответствии с планами различных образовательных программ. Студенты случайным образом были поделены на две группы – экспериментальную и контрольную. Студенты экспериментальной группы изучали на занятиях по русскому языку аспекты лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики, что дало возможность проследить изменения в эволюции языковых личностей каждого из них в результате изменений в образовательной программе на основе критерия оценивания уровня адаптации к межкультурной коммуникации. Образовательная программа для контрольной группы осталась без изменений. Результаты основаны на интервью со студентами. В ходе работы были выявлены характеристики (когнитивная, поведенческая и эмотивная) полилингвальной языковой личности учащихся. Также было доказано, что она формируется и развивается при условии, что изучение языка происходит в контексте аспектов лингвокультурологии (83.05% студентов считают, что знания лингвокультурного характера помогают эффективной коммуникации, а 61.86% из них соотносят национальную самоидентичность к поведенческим реакциям), социоллингвистики (94.91% участников изучают иностранные слова, что является проявлением культурных реалий нации), этнолингвистики и межкультурной коммуникации студентов. Студенты экспериментальной группы оценили уровень сформированности языковой личности следующим образом: 3 из них указали на 9 из 10, 17 участников – на 8, а 98 дали оценку в 7 баллов. В то время как учащиеся из контрольной группы указали в среднем 5 из 10. Структура понимания языковой личности участниками эксперимента основывалась на степени задействованности в межкультурной среде и на уровне увлеченности в процесс поликультурного развития индивидуума. Результаты исследования вносят вклад в теорию педагогики и лингвокультурологии. Они способствуют дальнейшему развитию исследований эволюции параметров языковой личности в динамике, с учетом социокультурных особенностей, различных коммуникативных ситуаций межличностного и межкультурного общения.

Ключевые слова: межкультурное общение, коммуникативная компетенция, мультилингвальное образование, преподавание языка, языковая картина мира, полилингвальность.

O.E. Pavlovskaya, O.S. Sakhno

STUDENT'S LINGUISTIC PERSONALITY FORMATION IN THE CONTEXT OF MULTICULTURALISM AND MULTILINGUALISM

This paper aims to describe what makes the linguistic personality of a student in a multicultural environment and to determine the choice of teaching methods by which a teacher could facilitate its formation. The methodological contribution of the research is the review of literature at the local and global levels and a novel method for teaching Russian language in a multicultural environment. An experiment took place, the qualitative results of which made it possible to improve the methods of teaching the Russian language in the multicultural learning environment. The experiment involved 236 master and bachelor students of different nationalities (Russians, Ukrainians, Circassians, Armenians, and Georgians) who studied Russian under their educational programs. They were randomly divided into two groups: students exposed to various aspects of linguoculturology, ethnolinguistics and sociolinguistics in the Russian language classrooms (experimental group) and students engaged in learning under the standard program (control group). It made it possible to track progress in developing a linguistic personality based on the criteria of adaptation to intercultural communication. The results of the student interviews cast light on the cognitive, behavioral and emotive characteristics of the multilingual linguistic personality of a student. It appears that it develops when the learning of language involves exposure to linguoculturological, sociolinguistic, ethnolinguistic elements, as well as intercultural communication. The evidence that supports this conclusion is as follows: 83% of respondents believe that linguocultural knowledge contributes to effective communication, and 62% associate behavior with the sense of national identity. In addition, 95% reported learning foreign words, which constitute a cultural fingerprint of a nation. Students in the experimental group assessed the level of linguistic personality formation as follows: 3 participants scored themselves a 9 out of 10; 17 students gave themselves a 8; and 98 students gave themselves a 7. The control group, on average, reported as just 5. The structure of the linguistic personality understanding by the participating students was found to depend on the extent of their engagement in the intercultural environment and the multicultural personality development process. The results of the study contribute to the theory of pedagogy and linguoculturology. They can facilitate further development of research regarding the dynamic development of linguistic personality, with sociocultural features and various interpersonal/intercultural communication contexts taken into account.

Keywords: intercultural communication, communicative competence, multilingual education, language teaching, language picture of the world, multilinguality.

Сегодня обращение к теории языковой личности вызвано гуманизацией научной среды, поэтому объектом изучения современной лингвистики стало особое внимание к человеку и его проблемам. Сам язык невозможно познать без обращения к его создателю и пользователю, т. е. к человеку – к конкретной языковой личности [1, с. 98-99]. Понятие культуры также тесно связано с образованием, поскольку его часто определяют как воспроизведение культуры, когда к этому процессу приобщаются учащиеся [2, с. 311]. При этом важным остается понимание идентичности национальной культуры как отдельного элемента и в ее связи с культурой всего мира [3, с. 12]. Из-за растущего многоязычия и мультикультурализма общества в современном мире культурная структура полиэтнических групп и образовательных учреждений порождает появление определенных идентичностей [4, с. 180]. Ориентация на интернационализацию современного высшего образования в условиях глобализационных процессов усиливает взаимодействие языков и культур, что обуславливает необходимость развития у студентов способности находить себя в профессиональной сфере, в контекстах на уровне мультикультурного развития и осознавать, что делает их более эффективными и прогрессивными [5, с. 76]. Сюда входят иноязычные коммуникативные навыки и личностные поведенческие качества, в том числе способность мультикультурных личностей понимать взгляды и содержание других культур [6, с. 2706].

В речевой практике людей действующая структура языковой личности функционирует благодаря процессу понимания и переосмысления получаемой информации с помощью лингвистических средств. В современной практике такая деятельность является достаточно распространённой и известной, поскольку производимый поток информации, который определяет языковую личность, часто несет исключительно нематериальную ценность [7, с. 17].

Лингвистическая картина мира определяется как система, в которой в данный культурно-исторический период существует целостная языковая личность этнического общества. Термин «языковая личность» считается основным системообразующим филологическим понятием, оцениваемым как интегративный [8, с. 158]. В структуру языковой личности включают: 1) мировоззрение (система ценностей и смыслов); 2) культуриологический аспект (уровень понимания культуры); 3) личностный компонент (инди-

видуальные особенности, которые имеет каждый человек). Общество влияет на формирование уникального типа личности на каждом этапе развития ее концепций [9, с. 104].

В современном мире возникают новые задачи перед участниками образовательного процесса такого рода. В условиях мультикультурализма общество определяется как такое, которое состоит из многих отличительных, но взаимосвязанных культурных традиций, связанных с различными этническими составляющими данного общества [10, с. 3]. Стоит разграничивать понятия мультикультурализма и поликультурализма. Мультикультурализм, понимаемый как состояние общества, при котором все различные культурные или расовые группы имеют равные права и возможности, и ни одна из них не игнорируется, стремится подчеркнуть важность диверсифицированного взаимодействия между идентичностями культурных групп, а его отличительная черта связана с обособленностью таких идентичностей для их сохранения и развития. В то же время поликультурализм, понимаемый как постоянное изменение культур в результате взаимодействий, влияний и обменов различных расовых и этнических групп друг с другом, фокусируется на сходствах, обнаруженных между группами, которые впитывают в себя элементы другой культуры, путем стирания этнических или культурных границ [11, с. 152]. Таким образом, основная цель образования в условиях мультикультурализма – это повышение общей культуры учащихся и формирование высокого уровня их языковой личности. [12, с. 861-862]. Воспитательной целью такого формата образования является развитие благоприятного отношения студентов к чужой культуре, уважения к ее ценностям и способности более глубоко понимать собственную культуру [13, с. 180].

Данная статья мотивирована потребностью исследования формирования языковой личности у студентов в условиях мультикультурализма.

Таким образом, следующие цели ориентируют данную статью:

1. Проанализировать теоретические аспекты мультикультурного и полилингвального образования.
2. Исследовать особенности формирования студенческой языковой личности в условиях мультикультурной среды.
3. Разработать модель изучения русского языка в условиях мультикультурализма и полилингвизма, которая способствует повышению уровня межкультурной коммуникативной компетенции и, соответственно, языковой личности.

На уровне методологии данное исследование способствует корректировке содержания существующих образовательных программ, разработке новых методов обучения русскому языку.

Исследование было проведено на базе кафедры русского языка и речевой коммуникации Кубанского государственного аграрного университета. Участниками стали студенты-магистры и бакалавры, которые были выбраны случайным образом из всех специальностей, изучающих курс русского языка в рамках своих образовательных программ. Их количество составило 236 человек. Среди них были представители таких национальностей: 60% - русские; 14% - украинцы; 13% - армяне; 10% - адыги; 3% - грузины. Участники были случайным образом поделены на две группы – экспериментальную и контрольную. В каждую вошло по 118 студентов. Также было осуществлено внедрение методических материалов, направленных на развитие культурной и коммуникативной компетенций, которые входят в состав языковой личности. Для того чтобы образовательный процесс повлиял на формирование и развитие студенческой языковой личности в условиях мультикультурализма и полилингвизма, в учебную программу экспериментальной группы был введен ряд изменений. К ним относится интеграция в занятия по русскому языку аспектов изучения лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики. Студенты на протяжении одного учебного семестра изучали русский язык в контексте данных наук. Основной акцент был сделан на изучении особенностей культуры украинцев, армян, адыгов и грузинов. Образовательный процесс контрольной группы проходил без изменений, за программой, разработанной университетом. В конце эксперимента со всеми студентами было проведено живое интервью, которое стало основой для результатов и состояло из следующих вопросов:

1. Перечислите основные особенности культуры ваших коллег, которые являются представителями таких национальностей: украинцы, адыги, армяне, грузины.
2. Помогают ли эти знания лучше находить общий язык друг с другом и понимать отличия между представленными этносами и их мировоззрением?
3. Смогли ли вы выучить минимальное количество слов украинско-го/армянского/грузинского/адыгского языков, которые были представлены в классах с изучением лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики? Если да, то не повлияли ли эти знания на изучение русского?
4. Как вы оцените уровень сформированности своей языковой личности в контексте межкультурной коммуникативной компетенции по шкале от 1 до 10?

В исследовании невозможно было определить воздействие мультикультурной образовательной среды на формирование полиязычной языковой личности, поскольку обучение в университете происходит только на русском языке для студентов всех национальностей. Исследование проводилось в рамках утвержденной корпоративной этики КубГАУ. Все процессы, выполняемые в исследовании с участием людей, соответствовали этическим стандартам, принятым в КубГАУ.

Педагогическое пространство определяется как культурная среда, которая состоит из множества элементов: культуры речи, поведения, особенностей родного и изучаемого языков, функционирующие как подсистемы педагогического процесса профессионального становления обучающихся. Достижения социолингвистики, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации составляют основу теории полилингвального пространства. Методология исследования предполагает улучшение и расширение методов, направленных на изучение этнокультуры и социокультуры страны за счет использования учебных материалов с безэквивалентной лексикой, фразеологизмами, диалектизмами, пословицами, коннотативными и фоновыми единицами (представителю каждой культуры были предложены единицы и их перевод для каждой изучаемой темы культурного, социального и языкового характера); овладение понятийной базой и представлениями о многообразии культуры мира, страны и ее регионов (авторские курсы лингвокультурной направленности, рассчитанной на выявление связей между ментальной философией нации и развитием отдельных языковых единиц; географические и климатические особенности, влияющие на формирование культурных явлений; политические и социальные явления, модифицирующие культурные понятия). Данные курсы и подбор материалов для научного эксперимента были собраны на основе авторской выборки, которая базировалась на актуальности представленных материалов в рамках современных идей и тенденций относительно изучаемой проблематики. В современном научном пространстве возникла потребность сделать межкультурное общение более гуманным. В образовательном процессе этому способствует использование аксиологического подхода, применяемого на всех этапах и уровнях обучения [14, с. 32-58]. Он направлен на социализацию студентов, развитие их коммуникативных навыков и толерантному отношению к студентам других национальностей, обучающихся вместе с ними. Таким образом, главная цель обучения русскому языку в условиях мультикультурализма – сформировать и развить языковую личность как механизм взаимодействия представителей культур разных народов. Следовательно, экспериментальный курс осуществлялся на основе сравнительного анализа культурно-нагруженных единиц русского и вышепредставленных языков.

Межкультурная стратегия, использующая идею изучения языка для развития профессионализма, обеспечивает и актуализирует психологические навыки человека. В результате систематическое обучение в мультикультурной среде способствует подготовке нового поколения студентов, которые смогут распознавать и понимать особенности культур разных стран мира и достигать успеха в межкультурном общении. Студенты утверждали, что поскольку русский язык не является родным для некоторых из них, то обучение правильному выражению своих мыслей требует от учащихся знания специфических средств и механизмов вербализации. Они не такие, как те, которые используются в обучении на родном языке. Изучение иностранного языка в рамках развития языковой личности рассматривается как понимание особой национальной системы концептов, сочетающей в себе родной язык и культуру. Именно с этой целью учащимся были предложены для ознакомления региональные тексты массмедиа, что позволило им познакомиться со значимыми для жителей Кубани концептами: Россия, Кубань, казачество, вера [14, с. 48]. Участники согласились с утверждением о том, что изучение языка с помощью внедрения лингвокультурологических практик повысило их уровень знаний языка и языковой личности. Это подтверждают поточные оценки и показатели их успеваемости в конце учебного года.

Модель современного межкультурного языкового образования работает с помощью инструментов, которые формируют поликультурность языковой личности, а также с помощью поиска аспектов того, как она выражает свою идентичность в речевой деятельности и языковых структурах. На ее формирование также влияют актуальные философские, культурные, этнические и социологические факторы: количественное соотношение представителей разных этносов в одном образовательном пространстве, их мировоззрение, уровень социализации, коммуникативных навыков и культурного развития. Эти составляющие дают возможность для определения границ взаимодействия образования и культур представителей разных народов, которые принимают в нем участие.

Результаты, которые были получены в ходе интервью у студентов экспериментальной группы, позволили выделить следующие аспекты развития языковой личности.

1. У студентов сформировался высокий уровень систематизированных знаний о русском языке, а также о взаимосвязи языка и культуры как важного аспекта в формировании национального сознания. Они также усовершенствовали знания в сфере географии, истории, социологии и политики, а также этнокультуры всех народов, представители которых участвовали в эксперименте.

Так, данные выводы стали возможными после детального анализа ответов студентов на первый вопрос, поскольку было зафиксировано, что 73 студента (61.86%) привязывают национальную идентичность, особенности культуры и менталитет каждой национальности к правилам построения высказывания, поведения, а также тактик вежливости человека. Еще 45 студентов (38.13%) считают, что культурные феномены и развитие языка имеют непосредственную связь, так как создают среду для формирования культурных реалий. Таким образом, участникам эксперимента были представлены лингвокультурные дисциплины, что в полной мере реализовывало их понимание связи культуры, истории, политики, этноса, географического положения и языка.

2. Было отмечено, что они смогли улучшить свои навыки и повысить готовность к полиязычному общению. Лингвистические, межкультурные и культурологические знания составляют когнитивный компонент исследования. Он проявляется в концентрации на глубоком понимании и изучении русской национальной культуры, а также способности осмысливать и анализировать ее явления, способности воспринимать и культурно-языковые процессы с критической точки зрения и интегрировать их в глобальную картину мира.

Данная гипотеза была сформирована на основе ответов из второго предложенного вопроса. Приблизительно 98 студентов (83.05%) дали положительный ответ. Более того, они сформировали мнение о том, что знания в области этнических и культурных особенностей другого человека помогают не просто в общении и понимании друг друга, но также в формировании правильных и лаконичных тактик общения, что присуще для того или иного представителя нации. Только 20 студентов (16.94%) представили негативный ответ, обосновав тем, что культурные отличия могут стать преградой к эффективному и продуктивному пониманию и общению.

3. Эмотивный компонент заключался в принятии русскими студентами представителей других национальностей, в развитии между ними отношения близких друзей и коллег. С его помощью у студентов сформировалось ценностное понимание и собственная интерпретация полилингвальной реальности и других наций, что нашло отражение в образовательном процессе. Такой навык также является показателем уважительного и толерантного отношения к представителям народа, которые изучают чужой для них язык.

Так, данные выводы были сделаны на основе ответов на третий вопрос. Более 112 студентов (94.91%) показали позитивный результат в изучении иностранных слов, однако, они давали предпочтение изучению вежливых форм общения и тактик эффективного приветствия и коммуникации, поэтому была выдвинута гипотеза о том, что поликультурная среда формирует систему ценностных установок и толерантного отношения к представителям других этносов. Только 6 студентов (5.08%) изучали иностранные слова, имеющие более узкую направленность и отвечающие за специфику академической системы обучения.

4. Исследователи отметили, что направленность образования на изучение культуры и ее ценностей соответствует динамично развивающейся современной картине мира и способствует адаптации учащихся в мультикультурном пространстве.

Данное утверждение становится актуальным в контексте вышепредставленных результатов по третьему вопросу.

5. В мультикультурном пространстве поведенческий компонент, выявленный в ходе эксперимента, проявляется в форме общения, взаимодействия и взаимопонимания в культуре общения и поведения. Это доказывает способность учащегося адаптироваться к мультикультурной среде, а также его или ее способность к плодотворному общению. В процессе межкультурной коммуникации также

6. наблюдались умения и навыки использования знаний лингвокультурологии и системы ценностей, взятой из повседневной или профессиональной деятельности.

Результатами пятого вопроса стала следующая основа: большинство участников эксперимента считают, что для повышения уровня языковой личности нужно быть активно задействованным в поликультурной среде, изучая культурные и языковые особенности и взаимодействуя с представителями разных национальностей. К тому же нужно иметь собственную заинтересованность и высокий уровень адаптации к межкультурной коммуникации, преодолевая языковые и культурные трудности. Критериями оценивания собственного уровня языковой личности стал уровень увлеченности изучаемыми дисциплинами, а также

уровень полученных знаний в ходе поликультурной коммуникации и изучения особенностей связи культуры и изменений языка. Представители контрольной группы оценили уровень сформированности своей языковой личности в среднем на 5 из 10, поскольку в их арсенале знания о лингвокультурологии, этнолингвистике и социоллингвистике были на недостаточном уровне или вовсе отсутствовали. Это доказывает, что изучение предложенных дисциплин непосредственно влияет на развитие языковой личности, уровень их социализации и коммуникативной компетенции, особенно в условиях мультикультурализма.

В результате данного исследования были определены характеристики языковой личности, определенного уровня сформированности которой могут достичь студенты, обучающиеся в мультикультурном пространстве. Это также полезный инструмент для оценки коммуникативной компетентности учащихся. В ходе работы со студентами контрольной группы было выявлено, что уровень их языковой компетентности остался таким же, как и до эксперимента, а навыки межкультурного общения и знания языка также не изменились. Кроме того, изучение аспектов лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики способствует развитию личностных качеств, необходимых для общения с представителями многих национальностей, чтобы выполнять предстоящие профессиональные задачи. Языковая личность студента играет важную роль в процессе обучения, самостоятельно определяя и прогнозируя пределы и условия предстоящего профессионального роста. Исследователям удалось выявить особенности формирования языковой личности в мультикультурной среде благодаря теоретическому анализу и экспериментальной базе в виде качественных результатов. Студенты экспериментальной группы оценили уровень сформированности языковой личности следующим образом: 3 из них указали на 9 из 10, 17 участников – на 8, а 98 дали оценку в 7 баллов. В то время как учащиеся из контрольной группы указали в среднем 5 из 10. На это повлияло отсутствие полноценных знаний о языке и культуре соседних этносов. Таким образом, было определено улучшенное содержание образовательной системы в условиях мультикультурализма и полилингвальности в контексте формирования и обучения языковой личности в полиэтническом регионе. Эти процессы стали возможными благодаря введению следующих педагогических изменений: использование аксиологического подхода к содержанию образования, который подразумевает овладение навыками, полученными за время обучения в бакалавриате и способствующими личностному и профессиональному росту магистров.

Таким образом, сформированная на высоком уровне языковая личность является важным аспектом профессионализма будущего специалиста. Именно изучение языка обеспечивает синергетический процесс в сознании человека и выступает рычагом повышения самооценки, умения презентовать себя и самосовершенствоваться. В процессе работы со студентами контрольной группы было выявлено, что уровень их языковой личности остался таким же, как и до эксперимента, а их навыки межкультурного общения и знания языка также не изменились. Это касается как русских, так и иностранных студентов. Результаты экспериментальной работы, подвергнутые качественному анализу, доказывают эффективность использования предложенного метода с изучением лингвокультурологии, этнолингвистики и социоллингвистики для формирования профессиональной языковой личности. Они способствуют дальнейшему развитию исследований трансформации параметров языковой личности в динамике, с учетом социокультурных особенностей, различных коммуникативных ситуаций межличностного и межкультурного общения.

Библиографический список

1. Isaev E.A. Student's linguistic personality and multicultural self-organization through foreign language teaching // Язык и культура. 2015. № 1(29). P. 96-103.
2. Matusov E., Marjanovic-Shane A. Many faces of the concept of culture (and education) // Culture & Psychology. 2017. № 23(3). P. 309-336.
3. Гураль С.К., Смокотин В.М. Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация // Язык и культура. 2014. № 1(25). С. 4-13.
4. Prina F. National cultural autonomy: Russia's model, the Tatars and ethno-cultural education // Tatarica. 2016. № 1. P. 176-188.
5. Бирюкова О.И. Педагогическое образование сегодня: от теории к практике // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 3(23). С. 77-81.
6. Chaika O. Pedagogical framework for polyculturalism in higher education: Foreign language instruction // International Journal of Social Science and Human Research. 2021. № 4(10). P. 2703-2708.
7. Gaibaryan O., Myasischev G. The contemporary linguistic personality in the public infosphere // Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018) electronic edition vol" Advances in Social Science, Education and Humanities Research. ICTPPFMS, 2018. 14-18 p.

8. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. "Linguistic and rhetorical picture of the world" of collective linguistic personality as the basic discourse-universe of ethnocultural and educational space // *European Researcher*. 2014. № 1-2. P. 156-162.
9. Hackett-Jones A.V. From bilingualism to polylingualism: concepts of multiple language competences in the modern educational paradigm // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 3(45.4). P. 104-106.
10. Горина Ж.Д. Межкультурная парадигма в современном языковом образовательном пространстве Украины // *Електронний збірник наукових праць Запорізького обласного інституту післядипломної педагогічної освіти*. 2011. № 2. С. 1-5.
11. Батарчук Д.С. Психолого-педагогическое сопровождение развития поликультурной личности в условиях полиэтнической образовательной среды // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010. № 12. С. 149-153.
12. Kadilina O.A., Ryadchikova E. N. Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018. № 9(4). P. 859-882.
13. Mosienko L., Ilyina L., Kharlamova Y. Student's polylingual personality formation in a multiethnic region // *Journal for the Education of Gifted Young Scientists*. 2019. № 7(2). P. 177-198.
14. Павловская О.Е., Рыбальченко О.В., Сахно О.С., Федотова Т. В. Проблемы современной речевой коммуникации: монография. Краснодар: КубГАУ, 2019. С. 134.

References

1. Isaev E.A. Student's linguistic personality and multicultural self-organization through foreign language teaching // *Language and culture*. 2015. Vol. 1. Iss. 29. P. 96-103.
2. Matusov E., Marjanovic-Shane A. Many faces of the concept of culture (and education) // *Culture & Psychology*. 2017. Vol. 23. Iss. 3. P. 309-336.
3. Gural' S.K., Smokotin V.M. The language of world communication and linguistic and cultural globalization // *Language and culture*. 2014. Vol. 1. Iss. 25. P. 4-13.
4. Prina F. National cultural autonomy: Russia's model, the Tatars and ethno-cultural education // *Tatarica*. 2016. Vol. 1. P. 176-188.
5. Biryukova O.I. Pedagogical education today: from theory to practice // *Humanities and Education*. 2015. Vol. 3. Iss. 23. P. 77-81.
6. Chaika O. Pedagogical framework for polyculturalism in higher education: Foreign language instruction // *International Journal of Social Science and Human Research*. 2021. Vol. 4. Iss. 10. P. 2703-2708.
7. Gaibaryan O., Myasischev G. The contemporary linguistic personality in the public infosphere // *Proceedings of the International Conference on the Theory and Practice of Personality Formation in Modern Society (ICTPPFMS 2018) electronic edition vol" Advances in Social Science, Education and Humanities Research. ICTPPFMS, 2018. P. 14-18.*
8. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. "Linguistic and rhetorical picture of the world" of collective linguistic personality as the basic discourse-universe of ethnocultural and educational space // *European Researcher*. 2014. Vol. 1-2. P. 156-162.
9. Hackett-Jones A.V. From bilingualism to polylingualism: concepts of multiple language competences in the modern educational paradigm // *International research journal*. 2016. Vol. 3. Iss. 45.4. P. 104-106.
10. Horyna Z.D. Intercultural paradigm in the modern language educational space of Ukraine // *Electronic collection of scientific works of the Zaporizhzhia Regional Institute of Postgraduate Pedagogical Education*. 2011. Vol. 2. P. 1-5.
11. Batarchuk D.S. Psychological and pedagogical support for the development of a multicultural personality in a multiethnic educational environment // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2010. Vol. 12. P. 149-153.
12. Kadilina O.A., Ryadchikova E.N. Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018. Vol. 9. Iss. 4. P. 859-882.
13. Mosienko L., Ilyina L., Kharlamova Y. Student's polylingual personality formation in a multiethnic region // *Journal for the Education of Gifted Young Scientists*. 2019. Vol. 7. Iss. 2. P. 177-198.
14. Pavlovskaya O.Y., Rybal'chenko O.V., Sakhno O.S., Fedotova T.V. Problems of modern speech communication: monograph. Krasnodar: KubGAU, 2019. P. 134.

УДК 801.3=82(045/046):26
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.64.34.005

*Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ЗЕМЛЯ – НЕБО» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА А. ПЛАТОНОВА

Целью предлагаемого исследования является рассмотрение способов лексической объективации бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова и выявление индивидуально-авторских особенностей относительно национальной картины мира. В качестве материала для исследований нами были использованы рассказы «Земля», «Луговые мастера», «Лунные изыскания», повести «Такыр», «Эфирный тракт», «Котлован», роман «Чевенгур». Актуальность предлагаемого исследования обусловлена тем, что работы, посвященные анализу способов вербализации бинарных оппозиций в текстах А. Платонова, в современной науке отсутствуют. Анализ модели мира отдельного писателя представляет большой интерес для исследователей различного уровня. Проведенный нами анализ способов лексической объективации бинарной оппозиции «земля – небо» в произведениях А. Платонова позволил сделать вывод, что в картине мира писателя находит отражение точка зрения, в соответствии с которой земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, согревает и дает убежище; если земля лишена влаги, она теряет свою способность быть матерью и кормилицей и может причинять вред. Небо в картине мира писателя – это структура, которая не несет пользы, в отличие от земли, не может выступать укрытием или помощником; напротив, несет угрозу, поскольку часто в текстах А. Платонова небо мрачное, черное, приносит смерть. Единственное положительное качество неба – это возможность давать дождь, столь важный и необходимый для земли, способный наделять ее плодородностью. Для объективации оппозиции «земля – небо» автором используются лексемы земля, земляной, небо.

Ключевые слова: картина мира, модель мира, объективация, оппозиция, земля, небо, А. Платонов

N.B. Bugakova

LEXICAL OBJECTIFICATION OF THE BINARY OPPOSITION "EARTH – SKY" IN THE ARTISTIC MODEL OF THE WORLD BY A. PLATONOV

The purpose of the proposed study is to consider the methods of lexical objectification of the binary opposition "earth - sky" in the artistic model of the world of A. Platonov and to identify individual author's features regarding the national picture of the world. As material for research, we used the stories "Earth", "Meadow Masters", "Lunar Surveys", the stories "Takyr", "Ethereal Path", "The Pit", the novel "Chevengur". The relevance of the proposed study is due to the fact that there are no works devoted to the analysis of the ways of verbalization of binary oppositions in the texts of A. Platonov in modern science. Analysis of the model of the world of an individual writer is of great interest to researchers of various levels. Our analysis of the methods of lexical objectification of the binary opposition "earth - sky" in the works of A. Platonov led to the conclusion that the writer's picture of the world reflects the point of view, according to which the earth, with proper handling, acts as a mother, warms and gives shelter; if the earth is deprived of moisture, it loses its ability to be a mother and nurse and can cause harm. The sky in the writer's picture of the world is a structure that is not useful, unlike the earth, it cannot act as a shelter or helper; on the contrary, it poses a threat, because often in the texts of A. Platonov the sky is gloomy, black, brings death. The only positive quality of the sky is the ability to give rain, so important and necessary for the earth, capable of endowing it with fertility. To objectify the opposition "earth - sky", the author uses the lexemes earth, earthen, sky.

Keywords: picture of the world, model of the world, objectification, opposition, earth, sky, A. Platonov

Мир образов, создаваемый А. Платоновым в художественных текстах, выстраивается на основании смысловых оппозиций: *жизнь – смерть, день – ночь, человек – природа, свое – чужое*. Одной из очевидных оппозиций, функционирующих в тексте писателя, является оппозиция *земля – небо*, выделяемая нами в соответствии с теорией В.Н. Топорова о мифопоэтической модели мира [1]. По мнению исследователя, мифопоэтический мир – это система двоичных представлений, называемых бинарными оппозициями, которые определяли временные, социальные, пространственные и прочие характеристики мира. По словам В.Н. Топорова, функционирование оппозиции «земля – небо» обусловлено тем, что «противопоставление небо-земля (подземное царство) воплощено в приурочении божества к небу, человека к земле» [1].

Целью предлагаемого исследования является рассмотрение способов лексической объективации бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова и выявление индивидуально-авторских особенностей относительно национальной картины мира. В качестве материала для исследований нами были использованы рассказы «Земля», «Луговые мастера», «Лунные изыскания», повести «Такыр», «Эфирный тракт», «Котлован», роман «Чевенгур». Существует достаточное количество работ, анализирующих тексты А. Платонова с литературоведческой и культурологической точки зрения. Однако работы, посвященные анализу способов вербализации бинарных оппозиций в текстах А. Платонова, в современной науке отсутствуют. Это обстоятельство обуславливает актуальность предлагаемой работы.

Анализ модели мира отдельного писателя представляет большой интерес для исследователей различного уровня. Обращаются к исследованию индивидуально-авторских предпочтений писателя и лингвисты, и литературоведы, и культурологи, и философы. Естественно, что каждый ученый выделяет интересные ему особенности картины мира того или иного автора. Для нас особо важным является рассмотрение индивидуально-авторского своеобразия языковой картины мира А. Платонова и ее корреляция с мифопоэтической моделью мира.

С точки зрения эмоционально-образного восприятия мира оппозиция «земля – небо» является, пожалуй, ведущей. Традиционно небо воспринимается с точки зрения измышлений о небесной благодати, о небесной власти, в то время как земля – это ассоциация с миром смерти, миром хтонических порождений. Обратившись к текстам А. Платонова, рассмотрим функционирование оппозиции «земля – небо» в индивидуально-авторской картине мира писателя.

С землей у А. Платонова были особые отношения, основанные, в том числе, и на его личных пристрастиях и убеждениях. Известно, что долгое время писатель работал губернским мелиоратором в Воронеже, где он родился и жил [2]. Писатель был очень озабочен состоянием земель в СССР, считал, что необходимо сделать плодородной максимальное количество земли, а для этого необходимо провести мелиоративные работы. В подобных размышлениях А. Платонова находит отражение зафиксированное в народном сознании восприятие отношений Неба и Земли как брачного союза, «причем Небу придан воздействующий, мужской тип, а Земле – воспринимающий, женский» [3]. В соответствии с подобным восприятием принято считать, что «летнее Небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на нее сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несет плод; не согретая весенним теплом, не напоенная дождями, она не в силах ничего произвести» [3]. На необходимость дождей для плодородности земли писатель обращает внимание в романе «Чевенгур», один из центральных персонажей которого – старший сын Прохора Абрамовича, усыновившего Сашу Дванова, демонстрирует свои переживания по поводу засухи, и, как следствие, отсутствия урожая: « – Ну никак нету дождей! – пожилым голосом сказал Прошка и плюнул сквозь переднюю щербину рта. – Ну, никак: хоть ты тут ляжь и рашшибись об землю, идол ее намочи!» [4]. Для образования онима *Прошка* автор использует диминутивную форму онима *Прохор*. Однако употребление диминутива совсем не означает маленькой роли Прошки в семье и в романе в целом. Напротив, в семье он выполняет функции главы семьи, отца, которые сам на себя и возлагает. «Взрослость» Прошки автор подчеркивает также, когда характеризует его голос как пожилой. Переживания Прошки по поводу отсутствия дождей отражаются в повышенной эмоциональности его речи. Использование героем оборота «рашшибись об землю» демонстрирует состояние крайнего отчаяния. Земля в приведенном примере выступает средством, при помощи которого можно завершить страдания. Подобное определение земли не соответствует традиционным значениям лексемы земля, зафиксированным в толковых словарях, где земля – это «планета, один из миров или несамосветлых шаров, коловращающихся вокруг солнца. Наш мир, шар, на котором мы живем, земной шар. В значении стихийном (огонь, воздух, вода, земля): всякое твердое, нежидкое тело, четвертая стихия, и в этом знач. самое тело человека именуется землею. Суша, берег, материк, как противоположность во-

де, морю. Страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владенье, область, край, округ. Участок поверхности земли нашей. Почва, самая поверхность, верхний слой суши. Всякое рыхлое, рассыпчатое ископаемое, но в особенности с примесью тука, где может расти что-либо» [5]. Скорее в подобном употреблении лексемы *земля* находят отражение представления автора о земле как о живом существе, имеющем определенную силу. Нельзя не отметить обращение писателя к русскому фольклору, в произведениях которого, как известно, популярна конструкция «удариться оземь» с целью превращения героя в кого-либо (см., например, сказку «Иван царевич и серый волк» и др.). В фольклорных текстах земля превращает как человека в животное или птицу, так и наоборот («Финист-ясный сокол»). Этим подтверждается наша гипотеза о том, что в картине мира А. Платонова земля – живое существо, наделенное силой. Эмблематично употребление автором лексемы *идол*, как известно, обозначающей божество, которому поклоняются [6]. То есть герой романа призывает на помощь в привлечении дождя высшие силы.

Вообще к природе, и, в частности, к земле и ее обитателям, писатель относится совсем не так, как к человеку. В романе «Чевенгур» устами одного из героев, Захара Павловича, автор передает восхищение природой и ее творениями: «Дать бы нам муравьиный или комариный разум – враз бы можно жизнь безбедно наладить: эта мелочь – великие мастера дружной жизни; далеко человеку до умельца-муравья» [4]. А. Платонов обращает внимание на величие природы по сравнению с человеком в одном из произведений «азиатского» цикла: «Нужно было целое племя людей, чтобы обнять это дерево вокруг, и кора его, изболевшая, изъеденная зверями, ... но сберегшая под собой все соки, была тепла и добра на вид, как земляная почва» [7]. Автор, используя прилагательное *земляная* (в значении «из земли» [8] в словосочетании *земляная почва*, создает плеоназм. Почва – это верхний слой земной коры [8]. Описывая дерево, под которым сидит Заррин-Тадж, писатель сравнивает его кору именно с верхним слоем земли, обращая внимание читателя на то, что земля жительницей Средней Азии воспринимается как нечто твердое, покрытое неплодородной коркой, и лишь на вид доброе и теплое.

Земля – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья. В этой мысли находит отражение элемент мифопоэтической картины мира, сформировавшийся еще в древности, когда земля воспринималась как мать (Мать-Сыра-Земля) [9]. Но для того, чтобы земля была доброй по отношению к человеку, необходимо соблюдение определенных условий. За землей надо ухаживать: «Кто не почитает земли-кормилицы, тому она ... не даст хлеба» [10], то есть без должного внимания земля становится недружелюбной по отношению к человеку: «Тяжела оказалась земля на лугах: как земля та сделалась, так и стояла непаханая» [11].

Губительным для земли, как мы уже отмечали, является отсутствие воды. «Плодотворяющая сила ... дождевых ливней, ниспадающих с небесного свода, возбуждает производительность земли, и она, согретая и увлажненная, растит травы, цветы, деревья и дает пищу человеку и животным» [3]. В текстах А. Платонова отмечается разрушительное влияние на землю не только отсутствия влаги, но и наличия людей, которые, по мнению автора, способны уничтожить природу: «Когда овцы начинали худеть или дохнуть от бестравия, Атах-баба велел ... уходить в дальнейшее безлюдие, где земля свежее и еще стоит нетронутой бедная трава» [7]. Трава для Платонова – бедная, терпит страдания от присутствия людей, а безлюдие – это хорошо для природы, в частности, для животных.

Частотны в текстах А. Платонова демонстрации вредоносного влияния жары, которая влечет за собой гибель урожая, и, как следствие, гибель людей. Земля, находящаяся под действием жары, обезвоженная, – несчастная земля: «нужно было проходить долгие такыры, самую нищую глинистую землю, где жара солнца хранится не остывая, как печаль в сердце раба, где бог держал когда-то своих мучеников, но и мученики умерли, высохли в легкие ветви, и ветер взял их с собою» [7]. В подобном понимании земли находит отражение мифологическая картина мира, в соответствии с которой «губительное действие зноя приписывалось гневу раздраженного божества, наказующего смертных своими огненными стрелами – жгучими лучами» [3]. Те, кому удавалось избежать гнева этого божества, были счастливыми: «Они счастливые, – сказала мать, – они могут улететь на дальние реки, за горы, где растут листья на деревьях и солнце прохладно, как луна» [7]. Повести «азиатского» цикла особенно подчеркивают важность воды и прохлады. Полагаем, это обусловлено особыми климатическими условиями, в которых существует природа Средней Азии. Однако не все герои разделяют эту точку зрения. Так, например, героиня повести «Такыр», созданной А. Платоновым в 1934 г. на основе впе-

чатлений о поездке по Средней Азии, «не тосковала о реках и листьях. Она росла здесь, между барханами, и с высоты песков, насыпанных ветром, видела, что земля повсюду одинакова и пуста» [7].

Но не всегда земля неприветлива. Возможны ситуации, когда земля выполняет функции матери-земли, согревает, укрывает, дарит спокойствие: так, центральный персонаж романа «Чевенгур», сирота Саша Дванов «прокрался к могиле отца и залег в недорытой пещерке. ... близ отца уснул так же спокойно, как когда-то в землянке» [4]. С точки зрения мифопоэтической картины мира «гора, пещера, лес – мифологические символы сакрального мира. Это места – стыки мира и немира, жизни, смерти и воскресения» [12]. Поэтому можно предположить, что Саша Дванов пытается найти способ приблизиться к умершему отцу. Такое поведение объясняется одиночеством, ощущением ненужности у сироты Саши, который понимает, что для того, чтобы земля помогала и защищала, необходимо углубиться в нее. Этот мотив достаточно популярен в творчестве А. Платонова; герои текстов всегда стремятся проникнуть в недра земли, так как интуитивно понимают, что найдут там то, что ищут, земля защитит и поможет (см., например, «Котлован»). Полагаем, подобная ситуация обусловлена тем, что писатель воспринимает землю не только как место обитания умерших. Глубь земли – это место локализации так же и живых, поскольку это не подземное царство, а мир мечты: «... у него была своя тайная любимая мысль о другой земле, которую можно сделать из этой» [13].

Мысль автора о том, что земля защищает, укрывает, встречается так же у С.А. Шубовича, который говорит о том, что «в пространственном плане ...земля... воспринимается древним человеком как защита» [12]. Обращаясь к азиатскому циклу текстов А. Платонова, можем отметить, что земли Средней Азии неприветливы и пусты как раз потому, что там нет углублений. Например, для заглавия одного из текстов автор использует лексику *такыр* (такыр – «такры; с тюрк. – «гладкий, ровный, голый») [14] для того, чтобы подчеркнуть неспособность земли защитить тех, кто на ней живет. Мы видим, что герои описываемого произведения стремятся обрести защиту у земли, потому что, будучи жителями пустыни, перемещаясь в пространстве, всегда стараются найти колодец, около которого и будет их пристанище [7]. Помимо того, что колодец даст влагу, необходимую в пустыне, он еще и поможет проникнуть внутрь земли в поисках укрытия. Стремление проникнуть внутрь земли продемонстрировано и в рассказе «Земля», герой которого задается вопросом «Звезды идут от земли все выше, почему не ниже» [13]. Живя на земле жизнью обычного человека, Ваня, герой рассказа, мечтает «о другой земле, которую можно сделать из этой» [13]. И здесь нельзя не обратить внимание на то, как в картине мира автора взаимодействуют компоненты оппозиции «земля – небо». Мы видим, что восприятие земли писателем соответствует мифопоэтической картине мира. Если проанализировать функционирование в картине мира писателя компонента «небо» рассматриваемой оппозиции, то можно обратить внимание на то, что небо для А. Платонова совсем не то, что небо в картине мира русского человека. В соответствии с данными толковых словарей небо – это «бесконечное, выпретенное пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей. Мнимая твердь над нами, видимый полый шар, внутренняя плоскость его, к коей мы относим и все зримое в пространстве, небесный свод. Климат, край, местность, относительно природы и воздушных перемен. То выпретенное пространство, где, по нашим понятиям, пребывают вообще души умерших, тот свет, духовный мир; также в особенности где души праведных, окружая Господа и ангельские сонмища Его; рай, небесное царство, противопол. ад. [15]. С точки зрения мифопоэтики небо, являющееся противоположностью земле, «прямолинейно, оно четкое и ясное, его пространство понятно и открыто» [12]. А в текстах А. Платонова небо – «странное..., с другим светом, чем на родине» [7], то есть небо в разных местах может отличаться, не являясь уже тем общим пространством, которое видно над землей. Принято считать, что «небо, видимое очами смертного, представляется огромным блестящим куполом, обнимающим собою и воды, и сушу, круглою прозрачною чашею, опрокинутою над землею» [3]. Однако в текстах А. Платонова небо – не блестящее, четкое и ясное, а «угольно-черное» [16], это не видимое пространство, его можно обнаружить лишь при помощи привлечения технических средств, так как его «показывают приборы» [16]. Главный герой рассказа «Лунная бомба» («Лунные изыскания»), Петер Крейцкопф, стремится к небу, для чего изобретает специальную машину. Он одержим идеей завоевать космос, поскольку, как он считает, это позволит овладеть природой. Вся жизнь Петера Крейцкопфа подчинена великой цели – строительству некоего изобретения, которое представляет собой шар, закрепленный на диске, для полета в газовой среде. Когда герой достигает цели, он приходит к заключению, что в небе «страшно, тревожно и все понятно» [16]. Погибает герой этого рассказа в небе, что совсем нетипично для текстов Платонова, герои которых, как правило, находят упокоевание в земле, тем самым подтверждая мнение о том, что земля – это структура, принимающая в себя человека [12].

В произведениях А. Платонова возможны ситуации, когда небо и земля не выступают оппозицией, а, напротив, демонстрируют возможность единения: «Шел он сквозь село ради встречи неизвестных машин и предметов, что за тою чертой, где могучее небо сходится с деревенскими неподвижными угодьями» [4]. Ситуация слияния земли и неба нетипична для национальной картины мира. Например, русские пословицы фиксируют противостояние земли и неба: «Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба», «Не гляди в небо - там нет хлеба, а к земле ниже - к хлебу ближе» [17]. В этой ситуации, говоря о том, что где-то земля сходится с небом, автор имеет в виду неизведанные еще места, где все совсем не так, как мы привыкли видеть. Этим и подчеркивается необычность ситуации взаимодействия неба и земли – двух элементов традиционной бинарной оппозиции, выделяемой мифопоэтической картиной мира.

Мысль Вани, героя рассказа «Земля», о том, что из «этой земли» можно сделать «другую» [13], повторяется автором в фантастической повести «Эфирный тракт», созданной в Тамбове, где писатель работал с декабря 1926 года по март 1927 года в должности руководителя подотдела мелиорации губернского земельного управления. Несколько месяцев в Тамбове тяжело давались писателю. Об этом он писал своей жене: «... меня доконала судьба. ...Пойми, какое я испытываю напряжение.... «Эфирный тракт – единственное мое утешение, которое я боюсь и не спешу кончать. Что у меня тогда останется?» [18]. Герой повести, Кирпичников, отмечал нестандартность, необычность неба: «глядевший на небо, еще долго видел там синюю кружащуюся звезду, – а ее уже не было, и по небу шел обычный звездный поток» [19]. Синяя звезда – что-то редкое, что не каждый способен увидеть. В рассказе «Земля» автор также говорит о необычном поведении звезд, которые «идут от земли ниже» [13]. Можно предположить, что писатель хочет привлечь внимание читателя к ситуации, когда небо и земля поменялись местами, и звезды уже не над землей, а под ней. Небо у Платонова вообще не дарит тот привычный для нас свет, уют и покой; напротив, герои А. Платонова печалются и напрягаются, когда видят «мрачное молчаливое ... небо» [19]. Полагаем, это обусловлено тем, что писателю все-таки ближе и понятней земля как нечто осязаемое и способное приносить практическую пользу. Эта гипотеза подтверждается также тем, что в текстах А. Платонова встречаются упоминания лексемы *земля* и ее производных, тогда как компонент оппозиции «небо» вербализуется только при помощи лексемы *небо*. Производные лексемы *небо* не выявлены нами в результате анализа, в то время как производные лексемы *земля* функционируют в текстах писателя (напр. *земляной*).

Таким образом, завершая анализ способов лексической объективации бинарной оппозиции «земля – небо» в произведениях А. Платонова, можем сделать вывод, что в картине мира писателя находит отражение точка зрения, в соответствии с которой земля, при правильном с ней обращении, выступает в роли матери, согревает и дает убежище; если земля лишена влаги, она теряет свою способность быть матерью и кормилицей и может причинять вред. Небо в картине мира писателя – это структура, которая не несет пользы, в отличие от земли, не может выступать укрытием или помощником; напротив, несет угрозу, поскольку часто в текстах А. Платонова небо мрачное, черное, приносит смерть. Единственное положительное качество неба – это возможность давать дождь, столь важный и необходимый для земли, способный наделять ее плодородностью. Для объективации оппозиции «земля – небо» автором используются лексемы *земля*, *земляной*, *небо*; лексемы, объективирующие компонент оппозиции «земля» более активно функционируют в рассматриваемых текстах, нежели лексемы, объективирующие компонент оппозиции «небо». На наш взгляд, это обусловлено сформировавшимся личным отношением писателя к земле и обстоятельствами его биографии, свидетельствующими о том, что долгое время он работал непосредственно на земле, занимаясь мелиораторскими работами на территории Воронежской и Тамбовской губерний.

Библиографический список

1. Топоров В.Н. Модель мира / Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С.161-166.
2. Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы»). Неофилология, 7 (28), Тамбов, 2021. С. 611 – 617.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1, М.: Директ-Медиа, 2014. С. 87.
4. Платонов А. Чевенгур / Ювенильное море: повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 188 – 552.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2006. С. 602.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2006. С. 412.
7. Платонов А. Такыр / Избранные произведения / Сост. М.А. Платонова. М.: Экономика, 1983. С. 508 – 528.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 369, 586.
9. Тайлор Э. Первобытная культура М.: Политиздат, 1989. 573 с., с. 403.
10. Кузнецов И.Н. Предания русского народа. Вече, 2008. 352 с.
11. Платонов А. Луговые мастера / Избранные произведения / Сост. М.А. Платонова. М.: Экономика, 1983. С. 727 – 730.
12. Шубович С.А. Мифопоэтический феномен архитектурной среды: монография / С.А. Шубович. Х.: ХНАГХ, 2012. С. 25.
13. Платонов А. Земля. URL: <https://lit-ra.su/andrey-platonov/zemlya-6> (дата обращения 25.01.22).
14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 315.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 2: И – О. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2006. С. 417.
16. Платонов А. Лунная бомба / Ювенильное море: повести, роман. М.: Современник, 1988. С. 32 – 51.
17. <https://www.hobobo.ru/poslovitsy-i-pogovorki/poslovitsy-i-pogovorki-o-zemle>, 24.02.2022.
18. Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920 – 1950 гг. Андрей Платонов, сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. М.: 2019. С. 186.
19. Платонов А. Эфирный тракт / Избранные произведения / Сост. М.А. Платонова. М.: Экономика, 1983. С. 365 – 367.

References

1. Toporov V.N. Model of the world / Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. M., 1980. Т. 2. S. 161-166.
2. Bugakova N.B. Water as a Linguistic and Cultural Constant of A. Platonov's Creativity: Onomastic Aspect (Based on the Material of the Story "Epifan Gateways"). Neofilologiya, 7 (28), Tambov, 2021, pp. 611 – 617.
3. Afanasiev A.N. Poetic views of the Slavs on nature. Т. 1, М.: Direct-Media, 2014. S. 87.
4. Platonov A. Chevangur / Juvenile Sea: stories, novel. М.: Sovremennik, 1988. S. 188 - 552.
5. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Т. 1: А - Z. М.: OLMA-PRESS; JSC PF "Red Proletarian", 2006. S. 602.
6. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Т. 1: А - Z. М.: OLMA-PRESS; JSC PF "Red Proletarian", 2006. S. 412.
7. Platonov A. Takyr / Selected works / Comp. M.A. Platonov. М.: Economics, 1983. S. 508 - 528.
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov. 4th ed., add. М.: Azbukovnik, 1997. S. 369, 586.
9. Tylor E. Primitive culture М.: Politizdat, 1989. 573 p., p. 403.
10. Kuznetsov I.N. Traditions of the Russian people. Vechе, 2008. 352 p.
11. Platonov A. Meadow masters / Selected works / Comp. M.A. Platonov. М.: Economics, 1983. S. 727 - 730.
12. Shubovich S.A. Mythopoetic phenomenon of the architectural environment: monograph / S.A. Shubovich. H.: HNAGH, 2012. S. 25.
13. Platonov A. Earth. URL: <https://lit-ra.su/andrey-platonov/zemlya-6> (accessed 25.01.22).
14. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational. М.: Russian language, 2000. S. 315.
15. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. Т. 2: I - O. М.: OLMA-PRESS; JSC PF "Red Proletarian", 2006. S. 417.
16. Platonov A. Lunar bomb / Juvenile sea: stories, novel. М.: Sovremennik, 1988. S. 32 - 51.
17. <https://www.hobobo.ru/poslovitsy-i-pogovorki/poslovitsy-i-pogovorki-o-zemle>, 02/24/2022.
18. Platonov A. "... I lived my life": Letters. 1920 - 1950 Andrey Platonov, comp., entry. article, com. N. Kornienko et al. М.: 2019. S. 186.
19. Platonov A. Ethereal path / Selected works / Comp. M.A. Platonov. М.: Economics, 1983. S. 365 - 367.

УДК 81'355:378.6

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.63.47.006

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина

Доцент кафедры русского и иностранных языков, канд. филол. наук

Токарева Г.В.

Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская 34, 153003

тел. 89065104397;

e-mail: galina.tokareva@gmail.com

*Ivanovo State Power Engineering University
Named after V.I. Lenin*

Associate Professor of Department of Russian and Foreign Languages, PhD

G.V. Tokareva

34 Rabfakovska st. Ivanovo, Russia, 153003

tel. 89065104397;

e-mail: galina.tokareva@gmail.com

Г.В. Токарева

ИЗУЧЕНИЕ ОРФОЭПИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В статье обращается внимание на важность владения выпускниками современных российских вузов не только профессиональными, но и коммуникативными компетенциями, способностью к эффективному общению в процессе профессиональной деятельности. В связи с этим отмечается значимость курса «Основы деловой коммуникации», в рамках которого в высшей школе изучаются различные аспекты устной и письменной коммуникации, уделяется большое внимание культуре речи делового человека, коммуникативным качествам речи, в том числе правильности, нормам современного русского литературного языка. В работе обобщается опыт изучения орфоэпических и лексических норм современного русского литературного языка студентами экономического факультета Ивановского государственного энергетического университета в процессе изучения данной дисциплины. Кратко описаны этапы работы студентов при изучении орфоэпических норм, приведены примеры заданий на этапе работы со связными текстами, включающими «проблемные» слова. Описывается опыт работы над лексическими нормами, отмечается важность знакомства студентов с классификацией возможных лексических ошибок, в том числе неверным выбором слова из ряда подобных, речевой избыточностью, нарушением лексической сочетаемости. Приведены примеры специально смоделированных связных текстов и заданий к ним. В данных текстах «запрограммированы» разные виды языковых ошибок, в том числе орфоэпических и лексических. Автор приходит к выводу, что подобные тексты и задания, при выполнении которых от студентов требуется не только найти языковые ошибки и отредактировать текст, но и указать характер ошибок, обосновать свой выбор языковых средств в связном тексте, формируют у первокурсников навыки редактирования текста на более высоком уровне по сравнению со школьным, открывают возможности более осознанного отношения к языку как важнейшему средству коммуникации.

Ключевые слова: нормы современного русского литературного языка, орфоэпические нормы, лексические нормы, основы деловой коммуникации, коммуникативные компетенции.

G.V. Tokareva

STUDYING ORTHOEPIC AND LEXICAL NORMS AT ENGINEERING UNIVERSITY

The article draws attention to the importance for modern Russian universities' graduates to have not only professional, but also communicative competencies, as well as the ability to communicate effectively in the process of professional activity. In this regard, the importance of the course «Fundamentals of Business Communication» is discussed, paying attention to the fact that various aspects of oral and written communication are studied at the higher school. Moreover, great attention is paid to the culture of speech of a business person, communicative qualities of speech, including correctness, norms of modern Russian literary language. The article summarizes the experience of studying the orthoepic and lexical norms of the modern Russian literary language by students of the Faculty of Economics of the Ivanovo State Power University while studying this discipline. The stages of students' work in the study of orthoepic norms are briefly described, examples of tasks at the stage of working with connected texts including «problematic» words are given. The experience of working on lexical norms is described, the importance of students' being aware of the classification of possible lexical errors, including incorrect choice of a word from a number of similar ones, speech redundancy, violation of lexical compatibility is noted. Examples of specially modeled coherent texts are given, in which all kinds of language errors, including orthoepic and lexical errors, and tasks for these texts are pro-

grammed. The author comes to the conclusion that such tasks, in which students are required not only to find language errors and proofread the text, but also to indicate the nature of the errors, justify their choice of language means in a coherent text, form first-year students' text editing skills at a higher level as compared to school, open up opportunities for a more conscious attitude to language as an essential means of communication.

Keywords: norms of the modern Russian literary language, orthoepic norms, lexical norms, fundamentals of business communication, communication competencies.

В современной России проблема подготовки квалифицированных кадров, удовлетворяющих высоким запросам работодателей, является одной из наиболее острых в современной инновационной экономике [1]. Обсуждая данную проблему, разрабатывая перечень компетенций, необходимых для осуществления эффективной практической деятельности, ученые и работодатели единодушны в том, что выпускники технического вуза должны обладать не только профессиональными, но и коммуникативными компетенциями, а именно способностью к эффективному устному и письменному общению в процессе профессиональной деятельности [2]. Выпускники технического вуза должны быть готовы к тому, чтобы ясно и четко формулировать задачи, излагать стратегии их решения, достойно отстаивать свою точку зрения на ту или иную проблему, связанную с их профессиональной деятельностью, продвигать свои научные разработки, правильно оформлять документы, успешно вести переговоры и в целом быть грамотными людьми, осознающими, что язык является инструментом эффективного профессионального и межличностного общения.

Исходя из этих задач, в Ивановском государственном энергетическом университете (далее ИГЭУ) в учебные планы всех направлений подготовки введена дисциплина «Основы деловой коммуникации», в рамках которой изучаются разные аспекты устной и письменной коммуникации, уделяется большое внимание культуре речи делового человека, коммуникативным качествам речи, в том числе правильности.

Заметим, что многие абитуриенты, поступившие в ИГЭУ, имеют высокие баллы за ЕГЭ по русскому языку и поэтому уверены в том, что хорошо владеют родным языком. Однако уже после первых лекций и практических занятий, на которых идет обсуждение таких вопросов, как литературный русский язык, нормы современного русского литературного языка, языковая ошибка, они начинают понимать иллюзорность этих представлений. У большинства первокурсников нет знаний о языке как системе, об уровнях языка, многие, например, не разграничивают орфографию и морфологию, синтаксис и пунктуацию. Первокурсники, как правило, имеют размытое представление о типах норм современного русского литературного языка и характере языковых ошибок, о приемах редактирования текста. При необходимости отредактировать текст они испытывают большие затруднения с поиском нужной информации в бумажных и электронных источниках. Редко кто из первокурсников знает, как работать с лингвистическими словарями, мало кто из них слышал о существовании такого электронного ресурса, как «Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех». Выпускники школ не знают, как найти в сети Интернет информацию, необходимую для успешного редактирования текста. Многие из них уверены, что все ошибки им исправит компьютер, поэтому нет смысла тратить время на поиск ненужной информации. В связи с этими обстоятельствами при изучении курса «Основы деловой коммуникации» уделяется серьезное внимание нормам современного русского литературного языка, приемам редактирования устного и письменного текста.

В данной работе в связи с большим объемом материала рассматривается опыт изучения орфоэпических и лексических норм студентами экономического факультета.

Отметим, что ЕГЭ по русскому языку включает задания на формирование умений по поиску языковых ошибок в устной и письменной речи и их исправлению. К таковым относятся задания, при выполнении которых необходимо:

- 1) найти слово с неверным ударением;
- 2) исправить лексическую ошибку, подобрав к выделенному слову пароним;
- 3) исправить лексическую ошибку, заменив неверно употребленное слово, записать подобранное слово, соблюдая нормы современного русского литературного языка;

От выпускников школ требуется продемонстрировать навыки редактирования текста на уровне одного слова (в заданиях, касающихся орфоэпических, орфографических, морфологических норм) и предложения (в заданиях, касающихся лексических и синтаксических норм), а не связного текста, что значительно упрощает поиск языковой ошибки. Кроме того, в формулировках самих заданий уже содержатся подсказки: например, из приведенных пяти слов требуется выписать слово, в котором не-

верно *выделена* буква, обозначающая ударный гласный звук, подобрать к *выделенному* слову пароним, исправить в одном из *выделенных* слов ошибку в образовании формы слова.

На наш взгляд, главная задача высшей школы при изучении норм современного русского литературного языка – сформировать у обучающихся способность редактировать связные тексты, что дает больше возможностей для восприятия языка как системы знаков, служащей средством общения, мышления, выражения мысли, познания. Также важно постоянно поддерживать интерес к такому коммуникативному качеству речи, как правильность, при изучении всех тем дисциплины, выявляя взаимосвязь языковых норм с такими важными качествами текста, как информативность, точность, уместность.

При таком подходе орфоэпические нормы, например, могут изучаться студентами в несколько этапов:

1) самостоятельная работа с использованием орфоэпических словарей в целях определения правильной постановки ударения в проблемных словах (включая слова с вариативным произношением), нормативного произношения согласных перед буквой Е в заимствованных словах, а также правильного произношения слов, связанных с особенностями использования буквы Ё в современном письме;

2) текущий контроль (написание орфоэпического диктанта, включающего проблемные слова);

3) работа со специально смоделированными преподавателем связными текстами, включающими слова, изученными студентами в процессе аудиторной и самостоятельной работы по теме «Орфоэпические нормы» (с выделением преподавателем проблемных слов);

4) итоговый контроль (работа со связным текстом без выделения проблемных слов);

5) написание творческих работ, включающих проблемные слова (например, создание орфоэпического детектива), и зачитывание их перед аудиторией;

6) проведение во внеучебное время конкурса «Лучший диктор студенческого телевидения ИГЭУ».

Приведем пример связного текста, с которым работают студенты ИГЭУ при изучении орфоэпических норм на третьем этапе [3].

Текст

Этот *оптовый* магазин посещают люди всех *возрастов*. Чтобы сюда попасть, надо пройти *квартал* мимо *оптового* склада, *диспансера*, *пиццерии* и новых яслей. В магазине всегда есть *каталог* новых товаров. Здесь можно купить свежие продукты, например *свеклу*, вкусные *торты*, и не платить *втридорога*.

В магазине есть уютный бар с новыми *жалюзи*. *Бармен* *мастерски* разливает напитки, предлагает выпить свежий *сливовый* сок. Он может с легкостью *откупорить* любую бутылку. Ему нравится здесь работать, так как у него *нормированный* рабочий день, хотя и *мизерная* зарплата. Раньше он работал *столяром*.

Он всегда вежлив. Ничто не может *принудить* его быть грубым. Мне *завидно*, что у него такая выдержка. Мой друг, *завсегдатей* этого *красивейшего* бара, ходит сюда по *средам*. Он иногда *звонит* мне и предлагает его посетить. За *истекший* месяц мы были здесь дважды.

Изучая лексические нормы, студенты знакомятся с классификацией возможных лексических ошибок. Особое внимание уделяется следующим аспектам:

1) неверный выбор слова из ряда подобных (в первую очередь речь идет о паронимах);

2) речевая избыточность и допущение тавтологии и плеоназма;

3) нарушение лексической сочетаемости;

4) ошибки в употреблении фразеологизмов.

Наибольшую сложность у студентов вызывает поиск и исправление ошибок, обусловленных нарушением лексической сочетаемости.

Заметим, что в современной речи слова часто не сочетаются по традиции, и причиной лексической ошибки является, как правило, ассоциация с близким по значению словосочетанием, в результате чего происходит смешение сходных выражений. Для того чтобы увидеть такую ошибку, необходимо много читать, вслушиваться в чужую речь и контролировать свою, обладать языковой наблюдательностью, активно продуцировать тексты. К сожалению, это несвойственно первокурсникам, избравшим технические и экономические специальности, следствием чего и являются трудности с исправлением ошибок, вызванных нарушением лексической сочетаемости.

В процессе работы над усвоением лексических норм затрагивается и проблема использования нецензурной (обценной) лексики в инженерной среде. Большинство студентов с удовольствием повторяют известный анекдот: «Я инженер, а инженеру нельзя без мата. У нас даже предмет такой был – матанализ». Можно сказать, что сегодня существует своего рода мода на мат среди студентов инженерных направлений подготовки. Нецензурная лексика воспринимается не как сквернословие, а как обязательный элемент мужского стиля поведения, как норма современного общения в технической профессиональной среде. По мнению студентов, «крепкое словцо» помогает снять эмоциональное напряжение, повышает шанс быть услышанным другим. Вот почему, на наш взгляд, необходимо говорить со студентами о негативных последствиях использования мата, важно формировать на занятиях уважительное отношение к «экологии языка».

Завершается изучение темы «Нормы современного русского литературного языка» редактированием связных текстов, в которых преподавателем запрограммированы все виды языковых ошибок, в том числе орфоэпические и лексические. От студентов требуется найти ошибки, указать их тип (орфографическая, орфоэпическая, лексическая, морфологическая, синтаксическая, стилистическая ошибка) и характер, отредактировать текст, обосновать свой выбор языковых средств. Приведем примеры подобных текстов.

Текст 1

(1) Экономика играет большое значение в обществе. (2) Одни кампании оказывают конкуренцию другим и это повышает эффективность экономики, делает товары конкурентноспособными. (3) Преобретая продукцию ведущих компаний, покупатели дают им поддержку, помогают одержать успех, а те стремятся удешевить стоимость товаров. (4) Именно поэтому экономике уделяют большое значение в современном мире. (5) Читая статьи об экономике в течении этого года, мне запомнилась мысль, что каждый сотрудник должен добросовестно осуществлять свои функции. (6) Об этом писал и управляющий производства одной известной фирмы, в обязанности которого входили контроль и управление персоналом.

Текст 2

(1) Я не согласен с тем, что в бизнесе все средства хороши и считаю, что подлинный бизнес[м'э]н должен быть профессионалом который уверен, что бизнес должен быть честным. (2) Он должен не только иметь хорошее образование, но и практические навыки. (3) Тогда он в будущем добьется успеха, и сможет дать поддержку коллегам по работе, играть большое значение в их жизни. (4) И еще важно во всём понимать меру. (5) Главная задача преумножить свой капитал. (6) Только тогда можно одержать успех и с удовольствием подвести результат в конце жизни.

Текст 3

(1) Посмотрев телепередачу, в которой главный лидер известной фирмы выступил с очень уникальным обращением, у меня сложилось убеждение, что не надо бояться ломать стереотипы. (2) Только тогда можно приуспеть в бизнесе, а так же одержать успех. (3) Это выступление до глубины души задело меня.

(4) Деятельность нашей кампании направлена на развитие общения и коммуникации. (5) Недавно мы удостоились наградой и многие были удивлены нашим достижениям. (6) В нашей фирме работает более восьмиста человек разных возрастов, в том числе трое студенток. (7) В офисах очень красиво: белая тюль делает комнаты более светлее.

Текст 4

(1) Чтобы одержать успех, надо смотреть в глаза фактам и улучшать уровень своих знаний. (2) Один мой знакомый смог добиться многого, хотя благодаря травме не имел возможности работать в полную силу и можно сказать перетерпел фиаско. (3) Однако, он смог стать успешным биз[н']есменом, увеличить свой кругозор, получить львиную часть знаний от приуспевающих людей. (4) В его фирме каждый коллега по работе нёс определенную функцию и вовремя предпринимал необходимые меры, вследствие чего фирма процветала в течении многих лет. (5) Общаясь с этим человеком, у меня повышается вера в людей.

Текст 5

(1) В своей автобиографии основатели кампании супруги Торнайды из старинного города с четырьмя тысячами жителей, пишут о том что, для того, чтобы достичь успеха, человеку всех возрастов необходимо много трудиться и не делать скороспелых решений. (2) Только так можно сделать свой деловой бизнес конкурентноспособным и доходчивым.

(3) Конечно можно предпринимать разные меры по улучшению продаж. (4) Однако, главная суть успеха заключается в том что бизнес[м'э]н должен хорошо знать реалистическую методику

управления и помнить русскую пословицу: терпенье и труд все когда-нибудь перетрут. (5) Это наиболее оптимальный путь к успеху [2].

Чтобы поддержать и углубить интерес к нормативным аспектам языка, формировать устойчивое желание контролировать речь с этой точки зрения, при изучении всех последующих тем дисциплины «Основы деловой коммуникации» включаются задания по редактированию связных микротекстов, в том числе по исправлению лексических ошибок. При их выполнении от студентов требуется найти ошибку, указать ее характер, показать, как эта ошибка негативно сказывается на таких коммуникативных качествах речи, как информативность, точность, уместность. Итогом работы является отредактированный текст.

Приведем примеры заданий из раздела «Устные формы деловой коммуникации», в котором используются смоделированные преподавателем связные микротексты, включающие языковые ошибки, в том числе лексические, реально допущенные первокурсниками.

Задание 1

Отредактируйте текст «Отзыв о собеседовании молодого специалиста» (все примеры взяты из реальных текстов студентов-первокурсников). Исправьте ошибки, нарушающие нормы современного русского литературного языка.

По-моему мнению во время собеседования молодой специалист приподносит информацию не удачно. Так как она выглядит излишне формальной, а так же потому, что он не рассказал о мотивах побудивших его прийти на собеседование. Он не показал, где была найдена вакансия.

В самопрезентации есть и слишком негативные ответы о прежнем месте работы, от чего работодатель мог подумать, что кандидат не ладит с коллективом. Из ответов видно, что ему главное карьера, а не люди. Ему не интересно общество, где он работает. Он стремится к повышению карьерного роста.

В целом, он не рассказал о себе, как о потенциальном сотруднике обладающем необходимыми качествами. Автору стоило предоставить перечень своих умений и навыков. Он не дал своих личных качеств, не добавил какие-то свои особенные качества не присущие большинству. Он не смог показать свое превосходство над другими, рассчитывая только на опыт, не смог раскрыть свою личность более красноречиво. Так же он не показал стремление более плотно реализовать свои возможности. Именно по этому я считаю, что собеседование было не удачное.

Некоторые его ответы были удачные. Удачным мне показался ответ на вопрос о уходе с предыдущего места работы (хотя мог и соврать во время собеседования), а так же он уверенно выразил свои мысли и предпочтения. Из этого можно понять, что он стремительный человек. На счет зарплаты он тоже ответил хорошо. В заключении претендент удачно выразил желание работать именно в этой компании.

Прочитав интервью претендента на вакансию, у меня сложилось о нем двоякое мнение. Лично я не взял бы такого сотрудника.

Задание 2

Прочтите фрагмент делового телефонного разговора кандидата на вакансию экономиста по сбыту. Исправьте ошибки, нарушающие нормы современного русского литературного языка.

Добрый день, я звоню на счёт вакансии на должность экономиста по сбыту. Пару дней назад я подавал вакансию на трудоустройство в вашу компанию. Я хочу работать на данной профессии. Я подробно изучил документацию, изложенную на вашем сайте. Когда мне можно прийти на собеседование?

Задание 3

Прочтите микротекст, содержащий отзыв студента о деловом телефонном разговоре кандидата на вакансию, и отредактируйте его. Исправьте ошибки, которые нарушают нормы современного русского литературного языка.

Претендент на должность заинтересован в данной должности и максимально культурно ведет диалог. Тем самым располагает к себе представителя компании. Работодатель это замечает и заинтересован в данном человеке.

В данном диалоге все правильно соблюдено. Структура телефонного разговора представлена правильно.

Нормы этикета соблюдены с обеих сторон. По этикету, все сказано грамотно. Речевой этикет выполняет здесь функцию произведения положительного впечатления на работодателя.

Отметим, что работа по теме «Нормы современного русского литературного языка» продолжается и при изучении раздела «Письменная деловая коммуникация». Вновь используются смоделированные преподавателем связные микротексты, включающие языковые ошибки, реально допущенные первокурсниками.

Задание 4

Прочтите письмо, посланное студентом преподавателю по электронной почте. Исправьте его с учетом норм современного русского литературного языка и требований к деловой email-переписке. Запишите полученный текст.

E-mail: krasava-kiriuscha@mail.ru

Тема: От Смирнова Кирилла Евгеньевича

Уважаемая, Иванова Ирина Сергеевна.

Доброго времени суток! Я хочу сказать на счет промежуточного контроля. Из-за того, что я болел, я не присутствовал на нем в основные сроки. Я хотел бы сдать его в другое время, если такая возможность есть. Прошу вас пойти мне на встречу. Можем провести в любое удобное для вас время. Заранее спасибо. Буду очень признателен, если вы дадите ответ в течении этой недели.

Подведем итоги. Рассуждая о том, нужен ли русский язык студентам технических специальностей, уместно вспомнить слова выдающегося математика, создателя неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевского: «Знать иностранные языки похвально, но не знать своего, не постигать духа в своем отечественном языке – постыдно». После практических занятий по дисциплине «Основы деловой коммуникации» студенты часто признаются, что им стыдно за свой невысокий уровень знания родного языка. У них повышается мотивация к его изучению, развивается внимание к речи окружающих, появляется желание контролировать свою речь. Работа по редактированию связных текстов убеждает их в том, что без знания норм языка, классификации языковых ошибок, характерных для каждого типа норм, и путей их исправления невозможно создать полноценный текст в устной или письменной форме, быть правильно понятым, точно выразить мысль и верно воспринять информацию, важную для профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Эксперты РТУ МИРЭА и HeadHunter назвали одну из наиболее перспективных профессий [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mirea.ru/mediapage/press-service/eksperty-rtu-mirea-i-headhunter-nazvali-odnu-iz-naibolee-perspektivnykh-professiy/>; Данилов А.Н., Гитман М.Б., Столбов В.Ю., Гитман Е.К. Система подготовки инженерных кадров в современной России: образовательные траектории и контроль качества // Высшее образование в России. 2018. №3. С.5–15.
2. Перечень компетенций, необходимых для осуществления практической инженерной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <http://icc.tomsktp.ru/перечень-компетенций-необходимых-дл/>
3. Токарева Г.В. Практикум по курсу «Основы деловой коммуникации»: Учеб. пособие / ФГБОУВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.А. Ленина». Иваново, 2021. С.22.

References

1. Experts RTU MIREA and HeadHunter named one of the most promising professions [Electronic Resource]. – URL: <https://www.mirea.ru/mediapage/press-service/eksperty-rtu-mirea-i-headhunter-nazvali-odnu-iz-naibolee-perspektivnykh-professiy/>; Danilov A.N., Gitman M.B., Stolbov V.Yu., Gitman E.K. System of training engineering personnel in modern Russia: educational trajectories and quality control// Higher education in Russia. 2018. №3. Pp.5–15.
2. List of competencies required for practical engineering activities [Electronic resource]. – URL: <http://icc.tomsktp.ru/перечень-компетенций-необходимых-дл/>
3. Tokareva G.V. Workshop on the course «Fundamentals of Business Communication»: Training Manual/FSBOUVO «Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin». Ivanovo, 2021. P.22.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.16.41.007

Самарский государственный социально-педагогический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков
Клюшина А.М.
Россия, Самара, 89297014908
e-mail: klyushina@pgsga.ru

Samara State University of Social Sciences and Education
English Philology and Cross-Cultural Communication Department
PhD, associate professor
Klyushina A.M.
Russia, Samara, 89297014908
e-mail: klyushina@pgsga.ru

А.М. Клюшина

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *КРАЙНОСТЬ* В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Изучение особенностей отражения реальной действительности в метаязыковом сознании является актуальной темой современных научных работ, что обуславливается стремлением выявить и исследовать представления носителя языка о языковой действительности. В настоящей статье анализируются особенности употребления лексемы *крайность* в текстах научного дискурса разнообразных сфер гуманитарных наук и определяются некоторые характерные черты. С этой целью изучены и проанализированы 137 публикаций, в которых встречается слово *крайность*, представленных в поисковой системе Академия Google (Google Scholar), и определены особенности участия исследуемой лексемы в современном научном гуманитарном дискурсе. Выявлено, что лексема *крайность* употребляется достаточно часто в научных текстах разнообразных сфер современного гуманитарного дискурса (философии, социологии, юриспруденции, психологии, политологии, филологии). Опираясь на сведения словарей иностранных слов, отмечено, что исследуемое слово *крайность* является метаоператором, так как некоторые иноязычные понятия (*максимализм, фанатизм, экстремальность, экстремизм*) объясняются через лексему *крайность* или *крайность* объясняется через них. Кроме того, определено, что лексемы *крайность* и *предел* являются лексическими синонимами по одному лексико-семантическому варианту 'крайняя степень чего-нибудь'. Уточняется, что дифференциальная сема в синонимической парадигме представлена стилистической коннотативной семой эмоционального и экспрессивного характера.

Ключевые слова: лексема *крайность*, современные гуманитарные науки, *максимализм, экстремальность, экстремизм, предел*, синонимический ряд, иноязычное заимствование, метаоператор, термин.

А.М. Klyushina

SOME FEATURES OF THE USE OF THE LEXEME *KRAYNOST'* (EXTREME) IN THE MODERN SCIENTIFIC HUMANITARIAN DISCOURSE

The study of the reflection features of the reality in metalanguage consciousness is an urgent topic of modern scientific works, which is caused by the desire to identify and explore the native speaker's ideas about linguistic reality. This article analyzes the usage features of the lexeme *kraynost'* (extreme) in the texts of scientific discourse in various fields of the humanities and identifies some characteristic features. To this end, 137 publications in which the word *kraynost'* (extreme) occurs, presented in the Google Academy search engine (Google Scholar), were studied and analyzed, and the features of the participation of the studied lexeme in modern scientific humanitarian discourse were determined. It is revealed that the lexeme *kraynost'* (extreme) is used quite frequently in scientific texts of various spheres of modern humanitarian discourse (philosophy, sociology, jurisprudence, psychology, political science, philology). Based on the information of dictionaries of foreign words, it is noted that the studied word *kraynost'* (extreme) is a meta-operator, since some foreign-language concepts (*maximalism, fanaticism, extremity, extremism*) are explained through the lexeme *kraynost'* (extreme) or *kraynost'* (extreme) is explained through them. In addition, it is determined that the lexemes *kraynost'* (extreme) and *predel* (limit) are lexical synonyms for one lexico-semantic variant. It is clarified that the differential seme in the synonymic paradigm is represented by a stylistic connotative seme of an emotional and expressive nature.

Keywords: lexeme *kraynost'* (extreme), modern humanities, *maximalism, extremity, extremism, limit*, synonymic series, foreign language borrowings, meta-operator, term.

Особенность отражения реальной действительности в метаязыковом сознании является одной из центральных проблем современной науки. Исследовательский интерес к анализу метатекстов связан со стремлением определить и изучить представления носителя языка о языковой действительности. В статье попытаемся проанализировать особенности употребления лексемы *крайность* в научных текстах определить некоторые характерные черты. Для этого изучим научные работы, в которых встречается слово *крайность*, и выявим ключевые аспекты участия исследуемой лексемы в современных гуманитарных науках.

Данное исследование выполнено в русле изучения проблем лексиграфического портретирования лексемы *крайность* [1]; особенностей употребления конститuentов функционально-семантической категории крайности в художественном дискурсе [2-11]; бытования функционально-семантического подхода в лингвистике [12]; изучения фразеологических единиц с семантикой крайности в русском художественном, научном и газетном дискурсе [13; 14]. Однако специального исследования особенностей употребления лексемы *крайность* в современном научном гуманитарном дискурсе не проводилось. Цель настоящей статьи – проанализировать особенности участия лексемы *крайность* в разнообразных научных сферах современного гуманитарного дискурса. Для анализа использовались тексты научных публикаций бесплатного ресурса для ученых – поисковой системы Академия Google (Google Scholar), в которой расположены в открытом доступе полные тексты научных работ, монографий, статей из рецензируемых источников, авторефераты диссертаций и другие научные документы с сайтов и из репозиторий вузов и научно-исследовательских институтов (общее количество проанализированных научных работ – 137).

Обзор научных работ показывает, что лексема *крайность* употребляется достаточно частотно в текстах разнообразных сфер гуманитарных наук. Приведем некоторые примеры употребления исследуемой лексемы в научных работах по философии, социологии, юриспруденции, психологии, политологии, филологии. Кандидат философских наук В. В. Ким пишет, что еще в эпоху античности в философии *экстремизм* исследовался с помощью таких лексем как *крайность*, *предел*, *риск* и др. [15, с. 269]. В автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук А. А. Хоровинникова «Экстремизм как социальное явление (философский анализ)» специфика философского рассмотрения позволяет предположить, что если под экстремизмом подразумевать некоторую крайность, то терроризм определяется как крайность крайности, которая выступает скорее логическим, чем объективным развитием экстремизма [16, с. 21]. Современный философ В. Н. Томалинцев в книге «Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма» пытается решить терминологическую проблему, он пишет: «современный анализ экстремальных проявлений требует дифференцированного подхода к понятиям «предел» и «крайность» с учетом стихийной спонтанной природы крайностей, выступающих результатом самопроизвольного развития и целеполагающей роли пределов [17, с. 10]. Слово *крайность* востребовано и в социологии. Современные исследователи В. И. Чупров и Ю. А. Зубок указывают, что под экстремальностью, как сущностной характеристикой молодежи, понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. По мнению ученых, на разных полюсах экстремальных настроений, в качестве крайних состояний, представлены фанатизм, характеризующий радикальную направленность сознания и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние [18, с. 39]. Также исследователи обращаются к изучению социально-психологической обусловленности радикализации молодежи. Под спецификой молодежи здесь понимаются различные формы проявления максимализма и крайностей поведения на групповом и индивидуальном уровнях. Экстремальным полюсом выступает радикальный вектор сознания (фанатизм) [19, с. 58]. Научные работы юриспруденции также насыщены лексемой *крайность*. В монографии «Экстремизм и его причины» указано, что все авторы, пишущие и говорящие об экстремизме, едины в том, что это крайность или экстремальность в оценках и действиях личности или группы. [20, с. 94]. В статье «Философско-идейный фундамент экстремизма» кандидат юридических наук Б. Б. Бидова отмечает, что комплексное исследование экстремистских действий нуждается в дифференцированном подходе к толкованию терминов «крайность» и «предел», важных, как считает ученый, для оценивания описываемого феномена. По мнению ученого, «крайность» является характеристикой итога спонтанного развития системы; она принимает во внимание значимость границ, представляющих собой продукт развивающегося сознания и считающихся признаком осознанной и предусмотрительной личности. «Предел» же отображает «пик», «апогей» развития, точку бифуркации, а также позволяет обнаружить крайние точки деградации, разрушения и кризиса [21, с. 138]. Кандидат психологических наук А. А. Мишин, исследуя особенности личности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, отмечает, что большинству террористов присущи максимализм (крайность в требованиях и суждениях) и абсолютизм убеждений [22, с. 68]. Анализируя личностные черты, способствующие обращению к алкоголю и табакокурению современной молодежи, коллектив авторов статьи «Исследование склонности молодежи к

вредным привычкам» перечисляют нетерпеливость, неспособность ждать, максимализм, крайность в каких-либо требованиях, взглядах, эмоциях и др. [23, с. 88].

Доктор политических наук профессор С.А. Сергеев в статье «Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках» пишет: «в самом общем виде экстремизм может быть охарактеризован как приверженность крайним взглядам и таким же крайним методам их реализации [24]. В филологических работах лексема *крайность* часто употребляется в сочетании со словом *предел*. В методических указаниях по особенностям употребления немецких предлогов указано, что многозначный предлог *an* употребляется в немецком языке с существительными, требующими ответа на вопрос «куда?» для выражения крайности, предела [25, с. 18]. Русский литературовед XX века М.М. Бахтин, анализируя роман «Преступление и наказание», отмечает, что «все в этом романе <...> придвинуто к своим границам, все как бы готово перейти в свою противоположность, все доведено до крайности, до своего предела» [26, с. 189]. Современный российский литературовед Л. С. Фокин отмечает, что «Достоевский в «Записках из подполья» показывает <...> способ бытия, в котором крайность достигается через предельное сознание стыда, нищеты и тщеты человеческого удела» [27, с. 233].

Мы можем отметить, что во многих современных науках лексема *крайность* является своего рода метаоператором, о чем свидетельствует наличие нескольких иноязычных терминов, которые либо определяют через лексему *крайность*, либо *крайность* определяется через них: *максимализм*, *фанатизм*, *экстремальность*, *экстремизм*. Впервые термин *метаоператор* вводится А. Вежбицкой [28]. Доктор филологических наук И. Т. Вепрева изучает метаязыковые высказывания в контексте употребления иноязычных слов [29, с. 221–228]. По мнению Е. Е. Козловой, в настоящее время в современный русский язык внедряется большое количество иноязычных заимствований. В связи с этим представляется актуальным изучение характера метаязыковой рефлексии носителя русского литературного языка в отношении семантики иноязычных заимствований [30]. Иными словами, через лексему *крайность* описываются иноязычные термины, однако само слово *крайность* термином не является. В качестве подтверждения приведем определения понятия *термин*. По мнению доктора филологических наук К.Я. Авербуха, термин – это элемент терминологии, представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака, выражающих специальное понятие определенной области знания [31, с. 131]. Доктор филологических наук М.Н. Володина определяет термин, как слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции [32, с. 25]. В нашем случае анализ научных публикаций различных гуманитарных наук позволяет констатировать, что слово *крайность* не относится к одной определенной области знания, а употребляется в самых разнообразных научных сферах. Кроме того, исследуемая лексема *крайность* не способна точно выражать специальные понятия, так как в структуре лексического значения этого слова присутствуют коннотации, например, просторечное употребление слова *крайность* в значении ‘бедность, нужда’ [33, с. 250].

Лексемы *максимализм*, *экстремальность*, *экстремизм* и *фанатизм* иноязычного происхождения, и при переводе на русский язык имеют значение *крайность*. Так, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина мы обнаруживаем, что иноязычное слово *максимализм* заимствовано в русский язык из французского (*maximalisme*), которое в свою очередь заимствовано из латинского (*maximus* – наибольшее), и в русском языке лексема *максимальность* имеет значение ‘крайность в каких-нибудь требованиях, взглядах, не оправданная реальной действительностью’ [34, с. 456]. Согласно тому же словарю, лексема *экстремизм* также пришла в русский язык из французского (*extremisme*), которое заимствовано из латинского (*extremus* – крайний), и в русском языке обозначает ‘приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)’ [34, с. 912]. В Словаре иностранных слов современного русского языка указано, что лексема *фанатизм* заимствована из латинского (*fanaticus* – исступленный ← *fanum* – храм), и на русский язык переводится как «страстная приверженность своим убеждениям при крайней нетерпимости к чужим взглядам и стремлениям» [35, с. 695]. В том же словаре находим описание слова *экстремальный*, от которого образовано *экстремальность*: заимствовано из французского языка (*extreme*), а прежде из латинского (*extremus* – крайний), на русский язык переводится как «крайний, необычный, предельный» [35, с. 775]. Таким образом, мы можем заключить, что в анализируемых работах при трактовке иноязычных терминов лексема *крайность* входит в состав толкования заимствованных лексических единиц.

Кроме того, при анализе научных текстов сферы философии, юриспруденции и филологии было выявлено, что лексема *крайность* соотносится с лексемой *предел*. На основании сведений из Словаря синонимов русского языка и Словаря синонимов и антонимов современного русского языка, лексема *предел* синонимична «крайней степени» [36, с. 372; 37, с. 277]. Рассмотрим лексико-семантические варианты (ЛСВ) лек-

сем *крайность* и *предел*, чтобы определить, в каком из ЛСВ эти лексемы являются синонимами. Дело в том, что обе лексемы являются многозначными, а, следовательно, по разным своим значениям они включаются в разные синонимические ряды. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова приводятся следующие значения слова *крайность*:

Крайность-1 «то, что представляет собою крайнюю степень чего-нибудь (мнения, поведения, свойства)» (*Впадать в крайность. Защищаться до последней крайности. Крайности в убеждениях*).

Крайность-2 «крайность, противоположная другой» (*Переходить из одной крайности в другую. Крайности сходятся*).

Крайность-3 «тяжелое, опасное положение, крайняя необходимость» (*Крайность толкнула его на преступление*).

Кроме того, приводится просторечное употребление слова в значении Крайность-4 «бедность, нужда» (*Жить в крайности*) [33, с. 250].

В том же «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова перечисляются следующие значения лексемы *предел*:

Предел-1 «граница, черта, разделяющая между собой земли, государства; рубеж». (*Выйти за пределы города*). || Местность, пространство, заключенное в каких-н. границах; область. (*В пределах страны*);

Предел-2 «последняя, крайняя степень, грань чего-нибудь» (*Предел упругости. Предел человеческой жизни*.) || перен. «мера, норма, граница чего-нибудь» (*Перейти пределы дозволенного*);

Предел-3 перен. «последняя, высшая ступень, верх чего-нибудь, идеал, мыслимая полнота чего-нибудь» (*Предел желаний. Предел совершенства*);

Предел-4 «постоянная величина, к которой неограниченно приближается переменная величина, при чем разность между ними стремится к нулю и может быть сделана по абсолютной величине сколь угодно малой» (математ.) [33, с. 515-516].

Лексемы *крайность* и *предел* являются лексическими синонимами по ЛСВ 'крайняя степень чего-нибудь'; это Крайность-1 и Предел-2 (по «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова). Синонимический ряд представляет собой самостоятельную лексическую микросистему, в которой доминантой является лексема *предел*, так как именно она передает наиболее общее понятие и является нейтральной по употреблению. На наш взгляд, исследуемые лексемы можно отнести к синкретичному типу синонимов (семантикостилевому), так как они различаются оттенками значений и служат средствами детализации, выделения того или иного признака определенного понятия; кроме того, дифференциальная сема в синонимической парадигме представлена стилистической коннотативной семой (эмоционального и экспрессивного характера). Лексема *крайность* отличается своего рода экспрессивностью, о чем говорится и в научной статье «Сочетаемость наречия *крайне* в современном русском языке»: «... *крайность* имеет смысл не собственно градуальный, а скорее эмоциональный» [38, с. 589]. Для подтверждения мнения о том, что лексема *крайность* имеет добавочную сему (обозначает что-то большее, чем *предел*), приведем высказывания.

По мнению современного философа В. Н. Томалинцева, объективной, социально-значимой ценностью становится достижение не крайностей, а реальных обоснованных пределов, способствующих более глубокому проникновению в суть вещей и служащих цели уточнения и оптимизации протекающих процессов [17, с. 12]. Кандидат юридических наук В. Н. Барсукова отмечает, что «в каждом обществе есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предел, за которым начинается недопустимая крайность» [39, с. 133].

Данные высказывания косвенно доказывают нашу точку зрения о том, что структура лексического значения Крайность-1 состоит из лексического значения Предел-2 и добавочной семы 'эмоциональность'/'экспрессивность'.

Подведем итоги проведенного исследования особенностей употребления лексемы *крайность* в современном научном дискурсе. Анализ научных публикаций бесплатного ресурса для ученых – поисковой системы Академия Google (Google Scholar) позволяет сделать следующие выводы:

- лексема *крайность* достаточно часто употребляется в текстах разнообразных сфер гуманитарных наук: философии, социологии, юриспруденции, психологии, политологии, филологии;
- в современных научных публикациях исследуемое слово *крайность* является метаоператором: иноязычные понятия либо определяются через лексему *крайность*, либо *крайность* определяется через них;
- исследуя соотношение лексемы *крайность* со словами *максимализм*, *фанатизм*, *экстремальность*, *экстремизм* и опираясь на сведения словарей иностранных слов, можем заключить, что лексема *крайность* входит в состав толкования заимствованных лексических единиц;
- изучая соотношение лексем *крайность* и *предел*, отметим, что эти слова являются лексическими синонимами по ЛСВ 'крайняя степень чего-нибудь' (по «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова).

Дифференциальная сема в синонимической парадигме представлена стилистической коннотативной семой (эмоционального и экспрессивного характера), о чем свидетельствуют высказывания филологов и философов. В статье даны общие характеристики особенностей употребления лексемы *крайность* в гуманитарных науках, однако исследование этой лексической единицы и функционально-семантической категории крайности в русской лингвокультуре требуют более детального рассмотрения.

Библиографический список

1. Ключина А. М. Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020-d. Т. 11. № 4. С. 37-47.
2. Ключина А. М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова // Семантика. Функционирование. Текст : Межвузовский сборник научных трудов. Киров: Общество с ограниченной ответственностью "Радуга-ПРЕСС", 2020-b. С. 138-144.
3. Ключина А.М. Проявление семантики крайности в персонифицированной В. С. Высоцкого // Лекантовские чтения : материалы Международной научной конференции, Москва, 20 ноября 2020 года. Москва: Московский государственный областной университет, 2020-с. С. 247-250.
4. Ключина А.М. О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Libri Magistri. 2021-a. № 2(16). С. 36-45.
5. Ключина А. М. О семантике крайности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // С любовью к Слову : Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования, Арзамас, 09–10 февраля 2021 года / Отв. редактор О.В. Никифорова. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2021-b. С. 122-125.
6. Ключина А. М. Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2021-с. № 1. С. 462-472.
7. Ключина А. М. О взаимодействии семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф. М. Достоевского // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС», 2021-d. С. 51-58.
8. Ключина А. М. Взаимодействие конститuentов семантики крайности в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Бедные люди») // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : материалы II Международной научной конференции, Воронеж, 21–23 апреля 2021 года. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2021-e. С. 370-373.
9. Ключина А. М. Особенности употребления лексемы *хоть* для передачи семантики крайности в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Лекантовские чтения - 2021: Материалы Международной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 года / Отв. редактор Е.Н. Орехова. МГОУ: Московский государственный областной университет, 2021-f. С. 262-267.
10. Ключина А.М. Проявление семантики крайности в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Наследие Ф. М. Достоевского и современность: тезисы Международного научного форума, посвященного 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (Гомель, 25–26 февраля 2021 года) / ред.кол. : И. Г. Гомонова (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский. гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021-g. С. 37-38.
11. Ivanyan Elena. P., Klyushina Alena. M. Interaction of Categories of Uncertainty and Extreme // EpSBS - Volume 119 - International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021). 2021. P. 80-87.
12. Ключина А. М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020-a. Т. 13. № 10. С. 113-118.
13. Ключина А. М., Брагина Ю.Д. Соотношение образности английских и русских фразеологизмов // European Scientific Conference : сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 07 мая 2019 года. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 151-154.
14. Ivanyan E., Klyushina A. The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse // The Discourse Use of Phraseological Units / Edited by Elena Arsenteva. Cambridge Scholars Publishing. 2021. P. 123-145.
15. Ким В. В. Экстремизм: к постановке проблемы // Амурский научный вестник. 2009. № 2. С. 267-274.
16. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филос. наук. Саратов. 2007. 27 с.
17. Томалинцев В. Н. Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма. СПб., 2001. 72 с.
18. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
19. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Юридическое издательство "Норма", 2015. 230 с.
20. Экстремизм и его причины: монография / под ред. Ю. М. Антонян [и др.]. Москва: Логос, 2013. 312 с.
21. Бидова Б. Б. Философско-идейный фундамент экстремизма // Вестник Чеченского государственного университета. 2017. № 3(27). С. 138-144.

22. Мишин А. А. Особенности личности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление, № 3 (7), 2019, С. 65-69.
23. Дугнист П. Я., Перегудова Т. М., Новичихина Е. В., Романова Е. В., Мильхин В. А., Пироженов Ю. Р. Исследование склонности молодежи к вредным привычкам // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта, № 4 (15), 2019, С. 86-90.
24. Сергеев С. А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya_Ekstreizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf
25. Снигирева О. М. Предлоги немецкого языка: методические указания для самостоятельной работы студентов. Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2016. 56 с.
26. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.
27. Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. 396 с.
28. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. С. 402-421.
29. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-Пресс, 2005. 379 с.
30. Козлова Е. Е. Способы толкования иноязычных заимствований в газетном дискурсе // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, № 314 (6), 2009. С. 108-112.
31. Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново: Издательство Ивановского гос. ун-та, 2004. 252 с.
32. Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 179 с.
33. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: «Аделант», 2014. 800 с.
34. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 944 с.
35. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. 800 с.
36. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синонимич. рядов. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
37. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. М.: «Аделант», 2014.-800 с.
38. Сандакова М. В., Ибо Н. Е. Сочетаемость наречия *крайне* в современном русском языке // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения : Материалы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур), Москва, 22-24 мая 2019 года / Главный редактор М. Н. Русецкая. – Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 587-592.
39. Барсукова В. Н. Понятие и критерии достойной жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии, № 4 (111), 2016, С. 131-136.

References

1. Klyushina A.M. Lexicographic portraiture of the lexeme "extreme" // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2020-d. Vol. 11. No. 4. pp. 37-47.
2. Klyushina A.M. A combination of particles to convey the semantics of the extreme in the work of A. Gelasimov // Semantics. Functioning. Text : Interuniversity collection of scientific papers. Kirov : Limited Liability Company "Raduga-PRESS", 2020-b. Pp. 138-144.
3. Klyushina A.M. Manifestation of the semantics of extreme in the personosphere of V. S. Vysotsky // Lekant readings : materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 20, 2020. Moscow: Moscow State Regional University, 2020-c. Pp. 247-250.
4. Klyushina A.M. On some means of expressing the semantics of extreme in F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // Libri Magistri. 2021-a. No. 2(16). Pp. 36-45.
5. Klyushina A.M. On the semantics of extremes in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" // With love for the Word : A collection of articles by participants of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova, a specialist in lexicology, dialectology, onomastics, word formation, Arzamas, February 09-10, 2021 / Editor-in-chief O.V. Nikiforova. Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2021-b. Pp. 122-125.
6. Klyushina A.M. Verbal representation of the functional-semantic category of extremes in the image of Dmitry Karamazov // Russian language and culture in the mirror of translation. 2021-c. No. 1. Pp. 462-472.
7. Klyushina A.M. On the interaction of the semantics of the extreme with the semantics of diminutiveness in the artistic space of the works of F. M. Dostoevsky // Semantics. Functioning. Text : interuniversity collection of scientific papers. Kirov : Limited Liability Company "Raduga-PRESS", 2021-d. Pp. 51-58.
8. Klyushina A.M. Interaction of constituents of the semantics of extremes in the works of F. M. Dostoevsky (based on the novel "Poor People") // Linguocultural universals in the world space : materials of the II International Scientific Conference, Voronezh, April 21-23, 2021. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2021-e. Pp. 370-373.
9. Klyushina A.M. Features of the use of the lexeme at least to convey the semantics of the extreme in the work of F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment" // Lecantov readings - 2021 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 22, 2021 / Editor E.N. Orekhova. Moscow State University: Moscow State Regional University, 2021-f. Pp. 262-267.
10. Klyushina A.M. Manifestation of the semantics of the extreme in the novel by F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" // The legacy of F. M. Dostoevsky and modernity: theses of the International Scientific Forum dedicated to the 200th anniversary

- of the birth of F. M. Dostoevsky (Gomel, February 25-26, 2021) / ed.) [and others]; Gomel State University named after F. Skorina. Gomel: F. Skarina State University, 2021-G. Pp. 37-38.
11. Ivanyan Elena. P., Klyushina Alena. M. Interaction of Categories of Uncertainty and Extreme // *EpSBS - Volume 119 - International Conference "Humanity in the Era of Uncertainty" (ICHEU 2021)*. 2021. P. 80-87.
 12. Klyushina A.M. The problem of the existence of a functional semantic approach in linguistics: systematic review // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020-a. Vol. 13. No. 10. Pp. 113-118.
 13. Klyushina A.M., Bragina Yu.D. The ratio of the imagery of English and Russian phraseological units // *European Scientific Conference : collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference, Penza, May 07, 2019*. Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. Pp. 151-154.
 14. Ivanyan E., Klyushina A. The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse // *The Discourse Use of Phraseological Units / Edited by Elena Arsenteva*. Cambridge Scholars Publishing. 2021. P. 123-145.
 15. Kim V. V. Extremism: towards the formulation of the problem // *Amur Scientific Bulletin*. - 2009. No. 2. Pp. 267-274.
 16. Khorovinnikov A. A. Extremism as a social phenomenon (philosophical analysis): autoref. diss. for the scientific competition. degrees of Candidate of Philos. sciences'. Saratov. 2007. 27 p.
 17. Tomalintsev V. N. Man in the XXI century: a search on the verge of creativity and extremism. St. Petersburg, 2001. 72 p.
 18. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth extremism. The essence and features of the manifestation // *Sociological research*. 2008. No. 5. pp. 37-47.
 19. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Williams K. Youth in a risk society. M.: Legal publishing house "Norm", 2015. 230 p.
 20. Extremism and its causes: a monograph / edited by Yu. M. Antonyan [et al.]. Moscow: Logos, 2013. 312 p.
 21. Bidova B. B. Philosophical and ideological foundation of extremism // *Bulletin of the Chechen State University*. 2017. № 3(27). Pp. 138-144.
 22. Mishin A. A. Personality features of those convicted of crimes of extremist and terrorist orientation // *Theory and practice of scientific research: psychology, Pedagogy, Economics and Management*, No. 3 (7), 2019, pp. 65-69.
 23. Dugnist P. Ya., Peregodova T. M., Novichikhina E. V., Romanova E. V., Milkhin V. A., Pirozhenko Yu. R. Investigation of the propensity of youth to bad habits // *Human health, Theory and methodology of physical culture and sports*, No. 4 (15), 2019, pp. 86-90.
 24. Sergeev S.A. Studies of extremism and radicalism in foreign and domestic social sciences. [Electronic resource] / Access mode: http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya_Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf
 25. Snigireva O. M. Prepositions of the German language: methodological guidelines for independent work of students. Orenburg State University. Orenburg: OSU, 2016. 56 p.
 26. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics // *Bakhtin M.M. Collected works: In 7 volumes*. M.: Russian dictionaries: Languages of Slavic culture, 2002. Vol. 6. 505 p.
 27. Fokin S. L. Dostoevsky's figures in French literature of the XX century. St. Petersburg: RHGA, 2013. 396 p
 28. Vezhbitska A. Metatext in the text // *New in foreign linguistics*. M.: Progress, 1978. Pp. 402-421.
 29. Vepreva I.T. Linguistic reflection in the post-Soviet era. M.: Olma-Press, 2005. 379 p.
 30. Kozlova E. E. Ways of interpreting foreign-language borrowings in newspaper discourse // *Izvestiya Tomsk Polytechnic University. Georesources Engineering*, No. 314(6), 2009. From 108-112.
 31. Averbukh K. Ya. General theory of the term. Ivanovo: Publishing House of the Ivanovo State University. 2004. 252 p.
 32. Volodina M. N. Theory of terminological nomination. Moscow: Moscow Publishing House. un-ta, 1997. 179 p.
 33. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: "Adelant", 2014. 800 p.
 34. Krysin L. P. Explanatory dictionary of foreign words. M.: Eksmo Publishing House, 2006. 944 p.
 35. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. M.: "Adelant", 2014. 800 p.
 36. Alexandrova Z. E. Dictionary of synonyms of the Russian language: Practical reference: Approx. 11,000 synonyms.rows. M.: Rus. yaz., 2001. 568 p.
 37. Dictionary of synonyms and antonyms of the modern Russian language. 50,000 words. M.: "Adelant", 2014.-800 p.
 38. Sandakova M. V., For N. E. The compatibility of the adverb extremely in the modern Russian language // *Slavic culture: origins, traditions, interaction. XX Cyril and Methodius Readings : Materials of the International Scientific and Practical Conference (within the framework of the International Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures)*, Moscow, May 22-24, 2019 / Editor-in-Chief M.N. Rusetskaya. – Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2019.Pp. 587-592.
 39. Barsukova V. N. The concept and criteria of a decent life // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, No. 4 (111), 2016, pp. 131-136.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.161

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.61.91.008

*Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина
кандидат филологических наук, доцент
Трубицина Наталья Алексеевна
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*Bunin Yelets State University named by I.A. Bunin
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Trubitsina Natalia Alekseevna
Russia, Yelets
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

Н.А. Трубицина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОНИМЫ В СТИХОТВОРЕНИИ И.А. БУНИНА «ИЕРУСАЛИМ»

Задачей настоящего исследования является рассмотрение функционально-поэтического аспекта художественного ономастикона в стихотворении И.А. Бунина «Иерусалим» (1907). Не вникая глубоко в спор признанных ученых-ономастов, для конкретного рассмотрения нашей проблемы мы обратились к теории В.М. Калинкина и его дефинициям «поэтонимология» и «поэтика онима». В работе мы будем использовать термин В.М. Калинкина - «поэтоним». Всего в стихотворении насчитывается 21 поэтоним. Помимо основных художественных онимов мы включили в этот ряд контекстуальные отапельлятивныеонымы-перифразы. Основную группу поэтонимов в тексте составляют топонимы, делящиеся, в свою очередь, на хоронимы, астионимы, урбанонимы и оронимы. Следующую группу представляют фитонимы и колоронимы. Однократно в произведении встречаются антропоним-библейзм *Иеремия*, этноним *еврей*, орнитоним *стриж*. Присутствующие в описании города и страны поэтонимы маркируют определенные онтологические первоэлементы (по Эмпедоклу) – землю, воздух, огонь и воду. Иерусалим как реальный город – уже знаковое, символическое место, как говорят, «место с репутацией». Подключение поэтонимов к репрезентации Иерусалима бесконечно множит интертекстуальное поле, где каждое слово превращается практически в символ, и особенно – имя собственное. В итоге мы можем сделать вывод, что поэтические онимы в стихотворении И.А. Бунина «Иерусалим» выступают как репрезентанты страны, делают ее узнаваемой как в реальном, так и метафизическом плане. Также поэтонимы в стихотворении «Иерусалим» концентрируют основной смысл текста за счет своей семантической емкости, базирующейся на ассоциативных связях.

Ключевые слова: И.А. Бунин, ономастика, семантика, поэтонимы, лирика.

N.A. Trubitsina

ARTISTIC ONYMS IN BUNIN'S POEM "JERUSALEM"

The objective of this study is to consider the functional and poetic aspect of the artistic onomasticon in I.A. Bunin's poem "Jerusalem" (1907). Without delving deeply into the dispute of recognized onomastic scientists, for a specific consideration of our problem, we turned to the theory of V.M. Kalinkin and his definitions of "poetonymology" and "poetics of the onym". In this paper we will use the term of V.M. Kalinkin - "poetonym". In total, there are 21 poetonyms in the poem. In addition to the main artistic onyms, we have included contextual categorical onyms-periphrases in this series. The main group of poetonyms in the text are toponyms, which, in turn, are divided into choronyms, astyonyms, urbanonyms and oronyms, the next group is represented by phytonyms and coloronyms. Once in the work there are anthroponyms-the Biblical Jeremiah, the ethnonym Jew, the ornithonym swift. The poetonyms present in the description of the city and country mark certain ontological primary elements (according to Empedocles) – earth, air, fire and water. Jerusalem as a real city is already an iconic, symbolic place, as they say, "a place with a reputation." The connection of poetonyms to the representation of Jerusalem infinitely multiplies the intertextual field, where each word turns almost into a symbol, and especially a proper name. As a result, we can conclude that the poetic onyms in I.A. Bunin's poem "Jerusalem" act as representatives of the country, make it recognizable both in real and metaphysical terms. Also, the poetonyms in the poem "Jerusalem" concentrate the main meaning of the text due to their semantic capacity based on associative connections.

Keywords: I.A. Bunin, onomastics, semantics, poetonyms, lyrics.

Отрасль лингвистики, изучающая имена собственные в художественном произведении, получила различные названия у разных ученых – стилистическая ономастика, художественная ономастика, литературная ономастика, литературно-художественная ономастика и т.д. Не вникая глубоко в спор признанных ученых-ономастов, для конкретного рассмотрения нашей проблемы мы обратились к теории В.М.Калинкина и его дефинициям «поэтонимология» и «поэтика онима». В работе мы будем использовать термин «поэтоним», под которым следует понимать «имя в литературно-художественной речи, которое выполняет, кроме обязательной номинативной, характеризующую, идеологическую и стилистическую функции, вторичное по отношению к реальной онимии, со свойственной ему подвижной семантикой» [1, с.198].

Как заметит С.А. Скуридина, «анализ имен собственных в художественном тексте не является самоцелью: каждая ономастическая единица взаимосвязана с элементами других текстовых систем, исследование подобных координаций позволяет вскрывать неочевидные смыслы произведения» [2, с.3-4].

Ономастикон И.А.Бунина, так или иначе, находился в поле зрения отечественных филологов. С.Я.Гехтляр, Т.В.Краснова, Н.А.Бородин, О.А.Селеменова и др. обращались в своих исследованиях к антропонимике, топонимике, мифонимике и другим видам онимовв произведениях И.А.Бунина. Задачей настоящего исследования является рассмотрение функционально-поэтического аспекта художественного ономастикона в стихотворении И.А. Бунина «Иерусалим» (1907).

Всего в стихотворении насчитывается 21 поэтоним. Помимо основныхонимовмы включили в этот ряд контекстуальныеотеплительныеонимы-перифразы. Основную группу поэтонимов в «Иерусалиме» составляют топонимы, делящиеся, в свою очередь, на хоронимы (*Галгала, Газа, Моав, Иудея*), астионимы (*Иерусалим и его контекстуальный синоним Древний город*), урбаноним (*Восточная стена*), оронимы (*Сион и его контекстуальный синоним Сионская стена*).Следующую группу представляют фитонимы (*мак, злак, пальма*) и колоронимы (*красный, желто-розовый, бирюза*). Однократно в произведении встречаются антропоним-библейзм*Иеремия*, этноним *еврей*, орнитоним*стриж*. Используя контекстуальный метод, мы рассматриваем поэтоним*Мертвая вода*как гидроним-перифраз *Мертвого моря*, пелагоним. Интересным видится использование местоимения *Им* как онима-заместителя наименования Бога.

Как любой город, Иерусалим представляет собой город как место и город как имя. И если метафизика любого города проецируется на сакрализацию места во многом по аналогии с Иерусалимом, то сам Иерусалим обладает святостью как бы аргіогі, она инспирирована «высшими силами». Поэтому религиозный контекст неустраним из ассоциативного поля восприятия города. Иерусалим как реальный город уже знаковое, символическое место, как говорят, «место с репутацией». Подключение поэтонимов к репрезентации Иерусалима бесконечно множит интертекстуальноеполе, где каждое слово превращается практически в символ, и особенно – имя собственное.

Как было отмечено выше, основное ядро имен собственных в тексте составляют топонимы, что не удивительно в связи с названием стихотворения. Иерусалим (астионим) вписывается в пространство *Иудеи* (хоронима) и репрезентирует себя за счет городских локусов –*восточной стены* (урбанонима), горы *Сион* и авторской метафоры «*Сионская стена*» (оронимов). В свою очередь Иудея как странапространствливается за счет хоронимов*Моав, Галгала, Газа*, гидронима *мертвая вода* как перифраза пелагонима*Мертвое море*.

Стихотворение Бунина построено по принципу диалога местного жителя-проводника и туриста – лирического героя, за которым скрывается образ автора. Проводник безымян. Однако, представляя себя, он называет свою этническую принадлежность: *И сказал проводник: «Господин! Я еврей / И, быть может, потомок царей»* [3, с.206]. Этноним *еврей* вместо имени и даже предположительная модальность позиционирования собственного рода как рода царского переводит повествование в исторический план. «Здесь и сейчас» Иерусалима нельзя отделить от истории, а историю – от религии.

Репрезентация Иерусалима идет от лица лирического героя-путешественника и от лица его проводника. Лирический герой видит город глазами туриста:

Это было весной. За восточной стеной

Был горячий и радостный зной.

Зеленела трава. На припеке во рву

Мак кропил огоньками траву [3, с.206].

Только урбаноним *восточная стена* в силу своей знаковости и узнаваемости привносит в пейзажную по сути зарисовку элементы культурного ландшафта.Восточная стена в Иерусалиме служит одновременно стеной Храмовой горы и наружной городской стеной, т.е. стеной Старого города. Она возвышается над крутым склоном, спускающимся в долину Кедрон. Имплицитно здесь присутствует как бы некое противопоставление стене Западной, южная часть которой известна под именем Котеля, Стены Плача, со всей

присущей этой еврейской святыне культурно-исторической и религиозной атрибутикой, действующей и до настоящего времени. Восточная стена как бы атрибутирует собой забвение еврейской культуры, т.к. с некоего времени это – мусульманский квартал. Современный автор Меир Антопольский размышляет об этом городском локусе: «Мусульмане постепенно, шаг за шагом превратили все пространство, примыкающее к стене, в кладбище. Говорят, что так они надеются предотвратить приход пророка Элиягу, который должен привести Мошиаха. Пророка, положим, они не остановят, а вот археологов – очень даже успешно задерживают. Настолько, что в последние годы распространилась среди арабов Иерусалима мода устраивать там фальшивые могилы без покойников – только для захвата земли» [4]. Подключаясь к видению лирического героя его визави, после своего именованного этнонимом еврей, обращает внимание собеседника на цветы: *Погляди на цветы по сионским стенам: / Это все, что осталось нам.*

Я спросил «На цветы?» И услышал в ответ:

«Господин! Это праотцев след,

Кровь погибших в боях. Каждый год, как весна,

Красным маком восходит она» [3, с.206].

Упоминание *праотцев* коррелирует с этнонимом *еврей*, и одновременно подключает библейский ветхозаветный культурный код, что еще больше расширяет историческое поле еврейской культуры.

Фитоним *мак* несколько раз упоминается в тексте. И если уже в видении лирического героя он «кропит огоньками траву», то в словах проводника напрямую прозвучало слово «кровь», чрезвычайно важный концепт в еврейской языковой картине мира. *Мак* в целом очень богатый мифопоэтический символ. Его происхождение связывают с каплями крови распятого Христа, а в английской фольклорной традиции с кровью драконов, убитых Святой Маргаритой. Через греческую мифологическую традицию *мак* связывается со сном и смертью (как атрибут Гипноса, брата-близнеца Танатоса), и таким образом входит в семантическое поле концепта *забвение*.

Упоминание повторяющейся весны включает этот поэтоним в еще одно традиционное для него символическое поле – плодородия. Как отмечает В.Н.Топоров в словарной статье о маке, «мак посвящён Церере (иногда Диане), поскольку он растёт среди злаков» [5]. Фитоним *злак* тоже встречается в стихотворении.

Да родит край отцов только камень и мак!

Да исчахнет в нем всяческий злак! [3, с.207].

Фитоним *злак* выступает как метонимия плодородия в целом, с одной стороны, а с другой – не выбивается из контекста климатической реальности местности, где до настоящего времени сложнее всего выращивать зерновые культуры. Визуальный флористический облик города репрезентирует еще один фитоним – *пальма*, а фауна представлена орнитонимом *стриж*.

В полдень был я на кровле. Кругом подо мной,

Тоже кровлей – единой, сплошной,-

Желто-розовый, точно песок, возлежал

Древний город и зноем дышал.

Одинокая пальма вставала над ним

На холме опухалом своим,

И мелькали, сверлили стрижи тишину,

И далеко я видел страну.

Морем серых холмов расстилалась она

В дымке сизого мглистого сна.

И я видел гористый Моав, а внизу-

Ленту мертвой воды, бирюзу [3, с.207].

Присутствующие в описании города и страны поэтонимы маркируют определенные онтологические первоэлементы (по Эмпедоклу) – землю, воздух, огонь и воду. Фитоним *пальма*, маркирующий первоэлемент земля, своим эпитетом *одинокая* вписывается в общее настроение запустения. Орнитоним *стриж*, напротив, создает контраст статике; он маркирует воздушную стихию, показывая, что несмотря ни на что (например, тишину), жизнь в Иерусалиме все-таки существует. Дышащий зноем *Древний город* маркирует стихию огня, а гидроним-перифраз *мертвая вода*, соответственно, водную стихию. Таким образом, поэтонимы обозначают Иерусалим как город контрастов. Колороним *желто-розовый* – индивидуально-авторский, бунинский признак Иерусалима. Характерный фрагмент встречаем в прозе, в «Тени птицы»: «На востоке, за Кедром и горой Елеонской, – Иудейская пустыня, долина Иордана и стеной нежно-фиолетового дыма заступивший полнеба, ровный и высокий хребет от века таинственных Моавитских гор. Прямо же подо мною плоской, голой кровлей *желто-розового* цвета лежит каменная масса небольшого аравийского города, со всех сторон окруженного глубокими долинами и оврагами» [6, с.309]. В сти-

хотворении поименован только один человек – пророк Иеремия, по ветхозаветной истории оплакивающий падение Иудеи, но в то же время пророчествующий о ее возрождении, что еще раз подтверждает и усиливает восприятие Иерусалима и всей Иудеи как территории, балансирующей между прошлым и будущим. Антропоним Иеремия, отсылает нас к биографии пророка, который в культурно-религиозной традиции известен как «плачущий пророк», не единожды предупреждавший свой народ о неминуемой каре за грехопадения. В Библии Иеремия выступает как автор «Книги плача» – сборника поэтических текстов о разрушении Иерусалима Вавилоном в 586 году до нашей эры. От имени Бога он пророчествует на пороге Иерусалимского храма: «Пойдите же на место Мое в Силом, где Я прежде назначил пребывать имени Моему, и посмотрите, что сделал Я с ним за нечестие народа Моего Израиля. И ныне, так как вы делаете все эти дела, говорит Господь, и Я говорил вам с раннего утра, а вы не слушали, и звал вас, а вы не отвечали, – то Я так же поступлю с домом [сим], над которым наречено имя Мое, на который вы надеетесь, и с местом, которое Я дал вам и отцам вашим, как поступил с Силомом» (Иер. 7: 12-15). Город Силом можно считать первой религиозной столицей Израиля, в котором в эпоху Судей, примерно 300 лет, находилась Скиния Завета с ковчегом и алтарем, и совершались общеизраильские праздники. Около 1050 до н. э. филистимляне разрушили Силом, а после попытки своего возрождения он снова был разрушен, теперь уже ассирийцами, в 721 году до нашей эры. Рассказывающий лирическому герою эту историю еврей-проводник, заканчивает свое повествование (а автор – стихотворение) строками:

Да пребудет он гол, иссушен, нелюдим –
До прихода реченного Им! [3, с.207].

Иеремию считают одним из пророков, предсказавших приход Спасителя: «Вот, наступают дни, говорит Господь, и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле» (Иер. 7: 5). Последние строки у Бунина – прямая отсылка к пророчеству о пришествии Иисуса Христа. Местоимение *Им* как оним – заместитель Бога подчеркивает традицию не прямого именования божества в силу величия и всемогущества последнего. Теперь только от Бога зависит дальнейшая судьба Иерусалима и всей Иудеи. Таким образом, мы можем сделать вывод, что поэтические онимы в стихотворении И.А. Бунина «Иерусалим» выступают как репрезентанты страны, делают ее узнаваемой как в реальном, так и метафизическом плане. Также поэтонимы в стихотворении «Иерусалим» концентрируют основной смысл текста за счет своей семантической емкости, базирующейся на ассоциативных связях.

Библиографический список

1. Калинин В.М. Как в русской литературе онимы превращались в поэтонимы? // Филологические исследования: Сборник научных работ. Выпуск 15. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. С. 196-211.
2. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дисс. доктора филол. наук. Воронеж, 2020. 382 с.
3. Бунин И.А. Тень птицы. Собр.соч. в 6-ти т. М.: Сантакс, 1994. Т.2. с. 267-351.
4. Антропольский М. Загадки Восточной храмовой стены в Иерусалиме. [Электронный ресурс]. URL: <https://ieshua.org/zagadki-vostochnoj-xramovoj-steny-v-ierusalime.htm> (дата обращения 15.03.1022).
5. Топоров В.Н. Мифы народов мира. URL: <https://www.peoplesmyths.com/m/mak.html>. (дата обращения 15.03.1022).
6. Бунин И.А. Иерусалим. Собрание сочинений в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. с. 206-207.

References

1. Kalinkin V.M. How in Russian literature did onyms turn into poetonyms? // Philological research: Collection of scientific papers. – Issue 15. Kiev: Dmitry Burago Publishing House, 2016. pp. 196-211
2. Skuridina S.A. Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts: diss. Doctor of Philology. sciences. Voronezh, 2020. 382 p.
3. Bunin I.A. The shadow of a bird. Collected works in 6 volumes. M.: Santaks, 1994. Vol.2. p 267-351.
4. Antropolsky M. Riddles of the Eastern Temple Wall in Jerusalem. [electronic resource]. URL: <https://ieshua.org/zagadki-vostochnoj-xramovoj-steny-v-ierusalime.htm> (accessed 15.03.1022).
5. Toporov V.N. Myths of the peoples of the world. URL: <https://www.peoplesmyths.com/m/mak.html> (accessed 15.03.1022).
6. Bunin I.A. Jerusalem. Collected works in 6 volumes. M.: Art. lit., 1987. Vol. 1. pp. 206-207.

УДК 801.3=82(045/046):26
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.90.38.009

Воронежский государственный технический университет
старший преподаватель кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Безатосная О.М.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-919-189-6604

e-mail: vdovina40@gmail.com

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-900-928-52-23

e-mail: elshka-82@yandex.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language
and cross-cultural communication
assistant lecturer

Bezatosnaya O.M.

Russia, Voronezh, tel. ++7-919-189-6604

e-mail: vdovina40@gmail.com

The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh,

tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

The chair of Russian language and cross-cultural
communication PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.

Russia, Voronezh, tel. +7-900-928-52-23

e-mail: elshka-82@yandex.ru

О.М. Безатосная, Н.Б. Бугакова, Е.О. Кузьминых

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗАХ Б. ЗАЙЦЕВА

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению способов вербализации пространства в рассказах Б.К. Зайцева и выявлению индивидуально-авторских особенностей в сравнении с национальной картиной мира русского человека. Очевидно, что в произведениях художественной литературы, отражающих реальный мир, отражаются и основные бытийные категории. Одной из таких категорий является пространство. Однако нельзя не отметить уникальность способов репрезентации пространства для каждого отдельного художественного текста. Обусловлено это обстоятельство тем, что мир образов воспроизводится в художественном тексте, преломляясь через индивидуально-авторскую картину мира писателя. На основании этого можно предположить, что художественный текст воплощает в том числе и объективно-субъективное представление автора о пространстве. Так возникают ситуации фиксирования индивидуально-авторских особенностей восприятия того или иного образа национальной картины мира. Анализ творчества Б.К. Зайцева, проведенный нами с целью выявления индивидуально-авторских особенностей объективации пространства, позволил авторам предлагаемого исследования, подводя итоги и обобщая результаты, сделать выводы о том, что лексемы, именующие как природные, так и искусственно созданные элементы пространства, существенно важны для пространственного, эстетического и идейного оформления художественного текста. Лексемы, вербализующие пространство в художественном тексте, могут как характеризовать элементы пространства с точки зрения физической, так и связываться с их метафизической сущностью. Введение автором в тексты своих произведений лексем, вербализующих пространство (в частности, постройки различного типа) осуществляется в соответствии с особенностями картины мира писателя. Зачастую понимание автором тех или иных лексем расходится с принятым в национальной языковой картине мира и зафиксированным в словарях.

Ключевые слова: языковая картина мира, объективация, особенности авторской картины мира, пространство.

О.М. Bezatosnaya, N.B. Bugakova, E.O. Kuzminykh

INDIVIDUAL AUTHOR'S FEATURES OF OBJECTIFICATION OF SPACE IN NOVELS BY B. ZAITSEV

The proposed study is devoted to consideration of ways of space verbalization in stories by B.K. Zaitsev and the identification of individual author's features in comparison with the national picture of the world of the Russian person.

It is obvious that works of fiction reflecting the real world also reflect the main categories of being. One of these categories is space. However, it is impossible not to note the uniqueness of the ways of representing space for each individual literary text. This circumstance is due to the fact that the world of images is reproduced in a literary text, refracted through the individual author's picture of the writer's world. Based on this, it can be assumed that the artistic text embodies, among other things, the author's objective-subjective idea of space. So there are situations of fixing the individual author's peculiarities of perception of a particular image of the national picture of the world. Analysis of B.K. Zaitsev's creativity conducted by us in order to identify the individual author's features of the objectification of space, allowed the authors of the proposed study, summing up and summarizing the results, to conclude that lexemes naming both natural and artificially created elements of space are essential for the spatial, aesthetic and ideological design of a literary text. Lexemes that verbalize space in a literary text can both characterize the elements of space from the point of view of the physical, and connect with their metaphysical essence. The introduction by the author into the texts of his works of lexemes that verbalize space (in particular, buildings of various types) is carried out in accordance with the peculiarities of the writer's worldview. Often the author's understanding of certain lexemes differs from the one accepted in the national language picture of the world and fixed in dictionaries.

Keywords: linguistic worldview, objectification, features of the author's worldview, space.

Б.К. Зайцев – русский писатель, художник слова, произведения которого наполнены светом и пространством. Имевший особенные отношения с советской властью, потерявший сына, который был расстрелян как участник контрреволюционного заговора, писатель вынужден был эмигрировать во Францию и творить за пределами России, поскольку никак не мог найти компромисс с советской властью. В текстах Б.К. Зайцева находит отражение судьба дореволюционной России. Произведения писателя пропитаны духом патриархальности, религиозности. Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению способов вербализации пространства в рассказах Б.К. Зайцева и выявлению индивидуально-авторских особенностей в сравнении с национальной картиной мира русского человека.

Очевидно, что одной из важнейших форм материального и духовного мира человека является пространство, без которого человек не может представить свое существование, поскольку всегда мыслит себя центром мироздания. Поэтому категория пространства является «самой большой по своим масштабам, самой важной для восприятия мира и всей жизнедеятельности человека, а потому одной из самых существенных по своим последствиям для человека» [1, с. 465] целостностью. Для человека характерно не только существование в пространстве, но и введение пространства в картину мира. Так, например, М. Горький, обращаясь к молодым писателям, давал совет включать в первый абзац текста пространство наряду с упоминанием времени и человека, поскольку начало текста – это сильная позиция: «всегда лучше начать картиной – описанием места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определенную обстановку» [2].

В произведениях художественной литературы, отражающих реальный мир, отражаются и основные бытийные категории. Одной из таких категорий является пространство. Однако нельзя не отметить уникальность способов репрезентации пространства для каждого отдельного художественного текста. Обусловлено это обстоятельство тем, что мир образов воспроизводится в художественном тексте, преломляясь через индивидуально-авторскую картину мира писателя. На основании этого можно предположить, что художественный текст воплощает в том числе и объективно-субъективное представление автора о пространстве. Так возникают ситуации фиксирования индивидуально-авторских особенностей восприятия того или иного образа национальной картины мира. Отметим, что пространство в национальной картине мира русского человека (в соответствии с данными толковых словарей) – это «1. Одна из форм (наряду со временем) существования бесконечно развивающейся материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. 2. Протяженность, место, не ограниченное видимыми пределами. 3. Промежуток между чем-н., место, где что-н. вмещается» [3, с. 728]. Обращаясь к рассмотрению пространства в творчестве Б.К. Зайцева, не можем не отметить, что для писателя при создании художественного текста важной является идея пространства. Для вербализации образа пространства нами были отобраны лексемы, вербализующие пространство в творчестве Б.К. Зайцева. Отобранные лексемы были расклассифицированы, что помогло авторам исследования прийти к выводу, что наиболее популярными у автора являются лексемы, входящие в условно определенные нами подгруппы «здания и помещения», «природные и искусственно созданные объекты открытого пространства», «объекты конфессионального членения территории».

Обратимся к рассмотрению подгруппы лексем «здания и помещения», поскольку лексемы, включенные нами в эту группу, обладают наибольшей рекуррентностью. Перечислим самые частотные из них: *дом, изба, церковь, храм, часовня, монастырь, беседка, домик, конюшня, театр, дача, флигель, мезонин, комната, гостиная, кабинет, квартира, передняя, спальня, зала, комнатка, терраса*. Лексема *дом* выведена нами на первое место, потому что наиболее часто употребляется автором для объективации значения «строение,

предназначенное для жилья». Это и небольшой помещичий дом, одноэтажный, с террасой, ничем не замечательный; и дом Ахмакова из рассказа «Путники»: «Дом Ахмакова велик, прочен и уныл; солидные фабриканты, его родители, строили его» [4, с. 265]. Отметим, что в рассматриваемом рассказе Б.К. Зайцева дом – это пространство, внушающее доверие, но не вызывающее желания там находиться. В то время как в национальной картине мира, в соответствии с данными словарей, дом – это, в том числе, «место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования» [3, с. 337]. Фольклор русского народа также отражает понимание дома как пространства, в котором происходит единение, в котором человек должен чувствовать себя максимально уверенно, не испытывая негативных эмоций (напр. «Мой дом – моя крепость»).

В словарях зафиксировано также следующее значение лексемы дом: «1. Жилое здание; 2. Место, где живут люди» [3, с. 337]. В художественном тексте дом становится отражением характера человека, проживающего в нем. Например, в рассказе «Голубая звезда» читаем: «Огромный деревянный дом казался мрачным, мебели было мало, в углах было полутемно» [4, с. 457]. Нельзя не отметить восприятие автором дома как пространства, в котором ему неуютно, не по себе. Однако он демонстрирует готовность побороть эту ситуацию, вводя в текст героиню Наталью Григорьевну, которая, будучи женщиной энергичной, правильной, занялась домом. Она распорядилась навести порядок, олицетворением которого она и была: «надо было его подтянуть... переставили мебель; что нужно – добавили; появились скатерти на столах, на окнах – портьеры, букеты сирени в вазах. Было разобрано бельё. Платье развесили по шкафам» [4, с. 459].

Дом – это место, где живут или жили родные, близкие люди, поэтому в дом хочется возвращаться. Герой рассказа «Осенний свет» [4, с. 266] Ковалев, верный сын, восстанавливающий родительский дом для старой матери, чтобы она провела в нем остаток жизни, случайно оказывается в доме соседки-помещицы, в которую был влюблен в юности. Он отмечает произошедшие улучшения: «Дом заново крыт, в окнах новые рамы, всё помолодело какой-то деловитой молодостью. Действует Нина Андреевна, всё действует, – думал он, входя. – Не сдаётся» [4, с. 268]. Хозяйка дома полностью соответствует дому: «Перед ним сидела прямая, чистая и благоуханная, правильно живущая, правильно сломившая его юность, безгрешная и сохранившаяся. У неё заботливые руки, отделанный дом, она смышлёная помещица» [4, с. 273]. Состояние дома Нины Андреевны, первой любви Ковалева, и ее самой производит на него большое впечатление. Рассказывая об этой короткой встрече на излёте осени, автор напоминает нам о том, как в «туманном круговороте человеческого бытия» [4, с. 275] не пройти мимо самого главного в жизни, чтобы в новом доме не отражаться в зеркалах как «медленно проходящий в жизни призрак» [4, с. 273]. Таким образом, центром пространственной лексики в индивидуально-авторской языковой картине мира Б.К. Зайцева является лексема дом, при помощи которой автор характеризует частную жизнь своих героев. Поскольку дома можно вести себя естественно, можем предположить, что дом как часть пространства может использоваться для характеристики героя.

Кроме лексемы дом, для обозначения понятия жилища в рассказах Б.К. Зайцева используются и такие слова, как, например, лачуга: «...направо и налево – пестрые лачуги с маленькими, будто расчерченными двориками» [4, с. 256]. Несмотря на то, что само слово лачуга имеет значение «бедная хижина, небольшой и плохой дом» [3, с. 569], герои рассказа «Путники» чувствуют себя среди этих лачуг хорошо и спокойно, объясняя это тем, что место здесь простое, а жизнь людей, живущих здесь, «очень ясна, очень неопровержима» [4, с. 256]. Труд, маленькие заботы, горести, быт и вера в Бога сопровождают обитателей этих лачуг. Недаром, выслушав героиню, старушка «из простых» сказала: «Ты бы, голубушка, к Тихону сходил, к святителю» [4, с. 256]. Вводя в текст рассказа имя православного святого, автор обращает внимание читателя на то, что вся жизнь его пропитана верой в бога.

Лексема флигель, обозначающая в русской национальной картине мира «пристройку сбоку главного здания или дом во дворе здания» [3, с. 1024], в рассказе Б.К. Зайцева приобретает иную смысловую нагрузку. Во флигеле, пристройке сбоку или доме во дворе здания, живет студент Бенедиктов, герой одноименного рассказа Б.К. Зайцева. Именно здесь, во флигеле, на краю, сбоку, живя в чужой семье, зарабатывая частными уроками, понимая безнадежность своего чувства к дочке хозяина, он решает на самоубийство [4, с. 132]. В картине мира писателя флигель – это место на краю чужой жизни, там находятся никому не нужные люди, уход которых из жизни и из флигеля никто не заметит.

В мезонине, небольшой надстройке над серединой дома [3, с. 698], у героя «Голубой звезды» Христофорова [4, с. 138] была подвижная карта неба. Конечно же, странник и мечтатель, Христофоров, у которого были свои отношения со звездами, мог жить только в мезонине, как бы над домом, над землёй, ближе к небу и звездам.

Изображение комнаты, в которой происходит действие рассказа или живет герой, тоже является средством характеристики героя. Например, Зайцев подчеркивает особенности личности героя рассказа

«Голубая звезда» Христофорова, его бесприютность, одиночество, некую оторванность от действительности, показывая его комнату глазами других героев, которые характеризуют его жилище, употребляя лексемы келья (отдельная комната монаха) [4, с. 298], скит (жилище монаха-отшельника) [4, с. 298], убежище (место, где можно укрыться, найти спасение) [4, с. 299]. Подчеркивается обособленность героя также тем, что автор обращает внимание на его тотальное одиночество: «В этой комнате нет женщины и никогда не было. По ней тоскуют стены» [4, с. 299]. Категория пространства вообще достаточно популярна у автора в качестве ведущей характеристики героев. Например, герой, к которому испытывают симпатию, «входит в комнату удобной частью» [4, с. 284], а без другого, которого недолюбливают, «в доме становится тише» [4, с. 285].

Рассматривая творчество Б.К. Зайцева, невозможно не обратить внимание на обилие в его текстах лексем, репрезентирующих здания религиозного культа. Обусловлено это тем, что для Б.К. Зайцева христианское учение было его духовным ориентиром. Церковное пение, звуки благовеста, плывущие над полями, огоньки свечей в полутёмном храме, самая служба – всё это для него было возможностью найти утешение и покой, приблизиться к жизни вечной. Исполнены веры и многие его герои. Образ церкви очень часто появляется на страницах его произведений и становится ориентиром, помогающим идти по жизни. Так, в рассказе «Студент Бенедиктов» главный герой в минуту слабости, когда «все замолкло в его душе и он сидел в оцепенении, без сил, без воли» [4, с. 285], вдруг вспомнил далекое, детское. «Он увидел весеннюю ночь под праздник Пасхи... он возвращается домой... дома ждет мать» [4, с. 285]. Он переезжает разлившуюся реку, которая, в свою очередь, является элементом пространства, но вселяет ужас: «жутко смотреть в её темень маленькому человеку» [4, с. 285]. Ощущение ужаса нивелирует церковь, которую герой видит на том, далёком берегу. А в церкви огоньки; идет служба: «золотое сияние заутрени не даст в обиду маленького человека. К нему близится далёкий, родной край» [4, с. 285]. Пространство разлившейся реки исчезает, остаётся пространство светлой церкви. Страх проходит. Понимаем, что для автора церковь – это пространство, в котором нет места плохому. Необходимо отметить, что в национальной картине мира лексема церковь наделена следующими признаками: «1. Объединение последователей той или иной религии. 2. Православный храм» [3, с. 1254]. Характеризуя церковь как пространство, исключая негативные проявления, автор демонстрирует индивидуальные особенности восприятия лексемы церковь. Необходимо отметить, что лексемы, вербализующие образ здания для богослужения (храм, церковь, собор), достаточно частотны в ранних рассказах Б.К. Зайцева. Очевидно, что такая популярность этого пласта лексики обусловлена важностью церкви в картине мира писателя, для которого церковь – и пространственный ориентир, и смысловой центр. Церковь – это пространство, объединяющее разных людей. Именно поэтому автор обращается к образу церкви, например, в рассказах «Тихие зори» (1904), «Ласка» (1906), «Миф» (1906), «Актриса» (1911), «Улица святого Николая» (1921), повести «Голубая звезда» и в других. В повести «Голубая звезда» вечный странник Христофоров машинально вошёл и поднялся в церковь и увидел, как она «обширна и светла», почувствовал безграничность её пространства [4, с. 359]. Для героев Б.К. Зайцева храм отождествляется с домом, а жизнь в целом – с дорогой к Богу, которая трудна, как и сама жизнь. Героям Б.К. Зайцева приходится страдать, жить на чужбине, странствовать, потому что они теряют Родину. По словам Н.П. Бабенко, в его произведениях «церковь не только сакральное сооружение, это важнейшее средство на пути спасения человека» [5, с. 25]. В разные моменты жизни герои текстов Б.К. Зайцева, в силу духовной потребности, необходимости приобщиться к святыням, оказываются рядом с церковью, храмом, собором. Если рассматривать тексты писателя с целью выявления упоминаний о церкви, то можно обратить внимание на то обстоятельство, что автор вводит в текст имена собственные, называющие религиозные постройки: Исаакиевский собор в Петербурге, часовня Иверской Божьей Матери на Красной площади. Но подобные формы не часты. Гораздо популярнее образ незаметной церкви, которую автор характеризует как «старую», «древнюю», «покосившуюся», «облупившуюся», «смирную». Необычность церкви у Зайцева заключается также в том, что церкви несвойственно возвышаться над героями; чаще такое здание вписывается в пейзаж, создавая определенную гармонию: «Кругом лес, тишина. Прямо перед нами церковь, и у входа отец Николай... 70-летний старичок, тихий и особенный. Кажется, что ... он уйдёт за церковь и растает в лесу. А в стороне от церкви стоит бедная часовенка ... божественное, окружённое природой, природа, знаменованная святыней» [4, с. 256]. Эти строки дают понять, что для автора природа и святость неотделимы. Известно, что традиционно православные храмы возводились в глуши лесов, подальше от дорог, «испокон века на Руси сохранялись традиции относиться к храму как к связующему звену между человеком и Богом, появление силы которого видели в красоте природы» [6, с. 16].

Храм – это всегда смысловой центр, который объединяет героев текстов Б.К. Зайцева; вокруг этого центра вся жизнь героев, от рождения до смерти. Так, персонаж романа «Золотой узор», Наташа, испытывает волнение, понимая, что очищается ее душа. Происходит это в имении ее отца, когда в маленьком деревенском храме идет пасхальная служба, когда отступили перед вечностью «война, ужасы и окопы, наступления и пленные, сутолока революции» [4, с. 317].

Вводя в свои тексты лексику, обозначающую религиозные постройки, писатель демонстрирует способность такого рода построек влиять на жизнь человека. Иллюстрирует наше предположение, например, рассказ «Грех». Главный герой этого рассказа жил не по совести, нарушал заповеди, но раскаялся: «Когда нас гнали из Бутырки на Курский вокзал, я взглянул на главы Страстного монастыря, снял шапочку и перекрестился. Захотелось свернуть к ... Иоанну Богослову» [4, с. 401]. Автор обращает наше внимание на то, что пересмотреть свою жизнь героя заставляет возникший из далёкого детства образ глав монастыря и образ церкви. Обилие использованных автором лексем, обозначающих здания для богослужения, наводят на мысль, что в картине мира автора церковь – это важная составляющая жизни верующего, концентрирующая вокруг себя всю жизнь человека. Так реализуется в картине мира автора элемент национальной картины мира, соответственно которой церковь объединяет людей. Рассказ «Тихие зори» освещает сложную ситуацию, когда герой оказывается у постели умирающего друга. Наблюдая, как медленно умирает друг, герой не перестает думать о неизбежности и загадочности смерти. Посмотрев в окно, герой видит «старую, смиренную церковку» [4, с. 217], которая приковывает взгляд героя. Горящие в закате купола и кресты церкви неизбежно притягивают взор; образ «смирной» церковки навеивает мысли уже не о смерти, а о величии жизни, о том, что жизнь – дар Божий. Так при помощи лексики церковь происходит объективация церкви как пространства, навеивающего мысли о Боге. Зачастую в текстах Б.К. Зайцева происходит некое смешение, и функции одного здания принимает на себя другое, изначально использовавшееся в других целях. Так, с сердцем, полным печали, тягости подходит героиня рассказа «Студент Бенедиктов», Анна Дмитриевна, к часовне (маленькое здание для молитв без алтаря [7]) Иверской Божией Матери, видевшей и царей, и нищих. «Кругом – захудалые старушки, бабы из деревень; ... И невесты, желающие доброй жизни в замужестве, матери, у которых больны дети, жены, неладно живущие с мужьями» [4, с. 37] – все молились и ставили свечку «Укротительнице злых сердец» [4, с. 37]. Маленькая часовенка в минуты молитв становится общим пространством, перенимая на себя функции церкви, объединённым вздохами и плачем, палладиумом (защитой) тех, кто приходит сюда. Способность религиозных построек облегчать страдания подтверждается и текстом Б.К. Зайцева: «Оттого ли, что поплакала, или правда в золотом сиянии Богородицы был мир, но он поднялась облегчённая...» [4, с. 253]. Помимо озвученных, есть ещё одна особенность изображения Б.К. Зайцевым зданий церкви или монастыря. Они всегда находятся на некоем возвышении, т.е. герой всегда поднимается, когда идет к святым местам. Полагаем, что подобный прием автор использует, чтобы обратить наше внимание на связь построек религиозного типа с небом: «Собор стоял выше города» [4, с. 290]. Учитывая эти особенности введения в текст лексем, обозначающих религиозные постройки, можно понять, что это обусловлено глубокой религиозностью писателя. Необходимо отметить, что лексемы, вербализующие образ здания/помещения, объединены семьёй «место»; в текстах Б.К. Зайцева употребление этих лексем призвано продемонстрировать организацию ближнего к человеку пространства. Вводя в тексты своих произведений лексемы, вербализующие образ здания/помещения, автор предпринимает попытку охарактеризовать внутренний мир героев произведения, а также передать связь человека с пространством.

Пространство в языковой картине мира Б.К. Зайцева включает в себя две составляющих: природный мир и мир человека. Лексика, описывающая природу, иногда используется как фон, на котором ярче видна основа авторского понимания мира и человека. Испытывая особое волнение, автор демонстрирует красоту родной природы. Избушки у него похожи на «толпу сбившихся путников» [4, с. 38], полоса неспелого овса, прохваченного васильками – на «букет Божьего сада в смиренной русской стране» [4, с. 38], необозримые луга с копнами, от которых в душе остаётся ощущение покоя, похожи на «знаменитейшее русское воинство» [4, с. 38]. Водная часть пространственной лексики в рассказах Зайцева представлена такими словами как океан, море, река, ручейки, озеро, пруд, болото, дождь. Воздушное пространство оформлено с помощью таких слов, как воздух (ром неба), небо (бархатный шатер), небесные светила: Солнце, Луна, звезды.

Одной из важнейших функций описания природы является функция создания подтекста. В прозе Зайцева земля, небо, воздух, солнце, звезды одухотворены. Мифопоэтическая картина мира многих народов (и русский не исключение) рассматривает землю и воду в соответствии с женским началом, а небо – с мужским. На фоне этих стихий разворачивается действие рассказов «Миф», «Полковник Розов», «Молодые». Рассказ «Миф» весь наполнен солнцем. «Золотой приятель солнце смотрит на героев, золотистый воздух кружит голову, молодые люди, наполненные любовью друг к другу, чувствуют солнечное безумие» [4, с. 353].

В рассказе «Сон» (1904) главный и единственный герой Песковский (употребляя образование от лексемы «песок») для обозначения фамилии героя, автор подчеркивает такие особенности его характера, как способность меняться, приспосабливаться) переживает процесс перерождения души, смерть/воскресение, сон и пробуждение для новой жизни. Прибывая в начале рассказа в дом на болоте «при слегка склоняющемся к горизонту желто-раскаленном солнце» [8, с. 336], в конце он уезжает, наблюдая возшедшее «круглое, оранжевое в радужном ореоле солнце» [8, с. 341]. Изменения, произошедшие с героем, обретение им нового себя символично коррелируют с новым домом, прибывая в который, герой оказывается в фантастическом, сказочном мире. Внутреннее состояние героя – временная смерть, сон – находится в соответствии с вводимым в рассказ образом болота: «Ровное болото было перед глазами ... Песковский же не жил и не работал: он лежал, бродил, слушал шелест трав, дышал воздухом и прозябал без дум, волнений и забот» [8, с. 336–337]. Это сказочное болото было уничтожено пожаром, который превратил его в несуществующее, беззвучное, а сердце Песковского заполнилось «чувством тихого оцепенения. Как будто сердце его навсегда оделось в волшебные, светло-золотистые, легкотканые одежды и стало неуязвимым» [8, с. 341]. Через употребление лексем, именующих пространство, автор обращает внимание читателя на определенные изменения в природе, которые совпадают с изменениями, происходящими внутри личности.

Таким образом, завершая анализ творчества Б.К. Зайцева, проведенный нами с целью выявления индивидуально-авторских особенностей объективации пространства, можем, обобщая результаты исследования, сделать выводы о том, что лексемы, именующие как природные, так и искусственно созданные элементы пространства, существенно важны для пространственного, эстетического и идейного оформления художественного текста. Лексемы, вербализующие пространство в художественном тексте, могут как характеризовать элементы пространства с точки зрения физической, так и связываться с их метафизической сущностью. Введение автором в тексты своих произведений лексем, вербализующих пространство (в частности, постройки различного типа) осуществляется в соответствии с особенностями картины мира писателя. Зачастую понимание автором тех или иных лексем расходится с принятым в национальной языковой картине мира и зафиксированным в словарях.

Библиографический список

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 465.
2. Горький М. Письма начинающим литераторам. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-366.htm> (Дата обращения – 23.01.22)
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд. перераб. М.: Мир и образование, 2014. С. 728.
4. Зайцев Б. К. Осенний свет. М.: Советский писатель, 1990. 543 с.
5. Бабенко Н.П. Христианская символика в ранних рассказах Б.К. Зайцева. *Парус*, №19, 2012. С. 25.
6. Возняк Е.Р., Горюнов В.С., Семенов С.В. Архитектура православных храмов на примере храмов Санкт-Петербурга: учеб. пособие. СПб.: СПбГАСУ, 2010. 80 с.
7. Словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> (Дата обращения – 23.03.22)
8. Зайцев Б.К. Дальний край. М.: Современник, 1990. 671 с.

References

1. Kubryakova E.S. Language and knowledge. M.: Languages of Slavic culture, 2004. p. 465.
2. Gorky M. Letters to beginning writers. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-366.htm> (Date of reference – 23.01.22)
3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / Edited by prof. L. I. Skvortsov. 28th ed. pererab. M.: World and Education, 2014. P. 728.
4. Zaitsev B. K. Autumn light. M.: Soviet writer, 1990. 543 p.
5. Babenko N.P. Christian symbolism in the early stories of B.K. Zaitsev. *Parus*, No. 19, 2012. P. 25.
6. Wozniak E.R., Goryunov V.S., Sementsov S.V. Architecture of Orthodox churches on the example of the temples of St. Petersburg: textbook. stipend. St. Petersburg: SPbGASU, 2010. 80 p.
7. Dictionary of the Russian language. [electronic resource]. Access mode. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-ru/> (Date of address – 23.03.22)
8. Zaitsev B.K. The Far Edge. M.: Sovremennik, 1990. 671 p.

УДК 81`4
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.55.52.010

Южный федеральный университет
Доцент, кандидат филологических наук
Коростова С.В.
Россия, г. Ростов-на-Дону, тел. +7 9054298701
e-mail: svetolen@yandex.ru

Southern Federal University
Associate Professor, PhD
Korostova S.V
Russia, Rostov-on-Don, t. +7 9054298701
e-mail: svetolen@yandex.ru

Аспирант
Си Хунфэн
Китай, г. Хэфэй, тел. +7 9034365999
e-mail: jerry_on_don@qq.com

Postgraduate student
Si Hongfeng
China, c. Hefei, t. +7 9034365999
e-mail: jerry_on_don@qq.com

С.В. Коростова, Си Хунфэн

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ РЕЧИ В СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ИМЕНИНЫ»

Предметом исследования в статье являются особенности лексической семантики речевой сферы как составляющей семейного общения в рассказе А.П. Чехова «Именины». Изучение слов со значением речи как составляющей семейного общения связано также с концептуальным подходом к анализу ментального, чувственного и духовного мира персонажа художественного произведения. Основной целью нашего исследования является выявление специфики репрезентации речевой деятельности персонажей в рассказе А.П. Чехова «Именины» (1888 г.), отображающем семейное общение в конце XIX века. В статье предпринята попытка выявления корреляций между способами репрезентации чужой речи и средствами актуализации семантического поля «речевая деятельность». Определены причины введения в текст рассказа глагольных лексем, передающих как внутреннюю речь героев, так и их внешнюю речь, комментирующих диалогическое взаимодействие персонажей. Изображенная в тексте рассказа А.П. Чехова «Именины» речь героев сопровождается описанием внеречевой ситуации. Основное внимание в статье уделено авторскому контексту, вводящему чужую речь, в котором функционируют глагольные лексемы и приглагольные квалификаторы, составляющие семантическое поле «речевая деятельность». Установлено, что отношение к семейной коммуникации в творчестве А.П. Чехова трансформируется: от первых юмористических рассказов, в которых семейные перипетии персонажей вызывают улыбку, до зрелых его произведений, где проблемы семейного общения и взаимопонимания персонажей включены в общий контекст философских вопросов о смысле жизни. Восприятие внутренних семейных отношений как модели отношений между людьми в социуме позволяет А.П. Чехову выразить свое отношение к нарушениям нравственных норм, к забвению общечеловеческих ценностей. Лингвистический анализ исследуемого фрагмента концептуальной картины мира писателя способствует установлению специфики русской национальной картины мира, в которой коммуникативность является наивысшей ценностью.

Ключевые слова: семейная коммуникация, изображенная речь, глаголы семантического поля «речевая деятельность».

S.V. Korostova, Si Hongfeng

THE SPECIFICS OF REPRESENTING SPEECH IN THE FAMILY COMMUNICATION OF THE CHARACTERS IN ANTON CHEKHOV'S "THE NAME DAY" SHORT STORY

The subject of research for this article are the peculiarities of lexical semantics in the sphere of speech as a constituent of family communication in Anton Chekhov's short story called "The Name Day". The study of words with the meaning of speech as a constituent of family communication also pertains to the conceptual approach to analyzing mental, sensual, and spiritual worlds of a character of fiction. The article attempts to expose the correlation between the ways of representing reported speech and the means of actualizing the semantic field of "speech activity". It was important to find the reasons for introducing into the text of the short story the verbs that represent both the inner speech of the characters and their actual speech, as well as the verbs commenting the dialogical interaction of the characters. The speech of the characters depicted in Anton Chekhov's short story "The Name Day" is accompanied by the description of the nonverbal situation. The main attention in the article is given to the author's context, which introduces reported speech, where the verbal lexical units and adjectival qualifiers function to constitute the semantic field of

“speech activity”. The attitude to family communication in the works of Anton Chekhov is gradually transformed: in his first humorous short stories the family peripeties of characters elicit a smile, while in his mature works the problems of family communication and mutual understanding of characters are included in the general context of philosophical questions about the meaning of life. The perception of intra-familial relationships as a model of human relationships in the society allows Anton Chekhov to express his attitude towards the violation of moral standards, the neglect of universal values. The linguistic analysis of this fragment from the writer’s conceptual worldview helps determine the specifics of the Russian national worldview, where communicativeness is a supreme value.

Keywords: family communication, reported speech, the verbs of the “speech activity” semantic field.

В художественном мире А.П. Чехова проблемы коммуникации персонажей значимы для понимания смысла текста. В процессе комментирования речевой деятельности героев писатель стремится показать нравственные ориентиры, которые лежат в основе авторских «симпатий и антипатий». По справедливому утверждению Е.А. Поповой, которая рассматривает в своей монографии коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы, «всякая коммуникация, в том числе и литературная, – это всегда диалог, взаимодействие *я* и *другого*, которые на внешнетекстовом уровне представлены как автор и читатель, а на внутреннем – как повествователь и персонаж. Диалог повествователя и персонажей следует понимать как взаимодействие голосов, своего и чужого дискурсов, результатом которого является диалогизация монолога...» [1; с. 5]. Идеи известного русского философа и филолога М.М. Бахтина, создавшего теорию речевых жанров, так или иначе связаны с русским «разговором по душам». Сам М.М. Бахтин признавал, что в русской культуре человека можно «раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически. <...> Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого» [2; с. 338].

Рассматривая речевую деятельность в изображенной семейной коммуникации, мы прежде всего исследуем межперсональное общение героев рассказов А.П. Чехова, представленных в объективированном нарративе зрелого периода творчества писателя.

Общение в семье представляет собой особый случай коммуникации, поскольку является основой семейной жизни и функционирования семьи. Семья – это система, а если «система не развивается, она деградирует». Это означает, что семейная система должна внутренне и внешне трансформироваться в ходе непрерывной адаптации к социально-экономическим и культурным обстоятельствам. При этом всякое изменение сопряжено с неприятной, болезненной утратой состояния косности, в чём-то комфортного, но рано или поздно приводящего к деградации семейного организма. И эта необходимость роста и вызывает недовольство той стороны семейного конфликта, что занимает в нём позицию пассивного объекта [3; с. 121]. Конец XIX века в России ознаменовался новыми социально-экономическими потрясениями, последовавшими после отмены крепостного права, что повлияло и на семейные отношения, особенно в дворянской среде.

Деградация семьи начинается там, по мнению писателя, где в отношения между близкими людьми, связанными узами брака, проникает ложь. Отвечая на замечания А.Н. Плещеева о том, что в рассказе «Именины» нет «симпатий и антипатий», А.П. Чехов пишет: «Но ведь я уравниваю не консерватизм и либерализм, которые не представляют для меня главной сути, а ложь героев с их правдой. Петр Дмитрич лжет и буфонит в суде, он тяжел и безнадежен, но я не могу скрыть, что по природе он милый и мягкий человек. Ольга Михайловна лжет на каждом шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняет ей боль» [4; с. 257-259]. Писатель признается, что героиня рассказа Ольга Михайловна вызывает у него симпатию, однако речевое поведение персонажа представлено в тексте таким образом, что явна и ложь, и страдания.

Героиня готовится стать матерью, ее беременность обостряет восприятие всего, что происходит в доме. Гости, которые собрались на именины ее мужа Петра Дмитрича, утомляют Ольгу Михайловну, она ищет уединения, чтобы пообщаться с «маленьким человечком». Писатель обращает внимание на внутреннюю речевую ситуацию, которая так и не была реализована: «...И на этот раз она дошла до скамеечки, села и **стала думать**; но в ее воображении вместо маленького человечка вставляли большие люди, от которых она только что ушла. Ее **сильно беспокоило**, что она, хозяйка, оставила гостей; и **вспоминала** она, как за обедом ее муж Петр Дмитрич и ее дядя Николай Николаич **спорили** о суде присяжных, о печати и о женском образовании; муж по обыкновению **спорил** для того, чтобы **щегольнуть перед гостями своим консерватизмом**, а главное – чтобы **не соглашаться с дядей, которого он не любил**; дядя же **противоречил ему и придирался к каждому его слову** для того, чтобы показать обедающим, что он, дядя, несмотря на свои 59 лет, сохранил еще в себе юношескую свежесть духа и свободу мысли. И сама Ольга Михайловна под конец обеда **не выдержала и стала неумело защищать женские курсы** – не потому,

что эти курсы нуждались в защите, а просто потому, что **ей хотелось досадить мужу, который, по ее мнению, был несправедлив**» [5; с. 167-168]. Желание героини уйти от гостей и вместе с тем ее беспокойство, что она ушла от них, рождает в ее душе конфликт, который является причиной несостоявшегося общения с будущим ребенком. На фоне этого внутреннего противоречия автор представляет воспоминания о ссоре Петра Дмитрича с дядей Ольги Михайловны, вербализованные глагольными лексемами с негативно-оценочной коннотацией: *щегольнуть, противоречил, придирался к каждому его слову, не выдержала, хотелось досадить*. Воспоминания героини, репрезентированные в авторской тематической речи, по сути актуализируют взгляд со стороны на речевую ситуацию конфликта, в который была втянута и сама Ольга Михайловна. Анализ этого спора предстает в несобственно-прямой речи, которая совмещает точку зрения автора и взгляд на ситуацию персонажа. Глагольные лексемы со значением характеризующей речи (*щегольнуть, не соглашаться, придирался и под.*) выражают модально-речевой план героини.

Говоря о речевых жанрах и особенностях их актуализации в текстах А.П. Чехова, А.Д. Степанов пишет по поводу приведенного выше фрагмента рассказа: «Вкусовые споры и споры ради самовыражения, не имеющие внутренней логической связи, очень близки к параллельно протекающим монологам – «диалогам глухих». Но в то же время говорящий всегда готов возложить вину за непонимание на собеседника, и потому такие споры в любой момент могут перейти в ссору и перебранку. В этом отношении они сходны со спорами *ради выяснения личных отношений*. Таких споров у Чехова очень много. Если в ранних рассказах («Весь в дедушку») «личная» основа спора никак не скрывается и спор быстро скатывается к открытой ссоре, то в поздних текстах такие стычки обычно маскируются под идейные разногласия» [6; с. 85].

Случайно подслушанный диалог мужа и хорошенькой Любочки Шеллер, романтически настроенной семнадцатилетней девочки, рождает в душе героини протест, вызванный чувством ревности. Заметим, что большая часть эмоциональных состояний Ольги Михайловны так или иначе связана с глаголом *казалось*: «...Но в общем все было непонятно, страшно, и Ольге Михайловне уже **казалось**, что Петр Дмитрич не принадлежит ей на половину» [5; с. 172]. Об этой чеховской оппозиции «казалось-оказалось» впервые написал В.Б. Катаев: «Точнее всего переход чеховского героя к новому видению жизни и новому мироощущению можно обозначить при помощи оппозиции *казалось-оказалось*» [7; с. 21]. В финале рассказа оказывается, что отношения между мужем и женой по-прежнему полны взаимной любви и доверия. Авторское «недоверие к человеческому познанию» анализирует А.Д. Степанов в работе «Проблемы коммуникации у Чехова». Исследователь указывает причины такого недоверия: «... Причины этой неполноты и этого недоверия <...> оказываются не только психологическими (стремление героя превратить информативный дискурс в идеологию), но и семиотическими» [6; с. 64-65]. Именно возможность принять одно за другое, т.е. «семиотические аспекты препятствий, которые всегда стоят перед познанием» и привлекают писателя. Ольга Михайловна принимает шутливую беседу мужа и молодой гостьи за измену, именно поэтому ее прямая речь насыщена экспрессией: « – Он не имеет права! – **бормотала она, стараясь осмыслить свою ревность и свою досаду на мужа.** – Он не имеет никакого права! Я ему сейчас все выскажу!

Она решила сейчас же найти мужа **и высказать ему всё**: гадко, без конца гадко, что он нравится чужим женщинам и добивается этого, как манны небесной; несправедливо и нечестно, что он отдает чужим то, что по праву принадлежит его жене, **прячет от жены свою душу и совесть**, чтобы открывать их первому встречному хорошенькому личику. Что худого сделала ему жена? В чем она провинилась? Наконец, давно уже **надоело его лганье**: он **постоянно рисуется, кокетничает, говорит не то, что думает, и старается казаться не тем, что он есть и кем ему быть должно**. К чему эта ложь? Пристала ли она порядочному человеку? Если он **лжет**, то **оскорбляет** и себя и тех, кому **лжет**, и не уважает того, о чем **лжет**. Неужели ему не понятно, что если он **кокетничает и ломается за судейским столом или, сидя за обедом, трактует о прерогативах власти** только для того, чтобы **насолить дяде**, неужели ему не понятно, что этим самым он **ставит ни в грош и суд, и себя, и всех, кто его слушает и видит?**» [5; с. 173]. Авторская ремарка, объясняющая эмоции героини, содержит глагол *бормотать*, относящийся к глаголам характеризованной речевой деятельности. Семантика рассматриваемого глагола – «Говорить тихо, невнятно, быстро и себе под нос» [8; с. 278] в контексте рассказа приобретает коннотативный оттенок недосказанности, неопределенности: чувство ревности переполняет героиню, фразы не осмысливаются до конца, решение все высказать мужу так и остается неосуществленным.

Анализируя фрагменты других рассказов зрелого периода творчества А.П. Чехова, репрезентирующие семейную коммуникацию («Бабы», «Жена», «Попрыгунья», «Соседи» и др.), можно прийти к выводу о том, что нереализованная речь, оформленная как несобственно-прямая, прямая или косвенная, часто как тематическая речь в авторском повествовании, составляет одну из особенностей актуализации внутреннеречевой ситуации в исследуемых рассказах А.П. Чехова. Например: «**Что сказать ему? – думала она. – Я скажу, что ложь тот же лес: чем дальше в лес, тем труднее выбраться из него. Я скажу: ты увлекся своею**

фальшивую ролью и зашел слишком далеко, ты оскорбил людей, которые были к тебе привязаны и не сделали тебе никакого зла...» [5; с. 173]; «*Петру Михайловичу показалось нелепым, что тетка вмешивается в чужие дела и свой отъезд ставит в зависимость от того, что ушла Зина. Он хотел сказать ей дерзость, но сдержал себя*» [9; с. 57].

Речевое поведение персонажей рассказа «Именины» определяется внеречевой ситуацией: Ольга Михайловна любит мужа и переживает его равнодушие, недоверие, представляя, что она сможет своей предполагаемой речью изменить его поведение. Однако эта внутренняя речь имеет своей целью самоутешение, это иллюзия изменений в отношениях с мужем. Что же мешает ей высказать то, о чем героиня размышляет? Скорее всего, это страх, ей страшно быть непонятой, услышать в ответ отговорки или ложь. Та роль, которую играет Петр Дмитрич по отношению к чужим, усвоена им настолько прочно, что он не может или не хочет выйти из этого театрального представления – жеста, позы – даже тогда, когда общается с близким человеком: «*Встретясь глазами с женой, Петр Дмитрич вдруг придал своему лицу выражение, какое у него было за обедом и в саду, – равнодушное и слегка насмешливое, зевнул и поднялся с места...*» [5; с. 173]. Муж «*старается казаться не тем, кем он есть*», по словам Ольги Михайловны, и именно это состояние – не быть, а казаться, играть роль, значит лгать, более всего вызывает у героини сильные эмоции: неприятие, злобу, ненависть: «*Ольге Михайловне захотелось сказать мужу что-нибудь неприятное, колкое, хотя бы даже упомянуть о приданом, чем жестче, тем, казалось, лучше...*» [5; с. 182-183].

Общение с мужем становится для героини главной проблемой, она спрашивает себя, какую речевую стратегию выбрать в диалоге с близким человеком, и не находит ответа. Ольга Михайловна провоцирует мужа, пытаясь вызвать его искреннюю эмоциональную реакцию, но снова в ответ слышит ложь: «*– Отчего это граф Алексей Петрович не приехал? Как жаль!*

– Я очень рад, что он не приехал, – солгал Петр Дмитрич. – Мне этот юродивый надоел пуце горькой редьки.

– Но ведь ты до обеда ждал его с таким нетерпением!» [5; с. 182-183].

Однако, как справедливо замечают в своей статье, посвященной анализу рассказа в идеологическом ключе, А.Н. Андреев и Т.Л. Кашенко, «ложь мужа порождает и провоцирует ложь жены – и, в конце концов, наши герои запутались. У Чехова за каплей ощутил океан, за отношением мужа и жены – модель всеобщих отношений, модель культурного общения как такового. Ложь космически расширяется. Ольга Михайловна буквально физически страдает от этого, и дело кончилось тем, что любящие супруги из-за пустяковых, надуманных проблем потеряли ребенка» [10; с. 11].

Доминирование в тексте рассказа внутренних монологов и диалогов героини и ее внутренних реплик на речевые действия других персонажей вызвано авторской целью – показать «честную» натуру, которая была бы альтернативой «лживой» природе человека. А.П. Чехов вводит в текст глаголы разных функционально-семантических групп, однако преобладают глаголы и отглагольные существительные со значением интеллектуальной деятельности – *стала думать, воображение, стараясь осмыслить, подумала, думала, мелькнуло в мыслях* и под. Героиня испытывает сильные эмоции, что отражается в глагольных лексемах, вводящих речь, со значением охарактеризованной речевой деятельности – *бормотала, недоумевала, ужаснулась, старалась громче говорить, возмутилась* и под.

Героиня пытается быть честной с самой собой, однако автор и в этой внутренней ситуации, когда «напряжена душа», не дает ей возможности оценить собственную ложь, признаться в ней. Негативные эмоции по отношению к мужу, желание высказать то, что копилось в душе, приводят Ольгу Михайловну к открытому конфликту, который перерастает в скандал. По определению Игоря Сухих, рассматривавшего событие скандала у Достоевского и Чехова, «Скандал – нарушение обыденной, естественной логики, правил хорошего тона, однако, в свою очередь подчиняющееся другим нормам и тем самым становящееся культурным стереотипом и речевым жанром. <...> Когда бытовой скандал становится предметом литературного изображения – темой, эпизодом, мотивом, приобретает сюжетное и композиционное значение, он выявляет и отражает какие-то существенные черты художественного мира» [11; с. 255]. Вероятно, невозможность говорить друг другу правду, нежелание вербализовать душевные страдания, поделиться ими с близким человеком, страх быть непонятым порождают внутренние конфликты, логически перерастающие в скандалы, характерные для персонажей рассказов А.П. Чехова этого периода творчества. Так пронзительно звучат слова героини, обращенные к мужу: «*– Пойми, пойми, – начала Ольга Михайловна.*

– Оля, прошу тебя, успокойся!, – сказал он. – Я не хотел тебя обидеть. Я не ушел бы из спальни, если бы знал, что это на тебя так подействует. Мне просто было тяжело. Говорю тебе как честный человек...

– *Пойми... Ты лгал, я лгала...*» [5; с. 195].

Речь Петра Дмитрича, описанная с точки зрения его жены и представленная в диалогических репликах, до самого финального трагического события содержит авторский комментарий, не раскрывающий эмоционального состояния говорящего. Глагольная лексема *сказал*, повторенная в тексте рассказа более 10 раз, только после конфликта с женой получает оценочную квалификацию, которая свидетельствует об изменениях в отношении мужа к жене: *«протянул к ней руки и сказал умоляюще»*, *«говорил Петр Дмитрич нежно»*. В первой части текста вводятся глаголы со значением речевого воздействия – *«спорил»*, *«не соглашался»* и характеризующие речевое поведение персонажа – *«солгал»*, *«ответил сухо и не сразу»*. Во второй части рассказа, создавая образ героя, писатель использует и другие глагольные лексемы, фиксирующие изменения в эмоциональном состоянии персонажа, в основном относящиеся к характеризующим речевую деятельность – *«прошептал»*, *«пробормотал»*. Однако, как представляется, в начале рассказа «Именины» мы сталкиваемся в речи Петра Дмитрича с той риторичностью, о которой пишет в своей монографии А.Д. Степанов: «... возможен случай, когда риторика настолько въедается в языковую личность», что различение намеренной и ненамеренной риторичности теряет смысл. Последний случай как раз очень характерен для чеховских героев» [6; с. 30]. В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что в первой части текста автор использует в качестве вводных внешнюю речь персонажа глаголы движения и жеста, причем действия героя характеризуются как намеренно театральные, например: *«... придал своему лицу выражение, равнодушиное и слегка насмешливое, зевнул и поднялся с места»*. Кроме того, в тексте нет внутренней речи героя, что может быть косвенным подтверждением его «риторичности», за которой, как впоследствии выясняется, скрывался «милый и мягкий» человек. Вероятно, нужен был инициированный женой скандал, чтобы риторичность сменилась душевностью, чтобы была явлена истинная сущность героя. Справедливо утверждение А.Д. Степанова: «Эффекту лживой речи противопоставляется не эффект правдивой речи, а экстремальная ситуация в самой жизни и те невыразимые словом эмоции, которые она порождает...» [6; с. 119].

Эмоционально насыщенный, но, как представляется, риторически намеренный диалог героини с мужем прерывается ее внутреннеречевой рефлексией на реплики и поведение собеседника: *« – Нет, я тебя отлично понимаю! – продолжала Ольга Михайловна. – Ты меня ненавидишь! Да, да! Ты меня ненавидишь за то, что я богаче тебя! Ты никогда не простишь мне этого и всегда будешь лгать мне! («Бабыя логика!» — опять мелькнуло в ее мыслях.) Сейчас, я знаю, ты смеешься надо мной... Я даже уверена, что ты и женился на мне только затем, чтобы иметь ценз и этих подлых лошадей... О, я несчастная!*

Петр Дмитрич уронил газету и приподнялся. Неожиданное оскорбление ошеломило его. Он детски-беспомощно улыбнулся, растерянно поглядел на жену и, точно защищая себя от ударов, протянул к ней руки и сказал умоляюще:

— Оля! И ожидая, что она скажет еще что-нибудь ужасное, он прижался к спинке дивана, и вся его большая фигура стала казаться такою же беспомощно-детскою, как и улыбка.

— Оля, как ты могла это сказать? — прошептал он.

Ольга Михайловна опомнилась. Она вдруг почувствовала свою безумную любовь к этому человеку, вспомнила, что он ее муж, Петр Дмитрич, без которого она не может прожить ни одного дня и который ее любит тоже безумно. Она зарыдала громко, не своим голосом, схватила себя за голову и побежала назад в спальню» [5; с. 191].

Мысленная реплика Ольги Михайловны – это и есть взгляд на себя со стороны, развенчание высканного, уличение себя во лжи. Что такое «бабыя логика»? Устойчивое сочетание, дважды повторенное в тексте рассказа «Именины», означает критику общепринятого женского взгляда на брачный союз как на неравноправный с точки зрения имущественных отношений, но в то же время смысл этого восклицания связан с иронической коннотацией, причем это самоирония, та правда о себе, которая возвышает героиню, несмотря на сказанную под влиянием эмоций ложь.

Нереализованная речь в финале рассказа характерна и для Петра Дмитрича, который пришел к осознанию того, что произошло, и покаялся в своей лжи. Однако для героя невозможность речи внешней стала следствием эмоциональной реакции на неожиданное негативное событие: *«Он глядел в сторону, шевелил губами и улыбался детски-беспомощно.*

— Всё уже кончилось? — спросила Ольга Михайловна.

Петр Дмитрич хотел что-то ответить, но губы его задрожали, и рот pokrивился старчески, как у беззубого дяди Николая Николаича» [5; с. 197-198]. Отсутствие глаголов со значением «речевая дея-

тельность» в описании психологического состояния Петра Дмитрича в финальном эпизоде рассказа компенсируется репрезентацией деталей, связанных с процессом речи (*шевелил губами и улыбался **детски-беспомощно**, губы его задрожали, рот покривился **старчески***), но семантически имеющих отношение к внутренней перемене, к «открытию души», о котором, как о «наиболее высоких нравственных требований, предъявляемых к человеку», пишет В.В. Дементьев, определяя содержательную, эмоциональную и нравственную кульминацию русской коммуникации [12, с. 9]. С точки зрения русской концептуальной картины мира, ребенок и старик беспомощны перед обстоятельствами, не скрывают свои чувства и всегда способны «открыть душу» ближнему. В уже упоминаемом ранее письме к А.Н. Плещееву сам А.П. Чехов признавался: «...подозрительно в моем рассказе стремление к уравниванию плюсов и минусов» [4; с. 257]. Именно этим стремлением можно объяснить преобладание в первой части рассказа внутренней речи героини, страдающей от равнодушия и лжи мужа, от собственной лжи, отсутствие искренних диалогов в семейной коммуникации и открытый конфликт, выраженный в диалогических фрагментах текста, а также примирение супругов, актуализированное в финале рассказа нереализованной речью героя и авторской констатацией душевного состояния героини – «на душе было пусто». Рассказ А.П. Чехова «Именины» – это прежде всего размышления писателя о духовно-нравственных понятиях, о глубинных противоречиях в сознании человека, отражающихся в том числе и в коммуникации с близкими людьми.

Библиографический список

1. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы. В 2 частях. Ч. 1. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. 212 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. 234 с.
3. Антонов А. И. Социология семьи. М.: Проспект, 2006. 355 с.
4. Чехов А.П. Собр. Соч. в 12 томах. Т. 11. Письма (1877-1892) М., 1963. С. 256-259.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т.7, М., 1978. С. 167–198.
6. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
7. Катаев В.Б. Проза А.П. Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. 327 с.
8. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 576 с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 8., М., 1978. С.54-71.
10. Андреев А.Н., Кашенко Т.Л. Рассказ А.П. Чехова «Именины»: ложь и правда жизни. //Журнал филологических исследований. Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М» (Москва) Том: 4, № 2, 2019. С.10–12.
11. Сухих И. Два скандала: Достоевский и Чехов // Семиотика скандала. Сборник статей. Редактор-составитель Нора Букс. Москва. Издательство «Европа», 2008. С.254–260.
12. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и грамматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

References

1. Popova E.A. The Communicative Aspects of Traditional Narration in the Russian Classical Literature. In two parts. Part. 1. Lipetsk: LGPU publishing, 2007. P. 212.
2. Bahtin M.M. The Problems of Dostoyevsky's Poetics. Moscow, 1963. P. 234.
3. Antonov A.I. The Sociology of a Family. - Moscow: Prospect, 2006. P. 355.
4. Chekhov A.P. Collected Works in 12 volumes. Volume 11, Letters (1877-1892) Moscow, 1963. P. 256-259.
5. Chekhov A.P. Complete Set of Works and Letters in 30 Volumes: Volume7, Moscow, 1978. P. 167–198.
6. Stepanov A.D. The Problems of Communication in Chekhov's Works. Moscow: The Languages of Slavonic Culture, 2005. P. 400.
7. Katayev V.B. The Prose of Anton Chekhov: the Problems of Interpretation. Moscow, 1979. P. 327.
8. Babenko L.G. The Big Dictionary of Russian Verbs. Ideographic Description. Synonyms. English Equivalents. Edited by Professor L.G. Babenko. Moscow: AST PRESS BOOK. P. 576.
9. Chekhov A.P. Complete Set of Works and Letters in 30 Volumes: Volume 8, Moscow, 1978. P. 54-71.
10. Andreyev A.N., Kaschenko T.L. Anton Chekhov's "The Name Day" Short Story: the Lie and the Truth of Life. The magazine of philological research. //Журнал филологических исследований. "Science and Publishing Center INFRA-M" LLC (Moscow) Volume: 4, № 2, 2019. P. 10–12.
11. Sukhih I. Two Scandals: Dostoyevsky and Chekhov // The Semiotics of Scandal, collection of articles. Edited and compiled by Nora Books. Moscow. "Europe" Publishing, 2008. P. 254–260.
12. Dementyev V.V. The Communicative Values of Russian Culture: the Category of Personality in Vocabulary and Grammar. Moscow: Global Com, 2013. P. 336.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.97.21.011

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Ковыршина О.А.
Россия, г. Липецк, тел. 89066825398
e-mail: kovirshinaolga@gmail.com*

*Lipetsk State Pedagogical University named
by P.P. Semenov-Tyan-Shansky
Department of the Russian Language and Literature,
PhD in Philology, Assistant Professor
Kovyrshina O.A.
Russia, Lipetsk, 89066825398
e-mail: kovirshinaolga@gmail.com*

О.А. Ковыршина

«ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ» АНРИ БЕРГСОНА В ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА

М.М. Пришвин вошел в историю русской литературы XX века как талантливый писатель и оригинальный мыслитель. Создавая свои произведения, он опирался на традиции русской культуры и проявлял неподдельный интерес к открытиям западной и отечественной философии, объединял поэзию и науку. Изучение мировоззренческих основ художественного мира писателя – перспективное направление современного пришвиноведения. Анализ дневниковой прозы М.М. Пришвина убеждает в том, что писатель творчески переосмысливает идеи «философии жизни» и принимает учение Анри Бергсона об интуиции как способе познания мира, о времени как длительности, о творческой эволюции. Следуя теории Бергсона, Пришвин смотрит на жизнь как на метафизически-космический процесс, неукротимый поток творческого формирования в планетарном масштабе, а время воспринимает как функцию развития. Картина пришвинского мира не статична, а напряженно динамична, подвижна. Мир пребывает в непрестанном развитии, изменении и обновлении. Вечное и бесконечное движение жизни не укладывается в традиционные пространственно-временные рамки. Реальность не поддается никакой формализации, а значит, описать ее в терминах математического времени невозможно. М.М. Пришвину оказывается близка идея А. Бергсона о длительности – потоке самой жизни, вбирающем прошлое, настоящее и будущее. Человек в силах уловить незавершенную текучесть времени. Достигается это благодаря интуиции – особого рода духовному напряжению. Для М.М. Пришвина интуиция становится способом постижения целостности мироздания и времени. Чтобы получить власть над жизнью и «овладеть» временем, нужно отдалиться от его течения, включиться в общий поток. А. Бергсону свойственно психологическое понимание времени. М.М. Пришвина также интересует не просто объективное течение времени, а его субъективная значимость для человека. По своему внутреннему содержанию наиболее богатым и значимым является психологическое движение в глубине личности.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, А. Бергсон, «философия жизни», интеллект, интуиция, творчество.

O.A. Kovyrshina

«PHILOSOPHY OF LIFE» BY HENRI BERGSON IN THE DIARY PROSE OF MIKHAIL PRISHVIN

M.M. Prishvin entered the history of Russian literature of the XXth century as a talented writer and an original thinker. Creating his works, he relied on the traditions of Russian culture and showed genuine interest in the discoveries of Western and domestic philosophy, combined poetry and science. The study of the ideological foundations of the writer's artistic world is a promising direction of modern linguistics. The analysis of Prishvin's diary prose gives an idea that the writer creatively rethinks the ideas of the «philosophy of life» and accepts Henri Bergson's theory about intuition as a way of studying the world, about time as duration, about creative evolution. Following this theory, Prishvin looks at life as a metaphysical-cosmic process, an indomitable flow of creative formation on a planetary scale, and perceives time as a function of development. The writer is convinced that a person only reaches the fullness of existence in the world when he realizes himself as being included in the continuous flow of time. This realization is achieved through intuition – a special kind of spiritual tension. For Prishvin, intuition becomes a way of comprehending the integrity of the universe and time. To gain power over life, you need to feel the movement of time, merge with it.

The picture of Prishvin's world is not static, but intensely dynamic, mobile. The world is in constant development, change and renewal. The eternal and endless movement of life does not fit into the traditional space-time frame-

work. Reality does not lend itself to any formalization, which means it is impossible to describe it in terms of mathematical time. M.M. Prishvin finds himself close to A. Bergson's idea of duration – the flow of life itself, absorbing the past, present and future. A person is able to grasp the incomplete fluidity of time. This is achieved through intuition – a special kind of spiritual tension. For M.M. Prishvin, intuition becomes a way of comprehending the integrity of the universe and time. To gain power over life and «master» time, you need to surrender to its flow, join the general flow. A. Bergson is characterized by psychological understanding of time. M.M. Prishvin is also interested not just in the objective flow of time, but its subjective significance for a person. In its inner content, the richest and most significant is the psychological movement in the depth of the personality.

Keywords: M.M. Prishvin, A. Bergson, «philosophy of life», intelligence, intuition, creativity.

Начало нового столетия ознаменовалось «открытием» М.М. Пришвина как оригинального философа и мыслителя. С большим основанием можно утверждать, что традицию изучения творчества писателя в контексте отечественной и европейской философии заложил советский литературовед В.В. Агеносов в работе «Творчество М.М. Пришвина и советский философский роман» (1988) [1], а продолжили ее Т.Я. Гринфельд-Зингурс, Н.П. Дворцова, З.Я. Холодова, С.Г. Семенова и представители елецкой школы пришвиноведения. Так, в 2001 году увидела свет монография Н.В. Борисовой «Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина» [2], отдельная глава которой была посвящена рассмотрению философских основ художественного мира писателя. Скрупулезную работу проделал другой елецкий ученый, А.М. Подоксенов [3], изучив разные аспекты связи М.М. Пришвина с представителями отечественной и зарубежной философской мысли: от восприятия или, наоборот, отрицания философско-эстетических и этических взглядов того или иного мыслителя до их художественного освоения.

Тема «М.М. Пришвин и философия» справедливо производит впечатление неисчерпаемой. Исследователи установили, что в разные периоды жизни на творческое поведение русского писателя оказали влияние такие разнородные философские учения, как марксизм, неокантианство, прагматизм Уильяма Джемса, философия «общего дела» Николая Федорова, религиозная мысль Вл. Соловьева. М.М. Пришвин, которому всегда импонировала позиция здравого смысла, был противником философских спекуляций и отвлеченных умозаключений, однако писатель никогда не оставался равнодушен к идеям, стимулировавшим работу его художественной мысли.

Непреходящий интерес М.М. Пришвина к философии был обусловлен не только складом характера и особенностями мироощущения художника, всегда стремившегося постичь сущность каждого явления, рефлексировавшего над загадками бытия, но и историко-культурной, политико-идеологической ситуацией, общей атмосферой эпохи. На рубеже веков рационалистическая культура уходила в прошлое, позитивизм XIX века постепенно сдавал свои позиции, будучи не в силах предотвратить усугубляющийся духовно-нравственный кризис, охвативший разные слои как русского, так и европейского общества. В этой ситуации интерес писателя к «философии жизни», или интуитивизму, можно объяснить стремлением найти новую точку опоры в мире, утратившем традиционные ценностные ориентиры.

В творчестве Анри Бергсона и Уильяма Джемса М.М. Пришвин увидел близкий ему тип художественного и философского мировоззрения. Неслучайно в дневнике Михаила Михайловича Пришвина от 1920 года мы находим следующую запись: «Чтение Бергсона и Джемса. “Невидимый град” – научные открытия путем интуиции» [4; с. 59]. Писатель имеет в виду свой очерк 1909 года «У стен града невидимого (Светлое озеро)», отмечая, что в познании мира он идет тем же путем, что и упомянутые философы. Позже М.М. Пришвин выскажется еще точнее, условно поделив свою жизнь на два этапа. На первом из них он будет занят наукой и увлечен марксизмом. На втором – придет к искусству, и тогда Маркс постепенно станет писателю «чужим и родными философы-интуитивисты» [5; с. 32]. Временная дистанция позволила Михаилу Михайловичу осмыслить свою биографию как движение от рационального марксизма к психологическому восприятию жизни.

На протяжении долгого времени М.М. Пришвин находился под обаянием идей одного из ведущих представителей философии интуитивизма – Анри Бергсона. Об этом свидетельствуют дневники писателя 1919–1930 годов и художественные произведения, дающие представление о философских взглядах М.М. Пришвина и ценностных ориентирах его творчества. Интеллектуальный опыт прочтения «Творческой эволюции» А. Бергсона и опыт интерпретации свидетельствуют о глубоком понимании писателем идей, высказанных философом, и о серьезном влиянии на его творческое поведение.

Оба мыслителя приходят к пониманию интуиции как особого рода знания, превосходящего остальные. Рассуждая о роли интеллекта, инстинкта и интуиции в процессе восприятия и познания реальности, французский философ подчеркивает, что первый в основе своей не предназначен для открытия сути жизни:

«мысль – только проявление, один из видов жизни, – как же она может охватить жизнь?» [6; с. 33] Анри Бергсон считает, что разумное начало никогда полностью не обособляется от инстинктивного. Устремляясь к инстинкту, разум становится интуицией. Поэтому интуиция – это «инстинкт, ставший бескорыстным, осознающим самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно» [6; с. 185]. М.М. Пришвин называет «инстинктивный разум» А. Бергсона «умеренным разумом», видя в нем возможность сохранить разум в пламени чувств и одновременно беспрепятственно отдаться эмоциям. Интуиция непосредственна, как инстинкт, и сознательна, как разум.

Разум, утверждает французский философ, вращается вокруг объекта и формирует множество точек зрения на него, но не способен войти внутрь, в отличие от интуиции, которая действует изнутри жизни. Задача интеллекта – дробить и анализировать реальность. Интуиция выбирает путь симпатии, внедряясь в интимную сущность вещей. М.М. Пришвин, как и А. Бергсон, полагает, что рациональные способы познания, автоматизм мышления ограничивают наш горизонт. Узкому специалисту, считает писатель, никогда не приблизиться к глубокому и всестороннему постижению жизни. Современный ученый зачастую мыслит штампами, ограничиваясь сознательным повторением затверженных формулировок. Результат этого – утрата любознательности и восприятие «каждого невиданного явления не как единственного, неповторимого, а как законного» [5; с. 115], готовность довольствоваться только выяснением причины явления. М.М. Пришвин противопоставляет рациональным методам интуитивные, лишенные привычек, стереотипов и помогающие проникнуть в действительность и суть предметов.

На страницах дневника М.М. Пришвин однажды остроумно заметил, что ему близко и понятно учение французского философа потому, что тот «занимается не сходствами (количеством, плоскостью), а отличиями (глубиной, качеством)» [4; с. 132]. Рациональное восприятие, по М.М. Пришвину, приводит к схематизации жизни, унифицирует стремительный поток бытия. Интуитивное прозрение, наоборот, позволяет количественное восприятие времени жизни перевести в качественное, и это дает возможность ощутить личность предмета, явления или события. Чувственное познание окружающей действительности, субъективная встреча с ее живыми явлениями «окрашивает мир в единственные, неповторимые краски, и так создается не причинность, а качественность мира, порождающая не штамп, а личность» [5; с. 115]. В духе философии интуитивизма М.М. Пришвин рассматривает вопросы гносеологии и психологии, учитывая реакцию сознания на внешнюю реальность.

В дневнике 1920 года М.М. Пришвин, рассуждая о процессе научного творчества, скажет, что с точки зрения психологии он сводится к детскому вопрошанию «почему?» и поиску логических причинно-следственных связей между предметами и явлениями мира, заканчивающемуся утверждением «потому что». Анри Бергсон утверждает, что жизнь не поддается никакой формализации и не укладывается в рамки застывших, рассудочных определений. С ним солидарен и М.М. Пришвин, видя в попытках рационально объяснить реальность ее умерщвление: «Закон причинности и результат его: земля застынет» [4; с. 84]. Интеллект ученых писатель противопоставляет интуиции обычных людей, которые отдаются потоку жизни, не рассуждая и не анализируя. Просто существуя во времени и пространстве, реализуя свою жизненную программу, они воспринимают вещи и явления такими, какие они есть, доверяя своему инстинкту и здравому смыслу. По способу мироощущения к таким людям близки художники, потому что выбрали не аналитическое, раскладывающее живое целое на разрозненные элементы творчество науки, а художественное творчество, синтетическое, соединяющее. Практика жизни, а не отвлеченное теоретизирование дарит человеку бесчисленные открытия. Для писателя очевидно различие между эмпирическим, логическим и интуитивным познанием мира, между творчеством и наукой.

М.М. Пришвин, размышляя о потенциале творческой личности, будет думать о таких ее составляющих, как разум, образное мышление и восприятие, интуиция, рационализм, и сформулирует следующий вывод: «Как мистический интуитивизм, так и рационализм должны быть преодолены чем-то третьим, интуиция и разум должны сойтись в одно [7; с. 577]. В своем творчестве писатель эти составляющие всегда стремится объединить и, признавая высокую ценность интуиции, ставит ее на одну ступень с талантом. Следовательно, творческая сущность человека оказывается связанной с его иррациональным началом – интуицией.

Согласно Анри Бергсону, творчество есть способ самореализации, который органически, имманентно присущ человеку от рождения. Личность создается посредством накопления опыта и непрерывно изменяется, развивается, зреет: «Мы являемся творцами своей жизни. Каждый её момент представляет именно творчество. Каждое из наших состояний, создаваясь нами, изменяет нашу личность. Мы непрерывно создаём самих себя» [6; с. 43]. Творчество воплощает индивидуальную свободу человека, который действует в соответствии с осознанными целями и смыслами своего существования.

В дневнике М.М. Пришвин также оперирует понятиями «творчество» и «индивидуальность», в духе А. Бергсона ставя на первое место творчество и творческую личность, возвышая их над интересами общества и рода: «Качество мира создается индивидуальностью, а индивидуальность варится жизнью рода, а именно в сердце женщины избирающей: пусть родовые оковы заключают двух и пусть привычка еще крепче железа их связывает, все равно, там и тут прорывается тот подземный огонь избрания, выбора, свободы творчества индивидуальности» [4; с. 137].

Именно интуиция, а не интеллект подготавливает восприятие и переживание человеком собственной личности. Анри Бергсон рассуждает о той реальности, которую каждый из нас познает «изнутри»: «Это наша собственная личность в её истечении во времени. Это наше длящееся Я. Мы можем не переживать интеллектуально чужой вещи, но своё собственное Я мы непременно переживаем» [6; с. 232]. Сознание, безусловно, формируется в практической деятельности индивида, но только рациональным началом оно не исчерпывается. Подобное представление о механизме функционирования сознания присутствует и у М.М. Пришвина. На страницах дневника 1920 года писатель комментирует идеи французского философа, которые его особенно взволновали. Так, по мысли М.М. Пришвина, существование человека подразумевает процесс непрерывного изменения в своих внутренних состояниях. Психологическая жизнь никогда не прекращается: «Прерывность получается, потому что наше внимание схватывает лишь наиболее освещённые точки всего нашего состояния и так разделяет на отдельные состояния...» [4; с. 213]. М.М. Пришвин и А. Бергсон понимают сознание как процесс, изменение, непрерывное во времени, разрывающее границы и объединяющее прошлое и настоящее. Жизнь сознания невозможно разложить на дискретные состояния: единство в становлении и есть «я». В работе «Материя и память» французский философ описывает реальность как неделимую движущуюся непрерывность, постигаемую интуитивно, непосредственным опытом. «Чистое восприятие» (по Бергсону) первично, над ним надстраивается наш интеллект с его практически и социально обусловленными операциями. Дневниковая запись М.М. Пришвина от 18 января 1919 года корреспондирует с точкой зрения А. Бергсона: «Гораздо важнее *увидеть* жизнь, чем *изменить* ее, потому что она сама изменяется с того мгновенья, как мы ее увидели» [8; с. 226].

В дневниковой миниатюре писатель фиксирует момент, когда, преодолев диктат интеллекта, сознание высвобождается и в нем с особой силой проявляется внеинтеллектуальное, интуитивное начало, связанное с длительностью, подлинным временем, самой тканью жизни: «След души моей в заутренний час: тогда все вопросы ума находят в сердце ясный ответ, что бы ни спросилось, на все верно отвечается, будто это не сам с собой, а звезда с звездой говорит, прошлое и будущее сходятся на одном следу и разрешается сказать: да будет воля *моя!* (а после день и мутная ночь, в которой затоптаны все следы души моей)» [4; с. 105]. Такое сознание охватывает все, и теперь не существует границ между реальным и вымышленным, внешним миром и внутренним, прошлым и настоящим. Проблемы бытия разрешаются не усилием сознания и воли, а интуитивным прозрением.

Анри Бергсон вводит в философский обиход понятие «длительность». Идея психологического времени – длениия – оказалась созвучна мыслям М.М. Пришвина. Дневниковая запись от 1 октября 1921 года, близкая по стилистике и образному ряду к жанру философской миниатюры, иллюстрирует основные положения бергсоновской теории времени-«длительности»: «Вчера небо просветлилось и голубое обнимало золотые осенние леса. И тихо, только синичка пищит, и кажется, от нее пахнет ароматом тлеющих листьев. В тишине пролетает, свистя крылом, над золотым лесом черный ворон,

– Ворон! сколько ты жил, 100, или 200, или 300 лет? И как тебе это время прошло? Так ли, как мне теперь проходит время, иногда минута за год, а год кажется минутой, как в тюрьме. Видел основание Петербурга? Или жил тут около усадьбы, дожидаясь, когда упадет скотина в имении, и хозяйствовал над падалью вместе с волками, и все время так прошло, как мгновение...» [4; с. 211].

Идея незавершенной текучести времени входит в сознание писателя. Человек живет в настоящем, памятуя о прошлом и предчувствуя будущее, то есть существует в потоке времени-длительности. В сознании мгновение может длиться вечно – количественная неразличимость моментов ему чужда. М.М. Пришвин признает, что ему доводилось переживать мгновения, которые казались бесконечными, а иные периоды пролетали незаметно для самого писателя. Так и у каждого человека складывается свое ощущение пребывания в жизни. Память-привычка, характеризующаяся способностью оперировать фактами, для творческой личности непродуктивна. И наоборот, спонтанная память дарит целую гамму ощущений. Это память переживания, когда человек волен мысленно двигаться взад-вперед в субъективном времени, которое А. Бергсон называет длительностью. Русского писателя и французского философа объединяет склонность к самонаблюдению, рефлексии, что находит отражение в их произведениях. Как мир пребывает

в непрестанном движении, развитии, обновлении, так и человеческая жизнь есть непрерывная изменчивость сознания. М.М. Пришвин в своих дневниках не только анализирует действительность, но и дает художественное описание психических состояний.

Анри Бергсон – уникальная фигура в научном мире, человек, которому удалось произвести переворот в сознании своих современников, предложив им новую концепцию существования как изменения во времени, идею, сопряженную с представлением о длительности – свободном, творческом движении жизни. В сочинении «Творческая эволюция» (1907) философ, отталкиваясь от эволюционистской теории Ч. Дарвина и Г. Спенсера, разрабатывает идею космологического эволюционизма. Он уподобляет жизнь стремительному потоку: постепенно сотворив тела и придав им форму, она разделила индивиды на роды и виды, воплотившись в них. Анри Бергсон оперирует понятием «жизненный порыв», наделяя его сущностными характеристиками «свободный» и «необратимый».

Из «философии жизни» унаследовал М.М. Пришвин представление о «творческом порыве» – возможности и способности развиваться, преодолевать любые препятствия, воплощая свободу и творчество. Творческий порыв и эволюция становятся залогом существования мира. М.М. Пришвин, разделяя мысль А. Бергсона, продолжает: «Что же касается эволюции, то есть преобразования во времени, то есть движение всех частей к воссоединению и возрождению» [9; с. 525]. Жизненный порыв, будучи целостным органическим процессом, охватывает весь мир, в том числе и человека. В дневниках М.М. Пришвина 1920–1924 годов идет напряженное переосмысление интуитивизма. Это философское учение импонирует писателю еще и тем, что трактует понятие жизни как некоей органической целостности, первозданной реальности. М.М. Пришвин в это время поставлен в обстоятельства, когда жизнь остается единственной реальностью. В новой России утрачена свобода личности, но есть радость жизни и понимание ее абсолютной ценности. В дневнике писателя зафиксировано представление о жизни как о череде утрат и возрождений. Так, утро М.М. Пришвин воспринимает как рождение дня, а в свете видит начало весны. Приобщение к метафизическим глубинам бытия происходит у писателя на уровне эмоций, связанных с понятиями жизни и природы: «С природой возвращаются в жизнь краски и свет» [4; с. 96].

Таким образом, дневниковые записи М.М. Пришвина отсылают нас к комплексу представлений, выработанных французским философом-интуитивистом Анри Бергсоном. Этот философско-мировоззренческий диалог стал для писателя чрезвычайно продуктивным и получил продолжение в его художественной прозе.

Библиографический список

1. Агеносов В.В. Творчество М. Пришвина и советский философский роман. М.: Изд-во «Прометей», 1988. 126 с.
2. Борисова Н.В. Жизнь мифа в творчестве М.М. Пришвина. Монография. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 316 с.
3. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. Монография. Белгород: БелГУ, Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. 348 с.
4. Пришвин М. Дневники 1920–1922. Книга третья. М.: Московский рабочий, 1995. 337 с.
5. Пришвин М. Дневники. 1923–1925. Книга четвертая. М.: Русская книга, 1999. 560 с.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Терра – Книжный клуб; КАНОН – пресс – Ц, 2001. 384 с.
7. Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. СПб.: Росток, 2006. 705 с.
8. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
9. Пришвин М.М. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 8. 759 с.

References

1. Agenosov V.V. Creativity M. Prishvin and the Soviet philosophical novel. M.: Prometheus Publishing House, 1988. 126 p.
2. Borisova N.V. The life of a myth in the work of M.M. Prishvin. Monograph. Yelets: Bunin Yelets State University, 2001. 316 p.
3. Podoksenov A.M. Mikhail Prishvin: philosophical and ideological contexts of creativity. Monograph. Belgorod: BelGU, Yelets: YSU im. I.A. Bunina, 2009. 348 p.
4. Prishvin M. Diaries 1920–1922. Book three. M.: Moskovsky Rabochiy, 1995. 337 p.
5. Prishvin M. Diaries. 1923–1925. Fourth book. M.: Russian Book, 1999. 560 p.
6. Bergson A. Creative evolution. Moscow: Terra – Book Club; CANON – press – C, 2001. 384 p.
7. Prishvin M.M. Diaries. 1930–1931. St. Petersburg: Rostock, 2006. 705 p.
8. Prishvin M.M. Diaries. 1918–1919. Book two. M.: Moskovsky Rabochiy, 1994. 383 p.
9. Prishvin M.M. Collected works: in 8 vols. M.: Fiction, 1986. T. 8. 759 p.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.74.67.012

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
ассистент Института образования и гуманитарных наук
Серганова Д.А.
Россия, г. Калининград
тел. +7(4012)21-77-81
e-mail: serganova-dasha@mail.ru*

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
Assistant at the Institute of Education and the Humanities
Serganova D.A.
Russia, Kaliningrad
tel. +7 (4012) 21-77-81
e-mail: serganova-dasha@mail.ru*

Д.А. Серганова

ПОБУДИТЕЛЬНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ XI – XIII ВЕКОВ

В статье в рамках диахронического подхода к рассмотрению языковых фактов проводится функционально-семантический анализ авторской модальности на примере текстов древнерусских публицистических памятников XI-XIII веков, относящихся к жанру древнерусской ораторской прозы. Новизна работы определяется комплексным подходом к исследованию семантической категории побудительности как главного структурно-семантического компонента авторской модальности в рассматриваемых памятниках. Выявляются план содержания и план выражения категории побудительности. Устанавливаются способы создания авторами анализируемых древнерусских текстов модальной ситуации побуждения. Проводится сравнительная характеристика средств выражения категории побудительности, используемых авторами произведений различной временной принадлежности, и устанавливается степень их коммуникативно-воздействующей эффективности. Прослеживаются эволюционные особенности в функционировании рассматриваемой категории, делается вывод о причинах соответствующих эволюционных изменений в авторской модальности как текстообразующей категории и ее роли в установлении личности автора конкретного произведения.

Ключевые слова: модальность, авторская модальность, побудительность, древнерусский язык, памятники древнерусской письменности, древнерусские жанры, ораторская проза

D.A. Serganova

THE CATEGORY «INCENTIVE» AS A FUNDAMENTAL COMPONENT OF THE AUTHOR'S MODALITY IN THE OLD RUSSIAN ORATORICAL PROSE OF THE XI-XIII CENTURIES

A functional-semantic analysis of the author's modality in the texts of Old Russian oratorical prose of the 11th-13th centuries is carried out within the framework of a diachronic approach to the consideration of linguistic facts in this article. The novelty of the work is determined by an integrated approach to the study of the semantic category of incentive as the main structural and semantic component of the author's modality in the monuments under consideration. The article reveals the plan of the content and the plan of expression category of the incentive. The methods of creating a modal situation of motivation by the authors of the analyzed Old Russian texts are established, a comparative characteristic of the means of expressing the categories of incentive used by the authors of different temporary works is given, and the degree of their communicative and influencing effectiveness is established. The article explains the evolutionary features of the functioning of the category under consideration, concludes about the causes of the corresponding evolutionary changes in the author's modality as a text-forming category and its role in establishing the identity of the author of a particular work.

Keywords: modality, author's modality, incentive, Old Russian language, the Old Russian literary works, the Old Russian genres, oratorical prose

Функциональный подход к изучению языковых явлений и процессов, прочно утвердившийся в современном языкознании, вполне закономерно отразился и на исследовании универсальной семантической категории модальности, основной акцент в изучении которой «переместился с отдельного предложения (высказывания) к целостному (связному) тексту, к восприятию модальности как тексто-

вой и текстообразующей категории...» [1, с. 7], обусловив, в свою очередь, особый интерес к так называемой авторской модальности [2].

Одним из актуальных направлений в исследовании данной категории является изучение ее в диахроническом аспекте, поскольку оно позволяет проследить эволюционные особенности ее плана содержания и плана выражения в органическом единстве с образом автора. Такой вектор научной мысли заставляет переоценить устоявшееся мнение о том, что создатели древнерусских текстов – только скрипторы, посредники между читателями и высшей, божественной инстанцией. Изучение авторской модальности в древнерусских памятниках доказывает, что авторы указанного периода находят способы и средства для выражения себя в тексте, несмотря на то, что долгое время (до XIV века) «творчество осмысливается как Божественный акт», а «творение не признается как результат волевого усилия писателя» [3, с. 49].

Обращаясь к диахроническому аспекту исследования авторской модальности, важно уточнить особенность древнерусских текстов, которую отмечают многие исследователи, – массив дошедших до наших дней памятников древнерусской письменности имеет ярко выраженный характер публицистичности [4]; [5]; [6]; [7]; [8], поскольку древнерусские тексты создавались, «когда зарождалась русская государственность, происходил переход от язычества к христианству, шло формирование общенациональной культуры и языка, и национального самосознания. Эти процессы и вызвали к жизни публицистическую мысль древнерусских книжников <...>» [9, с. 193]. Данное свойство древнерусских текстов чрезвычайно важно для анализа авторской модальности, так как «в публицистическом произведении выражение "авторства" является принципиально важным для писателя, поскольку его цель — открыто донести до читателя свои мысли, представления и оценки» [10, с. 20].

С этой точки зрения, очевидно, что наиболее полно авторское волеизъявление осуществляется в древнерусских текстах, относящихся к жанру так называемой ораторской прозы (термин И. П. Еремина) [11], и авторская модальность в них весьма ярко эксплицируется средствами побудительной модальности. Таким образом, следует признать, что категория авторской модальности в древнерусских текстах жанра ораторской прозы формировалась с помощью средств побудительности, поскольку именно эта категория предполагает максимальное выражение авторского «я» в тексте, и чтобы побудить адресата к действию, адресант должен быть убедителен, искать наиболее оптимальные формы выражения побуждения, соответственно проявлять себя в тексте как личность, как творец.

Исследователи побудительной модальности в памятниках древнерусской письменности отмечают, что «доминирующее положение при выражении данной категории занимает императив» [12, с. 39]. Проведенный нами анализ памятников, относящихся к жанру ораторской прозы XI – XIII вв., также позволяет убедиться в ведущей роли повелительного наклонения как средства выражения авторской модальности. При этом ситуация побуждения создается при помощи глагольных форм данного наклонения, реализующихся в рамках простых и сложных предложений как в ранних (XI в.), так и поздних (XIII в.) произведениях исследуемого жанра. Ср. «Послание о вере латинской» Феодосия Печерского (XI в.): «Ты же, чадо, *блюдися* кривовѣрныхъ и вѣхъ ихъ дѣлесь» [13, с. 17]; «Аще ли видиши нага, ли голодна, ли зимою, ли бѣдою одържима, аще ти будеть ли жидовнъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли от поганыхъ, – всякого *помилуй* и от бѣды *избави*, якоже можеши, и мзды от Бога не погрѣшеши» [там же] и «Поучение преподобного Серапиона Серапиона Владимирского (XIII в.): «Се слышаще, *оубойтесе*, *въстрепещите*, *престаните* от зла, *сворите* добро» [14, с. 376]; «<...> еже тѣло чисто зблости, а не осквернено будеть блюдомо, аще ли оскверниши, то *очисти* е покаяниемъ...» [14, с. 378].

Приведенные примеры, на первый взгляд, не имеют существенных различий в риторике авторов произведений XI в. и XIII в., однако сравнительный анализ памятников различной временной принадлежности показал, что в более поздних древнерусских произведениях рассматриваемого жанра авторские интенции получают более отчетливое выражение.

Эволюция авторской модальности через использование средств побудительности проходила в двух направлениях. Первое направление касалось изменения формы выражения «авторского я» через ситуацию побуждения. Известно, что побуждение к действию в памятниках древнерусской письменности существует в следующих формах: совет/рекомендация, предложение, просьба, мольба, распоряжение, предупреждение, приказ, заповедь, призыв, угроза, которые распределяются по трем семантическим зонам: нейтральной, смягченной и категорической [12]. При этом достаточно длительное время над создателем древнерусского текста довлело понятие «литературного этикета», что не позволяло автору перейти от нейтрального тона к категорическому. Однако более поздние тексты древнерусского периода демонстрируют переход к формам побудительности именно категорической семантической зоны. Соответственно, через факт смены семанти-

ческой зоны фиксируется перелом в сознании древнерусского автора, его желание проявить себя в качестве «творца» текста, тем более что форма совета/ рекомендации дает меньше возможности выразить себя в тексте, чем, например, форма призыва.

Второе направление развития категории авторской модальности через компонент побудительности связано с тем, что древнерусский автор с течением времени расширяет не только формы побудительности, но и включает в свои тексты ситуации побуждения к действию, созданные при помощи лексических и синтаксических средств.

Можно полагать, что указанные процессы протекали параллельно, где расширение форм побудительности влияло на поиск новых средств, находящихся не только на уровне морфологии, но и на лексическом и синтаксическом уровнях языка. По этой причине необходимо исследовать и фиксировать не только то, как в древнерусских памятниках появлялись новые языковые средства, создающие/ усиливающие ситуацию побуждения, но и как автор выбирал форму его выражения.

Тексты древнерусской письменности XI века жанра ораторской прозы отличаются тем, что в них наиболее часто используется нейтральный тип семантической зоны побудительности, преимущественно в форме совета/ рекомендации. Например, именно эта форма преобладает в «Послании о вере латинской» Феодосия: «Ты же, чадо, такихъ дѣяний блюдиши, ни присвоиши к нимъ, нѣ бѣгаи от нихъ, якоже можеша, и свою вѣру едину непрѣстанно хвали, подвигаяся въ ней добрыми дѣлы» [13, с. 17], – и в Послании Иоанна «К архиепископу римскому...»: «Аще хоцещи, напиши к нашему святому патриарху Костянтина града» [15, с. 35]. Оба автора – представители одного столетия, которые позволяют себе использовать категорический тип семантической зоны побудительности в исключительных случаях, касающихся вопросов веры. Ср.: единственный случай употребления формы призыва в Послании Феодосия: «Чадо, аще ти ся лучить по вѣрѣ сеи святѣи Господа ради умерети. то с дерзновеньемъ не останися правыя сея вѣры, нѣ умри за Христову вѣру» [13, с. 17]; также в Послании Иоанна – единичные случаи использования форм предупреждения: «Ибо аще си тако суть, якоже слышакомъ, о священныхъ папо, со испытаниемъ се вѣжъ и извѣсто ти буди, яко преступаются вами правила святыхъ апостолъ и еще святыхъ и все леныя сборъ, в нихже были древнии ваши патриарси, согласно рекоша вси» [15, с. 32]; заповеди: «Придемъ же къ правилу, имущему вину сию, и слушати со вниманиемъ правило святыхъ апостолъ 64 о суботѣ: “Аще кто обрящется церковникъ в нѣделный день или в суботный постыся, развѣ единая токмо великия суботы, да извержется, аще ли от людий будетъ, да отлучится церкви”» [15, с. 32].

На фоне посланий Феодосия и Иоанна выделяется памятник конца XI в. – Поучение Владимира Мономаха, в котором ярко выражено авторское начало через ситуацию побуждения. Несмотря на то, что и Владимир Мономах чаще всего использует форму совета/ рекомендации в своем тексте [16], нельзя не отметить, как расширяется набор форм побудительности в тексте Поучения. Появляются формы смягченной семантической зоны, такие, как просьба: «Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочеть ...» [17, с. 408]; мольба: «Изми мѧ от врагъ моихъ, Боже, и от встающихъ на мѧ отъими мѧ. Избави мѧ от творящихъ безаконье, и от мужа крови спаси мѧ; яко се уловиша душу мою» [17, с. 394]. Встречаются и формы категорической семантической зоны – призыв: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повѣлѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакъ яже хрестьяны» [17, с. 398]; угроза: «Да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ» [17].

Середина XII в. представлена «Посланием Фоме Пресвитеру» Климента Смолятича, а также текстами епископа Кирилла Туровского – «Послание некоего старца к блаженному в Боге архимандриту Василию о схиме», «Слово на Вербное воскресение» и «Слово о расслабленном». И хотя форма совета/ рекомендации по-прежнему является наиболее частотной у обоих авторов, становится очевидным, что с момента появления «Поучения Владимира Мономаха» авторы стараются в своих текстах отойти от нейтральной семантической зоны. И Смолятич, и Туровский используют разнообразные формы побуждения. Так, в их текстах мы находим следующие формы:

– просьбы: «Ты же, любимиче, не тяжьско мни мною восписаною ти хартиєю» [18, с. 124]; «О всемъ же семь, мои милыи господине и благодетелю, не прогнѣвайся, ни возненавиди мене, не от ума, но от безумия сѧ написавшу, но, раздравъ, поверзи» [19, с. 168];

– призыва: «Торчи въ блаженному Солоному, рекушу въ притчахъ» [18, с. 125]; «Поидемъ с идущимъ на страсть волную, възмемъ крестъ свой претерпѣниемъ всякая обиды, распнѣмъся браньми к грѣху, умертвимъ похоти телесныя, възкликнемъ: “Осана въ вышнихъ! Благословенъ еси пришедый на муку волную, еюже ада попра и смѣръ побѣди!”» [20, с. 190].

Применительно к памятникам XIII в. становится очевидным, что за несколько веков древнерусские авторы совершили определенную эволюцию в плане самовыражения, подтверждением чему могут служить произведения, написанные Серапионом Владимирским, – «Поучения преподобного Серапиона» и «Слова блаженного Серапиона». Тексты Серапиона показывают, что совет/рекомендация уже не является самой частотной формой выражения побудительности, на первый план выходит форма призыва: «*Не погубимъ, братъе, величия нашего*» [14, с. 374]; «*Се слышаще, оубоитеся, въстрепеиците, престаните от зла, створите добро*» [14, с. 376]. Конечно, следует иметь в виду, что большое значение играет время написания памятника – Поучения и Слова Серапиона написаны во времена феодальной раздробленности и нашествия татаро-монголов. В таких условиях автор был просто обязан продемонстрировать свою личность, говорить с адресатами на языке призыва. Важно понимать, что Серапион использует формы категорической семантической зоны не только для того, чтобы обозначить непоколебимость религиозных догм, как его предшественники, для него форма призыва – это оправданная форма воздействия на адресата, которую он считает необходимым использовать в столь сложное время. Кроме того, форма совета/рекомендации в текстах Серапиона наименее употребительна, что также отличает Серапиона от авторов всех предыдущих рассмотренных нами памятников.

Как отмечалось нами выше, при сравнении памятников ораторской прозы XI – XIII вв. прослеживается еще один эволюционный момент, связанный именно с расширением использования языковых средств при создании ситуации побуждения. Действительно, ситуация побуждения в древнерусских текстах чаще всего создается на уровне морфологии, но известно, что «универсальность категории модальности проявляется в том числе и в разнообразии средств ее репрезентации на всех уровнях языковой системы» [21, с. 190]. И анализ древнерусских текстов ораторской прозы показывает, что с течением времени древнерусские авторы стали усиливать воздействие на читателя с помощью использования лексических и синтаксических средств.

Так, если в текстах посланий Феодосия и Иоанна отсутствуют лексико-фразеологические и синтаксические средства, способствующие усилению ситуации побуждения, то уже в «Поучении Владимира Мономаха» находим воздействие автора на адресата при помощи языковых средств лексического уровня. Автор Поучения использует вводные слова и словосочетания с модально-оценочным значением уверенности (*поистинѣ, Бога дѣля; всего же наче*), усиливающие побудительную тональность текста произведения: «*Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти естъ челоуѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ*» [17, с. 396]; «*А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ*» [17, с. 396].

Последующие авторы памятников древнерусской письменности большое значение при создании ситуации побуждения придают синтаксическим средствам. Так, в посланиях Климента Смолятича, в отличие от текстов предыдущих авторов, важную роль выполняют риторические фигуры (вопросы и восклицания), которые дополнительно воздействуют на адресата, усиливают эмоциональную составляющую посланий. Например: «*Нѣсть ли тѣло пытати потонку божественныхъ Писаний?*» [18, с. 125]; «*Что же ли мнѣ, брате, Иаковъ и двѣ женѣ его, Лия и Рахаль, иже тако почитати, а не искати по духу!*» [там же, с. 127]. Отметим, что Смолятич благодаря использованию риторических фигур в своих текстах, отличается от предшественников, писавших в этом же жанре.

Кирилл Туровский так же, как и Климент Смолятич, создает в своих текстах ситуацию побуждения при помощи синтаксических средств. Он включает в свои послания внутренние монологи – моделирует ситуацию вопроса-ответа, задает самому себе риторические вопросы и отвечает на них риторическими восклицаниями, после чего повторяет конструкцию, применяя однотипное синтаксическое построение следующих друг за другом предложений, т.е. использует прием синтаксического параллелизма: «*Мъртва ли себе нареку? Нѣ чрево ми пища жселаеть, и язык от жажа исыхаетъ! Жива ли себе помышлю? Нѣ не тѣмко вѣстати с одра, нѣ ни подвигнути себе не могу*» [22, с. 192]. Такие авторские отступления делают речь автора наиболее убедительной, заставляют адресата задуматься над определенными аспектами, важными для адресанта.

Серапион Владимирский тоже использует риторические вопросы в своих текстах. Вслед за Кириллом Туровским, который демонстрирует, как риторические фигуры в совокупности создают внутренние монологи, Серапион включает подобные предложения в свои Слова и Поучения не единично, а в группе, создавая с помощью такого приема сложное синтаксическое целое: «*Доколѣ не отступимъ от грѣхъ нашихъ? Поицадимъ себе и чадъ своихъ: в кое время такы смерти напрасны видѣхомъ?*» [14, с. 372]; «*Како оутѣшиюся, видя вы от Бога отлучишася? Како ли обрадуюсь?*» [14, с. 372].

Проведенный нами анализ памятников, относящихся к жанру ораторской прозы XI – XIII вв., показал, что побуждение как важное средство выражения авторской модальности чаще всего выражается на морфологическом уровне. Вместе с тем древнерусские авторы с течением времени находили новые спосо-

бы самовыражения в тексте, прибегая к использованию форм побуждения категорической семантической зоны и расширяя сферу влияния на своих читателей при помощи ввода лексических и синтаксических средств, способствовавших большей убедительности авторской речи.

Таким образом, как нам представляется, вполне очевидна функциональная связь категорий побудительности и авторской модальности в древнерусских текстах жанра ораторской прозы, авторы которых, благодаря использованию структурно-содержательных компонентов побудительности и расширению диапазона их употребления в более поздних произведениях, получали возможность более ярко выразить свои модальные интенции и духовные устремления.

Библиографический список

1. Ваулина С.С. Многообразие терминологических определений модальности – коммуникативная проблема?// Модальность. Коммуникация. Текст: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 4 – 12.
2. Ваулина С.С., Девина О.В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы)// Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. №8. С. 8 – 13.
3. Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009. 264 с.
4. Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI – XIII вв.). М.: Академия, 2003. 381 с.
5. Лихачев Д.С. Поэтика литературы// под ред. В.В. Быčkova. Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI – XVII вв. М.: Ладомир, 1996. С. 57 – 95.
6. Пиккио Р. История древнерусской литературы. М.: Кругъ, 2002. 352 с.
7. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: АН СССР, 1963. 362 с.
8. Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI – XIII веков. М.: Наука, 1980. 368 с.
9. Ельникова О.Е. Формирование публицистического стиля в древнерусской литературе на примере «Жития преподобного Феодосия Печерского»// Вестник Воронежского государственного университета. 2008. № 2. С. 193 – 196.
10. Ваулина С.С., Старовойтова Н.В. Сложноподчиненные условные предложения как экспликатив авторской модальности в публицистическом тексте (на материале «Книги о скудности и богатстве» А. Т. Посошкова)// Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2007. № 6. С. 20 – 25.
11. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 210 с.
12. Кукса И.Ю. Средства выражения побудительной модальности в русском языке XI – XIV веков: дис. ...канд. филол. наук. Калининград, 1997. 161 с.
13. Феодосий Печерский. Послание о вере латинской. Того же Феодосия к тому же Изъяславу// отв. ред. Д.С. Лихачев. Эпистолярное наследие Древней Руси XI – XII. Исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. С. 16 – 18. (Памятники древнерусской письменности).
14. Серапион Владимирский. Поучения преподобного Серапиона// под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Библиотека литературы Древней Руси. XIII век. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. С. 372 – 382. (Памятники древнерусской письменности).
15. Митрополит Иоанн. К архиепископу римскому от Иоанна, митрополита русского, об опресноках // отв. ред. Д.С. Лихачев. Эпистолярное наследие Древней Руси XI – XII. Исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. С. 30 – 35. (Памятники древнерусской письменности).
16. Ваулина С.С., Серганова Д.А. Модальность как способ раскрытия личности автора памятника древнерусской письменности «Поучение Владимира Мономаха»// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2021. № 1. С. 12 – 18.
17. Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха// сост. и ред. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. С. 392 – 413. (Памятники древнерусской письменности).
18. Климент Смолятич. Послание Климента Смолятича Фоме Прозвитеру// отв. ред. Д.С. Лихачев. Эпистолярное наследие Древней Руси XI – XII. Исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. С. 124 – 137. (Памятники древнерусской письменности).
19. Кирилл Туровский. Послание некоего старца к блаженному в Боге архимандриту Василию о схиме// отв. ред. Д.С. Лихачев. Эпистолярное наследие Древней Руси XI – XII. Исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. С. 166 – 168. (Памятники древнерусской письменности).
20. Кирилл Туровский. Слово на вербное воскресенье// под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. Библиотека литературы Древней Руси. XII век. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 184 – 190. (Памятники древнерусской письменности).

21. Кукса И.Ю. Синтаксические экспликативы авторской модальности в газетном тексте (на материале "Санкт-Петербургских" и "Московских ведомостей" XVIII в.)// Политическая лингвистика. 2012. №1. С. 190 – 194.
22. Кирилл Туровский. Слово о расслабленном// под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Библиотека литературы Древней Руси. XII век. Т. 4. СПб: Наука, 1997. С.190 – 198. (Памятники древнерусской письменности).

References

1. Vaulina S.S. Variety of terminological definitions of modality – a communication problem?// Modality. Communication. Text. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta publ., 2021. pp. 4 – 12.
2. Vaulina S.S., Devina O.V. The author's modality as a text-forming category (to the formulation of the problem)// Bulletin of the Immanuel Kant Russian State University. 2010. No. 8. pp. 8 – 13.
3. Uzhanov A.N. On the specifics of the development of Russian literature in the 11th - the first third of the 18th century: Stages and formations. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury publ., 2009. 264 p.
4. Istrin V.M. Essay on the history of ancient Russian literature of the pre-Moscow period (XI – XIII centuries). Moscow: Akademiya publ., 2003. 381 p.
5. Lihachev D.S. Poetics of literature// Artistic and aesthetic culture of Ancient Russia XI – XVII centuries. Moscow: Ladomir publ., 1996. pp. 57 – 95.
6. Pikkio R. History of Old Russian Literature. Moscow: Krug publ., 2002. 352 p.
7. Rybakov B.A. Ancient Russia. Legends. Epics. Chronicles. Moscow: AN SSSR publ., 1963. 362 p.
8. Robinson A.N. Literature of Ancient Russia in the literary process of the Middle Ages of the XI-XIII centuries. Moscow: Nauka publ., 1980. 368 p.
9. El'nikova O.E. Formation of journalistic style in ancient Russian literature on the example of "The Life of St. Theodosius Caves"// Bulletin of Voronezh State University. 2008. No. 2. pp. 193 – 196.
10. Vaulina S.S., Starovoitova, N.V Compound conditional sentence as a means of expressing the author's modality in publicistic texts (a study of A. Pososhkov's book on poverty and richness)// Bulletin of the Immanuel Kant Russian State University. 2007. No. 6. pp. 20 – 25.
11. Eremin I.P. Lectures and articles on the history of ancient Russian literature. Leningrad: LGU publ., 1987. 210 p.
12. Kuxa I.Ju. Means of expressing incentive modality in the Russian language of the 11th - 14th centuries. Kaliningrad, 1997. 161 p.
13. Feodosij Pecherskij. Epistle on the Latin Faith. The same Theodosius to the same Izyaslav// ed. D.S. Likhachev. Epistolary heritage of Ancient Russia XI – XII. Studies, texts, translations. St. Petersburg: Nauka publ, 1992. pp. 16 – 18.
14. Serapion Vladimirskij. Teachings of St. Serapion// ed. D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Pomyrko. Library of Literature of Ancient Russia. XIII centuries. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka publ, 1997. pp. 372 – 382.
15. Mitropolit Ioann. To the Archbishop of Rome from John, Metropolitan of Russia, about unleavened bread // ed. D.S. Likhachev. Epistolary heritage of Ancient Russia XI – XII. Studies, texts, translations. St. Petersburg: Nauka publ, 1992. pp. 30 – 35.
16. Vaulina S.S., Serganova, D.A. Modality as a way to decode the author's personality in an ancient Russian masterpiece "The testament of Vladimir Monomakh"// Bulletin of the Baltic Federal University named Immanuel Kant. 2021. No. 1. pp. 12 – 18.
17. Vladimir Monomakh. The testament of Vladimir Monomakh// comp. and ed. L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev. Monuments of literature of Ancient Russia. XI - the beginning of the XII century. M.: Fiction, 1978. pp. 392 – 413.
18. Kliment Smolyatich. A word from Clement Smolyatich to Thomas Prozviter. // ed. D.S. Likhachev. Epistolary heritage of Ancient Russia XI – XII. Studies, texts, translations. St. Petersburg: Nauka publ, 1992. pp. 124 – 137.
19. Kirill Turovskij. Epistle of a certain elder to Archimandrite Vasily, blessed by God, about the schema // ed. D.S. Likhachev. Epistolary heritage of Ancient Russia XI – XII. Studies, texts, translations. St. Petersburg: Nauka publ, 1992. pp. 166 – 168.
20. Kirill Turovskij. The word for Palm Sunday// ed. D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Pomyrko. Library of Literature of Ancient Russia. XII centuries. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka publ., 1997. pp. 184 – 190.
21. Kuxa I.Ju. Syntactic explicators of the author's modality in the newspaper text (based on "Sankt-Peterburgskie Vedomosti (The Saint-Petersburg Bulletins)" and "Moskovskie Vedomosti (The Moscow Bulletins)" of the XVIII century). Political linguistics. No. 1. pp. 190 – 194.
22. Kirill Turovskij. The word about the weak // ed. D.S. Likhachev, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Pomyrko. Library of Literature of Ancient Russia. XII centuries. Vol. 4. St. Petersburg: Nauka publ., 1997. pp. 190 – 198.

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.32.44.013

Воронежский государственный педагогический университет

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

Арзамова О.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-960-139-44-77

e-mail: arzyamovyu@yandex.ru

Воронежский государственный педагогический

студент 3 курса гуманитарного факультета

Иващенко Ю. Ю.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-429-86-83

e-mail: ivashenko_1006@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

The chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Russian language PhD, associate professor Doctor of Philology

Arzyamova O.V.

Russia, Voronezh, tel. +7-960-139-44-77

e-mail: arzyamovyu@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

The 3th year student of the Humanities Faculty

Ivashenko Ju.Ju.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-429-86-83

e-mail: ivashenko_1006@mail.ru

О.В. Арзамова, Ю.Ю. Иващенко

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТРОПОНИМИКА В СИСТЕМЕ РОМАНОВ Л.Н. ТОЛСТОГО

В статье рассматриваются литературные антропонимы как лингвистическое явление в романах Л.Н. Толстого. Цель данного исследования заключается в выявлении функций и особенностей использования антропонимов в произведениях Льва Николаевича, а также в определении роли имен собственных в создании художественных образов. Актуальность исследуемой проблемы заключается в значимости комплексного исследования имен собственных в произведениях Л. Н. Толстого для дальнейшего развития лингвистического анализа художественных произведений. При анализе романов использовались структурно-семантический и метод сопоставительного анализа. С помощью этих методов были отмечены такие особенности антропонимов в творчестве Л. Н. Толстого, как автобиографизм, хронотопичность, переход имен собственных из текста в текст для обозначения героев, которые имеют схожие черты. Кроме того, в антропонимах скрыты мифопоэтические смыслы, которые позволяют читателю лучше понять произведение и те идеи, которые выражает автор через своих героев. Проведенный анализ имен собственных героев романов позволяет установить, что литературные антропонимы выполняют номинативную, характерологическую, символическую, предвещательную, социальную, историко-культурную, хронотопическую и некоторые другие функции. Ономастические единицы в художественных текстах Л.Н. Толстого представляют собой систему, вступают в ассоциативные связи, переосмысливаются читателем, а также имена собственные обладают семантическим потенциалом, отражающим авторское мировоззрение.

Ключевые слова: антропоним, имя собственное, функции онимов, семантика имени, «говорящие» антропонимы, функции антропонимов.

O.V. Arzyamova, Ju.Ju. Ivashenko

LITERARY ANTHROPONYMY IN THE SYSTEM OF L.N. TOLSTOY'S NOVELS

The article deals with literary anthroponyms as a linguistic phenomenon in the novels of L.N. Tolstoy. This study aims to identify the functions and features of anthroponyms used in the works of L.N. Tolstoy as well as to determine the role of proper names in characterization. The relevance of the problem being investigated lies in importance of a omnibus research of proper names in L.N. Tolstoy's works for the further development of linguistic analysis of imaginative writings. The analysis of the novels has been performed by using structural-semantic method and comparative analysis one. These methods made it possible to note such features of anthroponyms in Leo Tolstoy's works as autobiographicalism, chronotopicity, the transition of proper names from text to text to denote characters who have similarities. What is more, anthroponyms have hidden mythopoetic meanings which allow a reader to better understand the work and those ideas that the author expresses through his characters. The analysis of characters' proper names in the novels makes it possible to establish that literary anthroponyms serve nominative, characterological, symbolic, predictive, social, historical and cultural, chronotopic and some other functions. Onomastic units in the artistic texts of Leo Tolstoy present a system, get into associative ties, are rethought by the reader. Also proper names have semantic

potencial reflecting the author's worldview.

Keywords: anthroponym, proper name, functions of onyms, semantics of the name, "talking" anthroponyms, functions of anthroponyms.

Творчество Льва Николаевича Толстого представлено всеми типами онимов - имен собственных, служащих для индивидуализации и идентификации именуемого объекта. Однако доминантными онимами всё же являются антропонимы, то есть имена собственные, принадлежащие человеку или группе людей. Антропонимы в художественных текстах Льва Николаевича выполняют ряд различных функций, помогая читателю не только изучить сюжет произведения, но и выявить некие скрытые смыслы художественного текста.

С.А. Скуридина отмечает, что в литературном произведении создается *ономастический код*, в котором ономастические единицы «являются держателями и экспликаторами разного рода информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической, хронотопической, <...> с помощью которой может быть представлена автором и выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов» [1; с. 3].

Изучением антропонимов в романах Льва Николаевича занимались такие ученые, как Б.М. Эйхенбаум [2], М.С. Альтман [3], Г.А. Ахметова [4], Е.Ю. Полтавец [5], Е.А. Масолова [6], И.В. Мурадян [7] и другие.

Изучение специфики имени собственного в произведении проводится в рамках литературной ономастики, науки об особенностях функционирования имен собственных в художественном тексте. Важным этапом, способствующим развитию героя в произведении, является процесс выбора или создания автором имени персонажа. Данный процесс является весьма непростым, поскольку на него влияет и авторское восприятие того или иного имени, и ассоциативный ряд, связанный с некоторыми именами. Интересен также тот факт, что при выборе определенных имен писатель может быть не знаком с их этимологией и семантикой, однако имена собственные в романах Льва Николаевича с особой точностью передают характеры героев. Поиск имени считается творческим процессом, который находит отражение в заметках и дневниках Льва Толстого. Так, мы замечаем, что Лев Николаевич неоднократно изменяет имена своих героев. Например, Анну Аркадьевну Каренину Толстой изначально назвал Татьяной Сергеевной Ставрович. А героиня романа «Семейное счастье» - Маша изначально была названа Лизаветой Белкиной, затем Анной, и только уже после Марией [8; с. 207].

По мнению Г.Ф. Ковалёва, имя собственное в художественном тексте определяется взаимодействием четырёх факторов: авторским (автобиографическим) сознанием, системностью именника, социальными характеристиками и хронотопностью [9; с.32]. Проанализируем антропонимы в романах Льва Николаевича с точки зрения разных аспектов.

Основная функция литературных антропонимов в романах Л. Н. Толстого – характерологическая. То есть, с помощью антропонимов можно определить характер героя, а также его дальнейшие поступки. При этом стоит отметить, что на нрав героя влияют не только «говорящие» фамилии, но и имена и отчества. Так, например, в «Анне Карениной» фамилия Алексея Александровича происходит от гомеровского «каренон», что означает «голова» и характеризует героя, как «головного» человека [10; с. 569]. Семантика имени «Степан» совпадает с характером героя – Стивы Облонского, брата Анны Карениной. И в книге имен, и в романе Степан представлен дружелюбным, имеющим много друзей, влюбчивым. Проанализировать влияние отчества на судьбу персонажей можно на примере главной героини романа – Анны Аркадьевны. Г. А. Ахметова утверждает, что Аркадия – родина Гермеса, счастливая страна, соответственно, призвание героини – дарить людям счастье, которое позже Анна теряет [4; с. 92]. Так, имена собственные, прежде всего, указывают на характер героя, определяют события его жизни.

Кроме характеристики основных качеств героя, с помощью антропонимов выражается социальное положение персонажей романов. В произведении «Воскресение» при упоминании князей, графов и баронов указывается их титул: княгиня Елена Ивановна, князь Корчагин, графиня Чарская, барон Кругсмуит и т.д. Этот прием позволяет установить высокое положение упоминаемых героев на иерархической лестнице. При упоминании представителей судебной системы на первое место выдвинуты звания и должности персонажей: обер-прокурор Священного Синода Топоров, адъютант Богатырев, товарищ обер-прокурора Селенин, адвокат Фанарин. Здесь же Толстой использует фамилии, имеющие негативные коннотации, для того, чтобы показать несправедливость судебного процесса и вынесенного приговора. Такой же прием используется и в «Войне и мире», где для обозначения дворян упоминаются их титулы: князь Андрей, граф Безухов, граф Ростов. Кроме указания титу-

лов, особое значение уделено фамилиям персонажей. Фамилия «*Болконский*» на Руси была княжеской фамилией. Так, мы можем отметить, что с помощью антропонимов, можно определить социальное положение героев, их место на иерархической лестнице, а также узнать отношение автора к персонажам. При отрицательном отношении к герою Толстым обычно использовались антропонимы с негативной семантикой: великосветская куртизанка Mariette имеет фамилию – *Червянская*, которая является весьма отталкивающей из-за возникающих ассоциаций [6; с. 11].

Также использование тех или иных имен собственных представляет собой культурно-исторический фон произведения. Обращение к реально существующим историческим личностям позволяет определить эпоху, описанную в произведении. Наиболее ярко рассмотреть ономастический хронотоп, в создании которого участвуют антропонимы, можно на примере романа «Война и мир». Так, здесь мы встречаем исторические имена, наполненные важной символикой: *Михаил Кутузов*, *Наполеон Бонапарт*. Кроме указанных персонажей в тексте упоминаются около ста пятидесяти исторических личностей. Здесь же мы можем встретить и несколько измененные имена: *Денисов*, *Друбецкой*, *Долохов*. Несложно догадаться, что за данными фамилиями «скрываются» такие деятели, как Денис Давыдов, Трубецкой и Дорохов. Таким образом, Т. В. Кудрявцева отмечает: «Имя собственное не только называет, но главным образом создает хронотоп, ориентирующий читателя во времени и пространстве, в определенной социокультурной среде» [11; с. 335].

Большое влияние на выбор определенных имен оказывает автобиографизм ономастического пространства художественного текста, то есть воспроизведение в текстах собственного жизненного опыта писателя, фактов его биографии или биографии знакомых ему людей. Автобиографизм в романах Толстого проявляется в том, что некоторые герои ориентированы на свои прототипы, то есть реально существующих людей эпохи Толстого, а также в том, что на развитие некоторых персонажей повлияли определенные события, встречи писателя. Так, например, Анну Каренину Толстой называет данным именем, потому что одним из её прототипов является Анна Степановна Пирогова, имеющая такую же судьбу, как и героиня романа. Прототипом Вронского является Алексей Константинович Толстой. Его судьба имеет схожие черты с жизнью героя романа. Вероятнее всего, этот факт и послужил для выбора имени. При написании романа «Война и мир» на сюжет оказала влияние встреча Льва Николаевича с С.Г. Волконским. Эта встреча стала своеобразным моментом «кристаллизации» толстовского замысла, относительно Пьера Безухова. Искушение, попытка борьбы, отречение, присутствующие в жизни Пьера, повторяются и в судьбе Волконского. Цель обращения к автобиографии состоит в стремлении писателя к переосмыслению определенных событий, а также – в подтверждении достоверности изображаемого. Кроме того, автобиографический прием может быть использован для изображения иронии, поскольку современники Толстого могли узнать себя в его произведениях. Так, московский губернатор Василий Степанович Перфильев, прочитав сцену завтрака Облонского, сказал Толстому: «Ну, Левочка, цельного калача с маслом за кофеом я никогда не съедал. Это ты на меня уж наклепал!» [12; с.98]. В некоторых случаях автор применяет прием языковой игры, используя синонимичные или созвучные корни в именах собственных. Так, фамилия *Левина*, героя «Анны Карениной», созвучна с именем *Лев*, поскольку прототипом данного персонажа является сам писатель. Читая роман, мы можем не только ознакомиться с мыслями автора, которые выражает Константин Дмитриевич, но и заметить автобиографичную сцену – эпизод предложения руки и сердца Китти. Прототипом Николая Андреевича Болконского в «Войне и мире» является дед Льва Николаевича по матери – Николай Сергеевич Волконский. Итак, использование реально существующих имен собственных дает богатый ассоциативный ряд, в результате чего художественный образ углубляется и обогащается.

Отличительная черта творчества Льва Николаевича заключается в том, что некоторые антропонимы «переносятся» из текста в текст и используются для обозначения героев, которые имеют схожие черты. Так, герой «Воскресения», Дмитрий Нехлюдов, неоднократно встречается в текстах писателя. Данное персонажа мы замечаем в произведениях «Отрочество», «Юность», «Утро помещика», «Люцерна». Главного героя «Казаров» Толстой тоже хотел назвать Нехлюдовым. Использование данных антропонимов объясняется особой духовностью и поиском гармонии. Одним из примеров данного приема является также тот факт, что предшественником Пьера Безухова является Петр Лабазов – герой романа «Декабристы», который не был закончен Толстым. Кроме этого, следует отметить, что одинаковые имена получают персонажи со схожими чертами. Рассмотрим использование имени Мария (Марья) в разных романах Толстого. В «Войне и мире» княжна Марья является образо-

ванной, верующей девушкой, которая ценит в людях душевные качества и «прекрасное сердце». В «Воскресении» Марья Щетинина является нравственно чистой, скромной, образованной. Она всегда готова прийти на помощь трудной ситуации. В «Семейном счастье» Маша стремится стать мудрее, взрослее, стремится к счастью. После утраты любви к Сергею Михайловичу относится к нему с уважением и жертвует светской жизнью ради него. Так, мы видим, что героини романов Толстого, имеющие имя Мария очень похожи: они нравственны, духовны и доброжелательны. Нечто подобное можно увидеть и в героинях, имеющих имя Екатерина. Так, в «Анне Карениной», Китти воспитана, мила, эмоциональна, видит в людях их лучшие черты и относится к окружающим доброжелательно. В «Воскресении» Катюша Маслова была чистой и нравственной, пока не решила выместить свою обиду, нанесенную Дмитрием Нехлюдовым. Однако на каторге она вновь обретает веру в людей и добро, возвращая себе духовную чистоту. И снова мы видим, что одинаковые имена девушек свидетельствуют о схожих чертах характера. Кроме того, представители одной семьи в романах тоже имеют похожие психологические и портретные черты. Так, мы можем отметить, что антропонимы, используемые Толстым, выбраны в романах неслучайно. Они не только характеризуют героев, но и определяют общие черты персонажей разных произведений.

Некоторые антропонимы в творчестве Льва Николаевича соотнесены с именами христианских святых. Остановимся на романе «Война и мир», чтобы проанализировать данный факт. Так, имя князя Андрея Николаевича проецируется на апостола Андрея, а фамилия Волконский восходит к лексеме «волхв». Волхвы могли влиять на исход битвы, что находит свое отражение в сражении при Аустерлице. Е. Ю. Полтавец утверждает, что Болконские, за исключением княжны Марьи, «склонны к языческой мистике» и мифологическому восприятию мира [5, с. 60-65]. Имя «Петр» ориентирует читателей на философскую и политическую мысль Запада. Об этом свидетельствует и то, что героя в романе называют Пьером, подчеркивая его заграничное воспитание. Княжна Марья, по мнению Е. Ю. Полтавец, также является житийным героем и «лелеет мечту об истинно тостовском уходе». Антропонимическая система «Андрей-Петр-Мария» опирается на библейскую антропонимику [5; с. 83-84]. Также в «Войне и мире» прослеживается мысль о том, что имя апостола Петра заменяется на «западную» форму Пьер, а имя Андрея – на более русскую – «князь Андрей». Это связано с символизацией исторического пути России. Так, Наташа Ростова, семантика имени которой восходит к лексемам «родная», «родина», после смерти Андрея Болконского связывает свою жизнь с Пьером. Отметив, что имена упомянутых героев связаны с библейскими мотивами, следует также упомянуть, что мифопоэтическая система семейства Курагиных ориентирована на античность. Элен, Василий и Ипполит – имена с греко-мифологической окраской. Данный прием свидетельствует о символической функции имен собственных.

Итак, на основании вышеизложенного материала можно отметить функции литературных антропонимов в творчестве Л. Н. Толстого, а также выделить особенности функционирования имен собственных в его романах. В произведениях Льва Николаевича антропонимы выполняют различные функции. К ним относятся: номинативная, характерологическая, символическая, предупредительная, социальная, историко-культурная, хронотопическая и др. Антропонимы в романах Толстого отличаются автобиографичностью. Имена собственные, используемые Львом Николаевичем, переходят из одного произведения в другое, сохраняя при этом основные черты персонажей. В антропонимах скрыты мифопоэтические смыслы, которые позволяют читателю лучше понять произведение и те идеи, которые выражает автор через своих героев. Таким образом, можно отметить, что ономастические единицы в художественных текстах Льва Николаевича Толстого представляют собой систему, вступают в ассоциативные связи и переосмысливаются читателем.

Библиографический список

1. Скуридина С. А. Ономастический код художественных текстов Ф. М. Достоевского. Автореф. дисс... д-ра филол. наук. Воронеж, 2020. 40 с.
2. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2009. 952 с.
3. Альтман М. С. Читая Толстого / М. С. Альтман. Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. 168 с.
4. Ахметова Г. А. Мифологический лейтмотив в романе Льва Толстого «Анна Каренина» // Фольклор народов России. 2006. С. 83-94.
5. Полтавец Е. Ю. Мифопоэтическая антропонимика «Войны и мира» Толстого // Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 57-96.
6. Масолова Е. А. Антропонимы в романе Толстого «Воскресение» // Культура и текст. 2018. № 3. С. 7-21.

7. Мурадян И. В. История одного именованья в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Мова. 2018. № 29. С.85-89.
8. Сергеева И. А. Вокруг романа Л. Н. Толстого «Семейное счастье» //Актуальные проблемы филологии. 2017. № 15. С. 206-214.
9. Ковалёв Г. Ф. Литературная ономастика – поле исследований для литературоведов и лингвистов // Русистика без границ. 2017. № 2. С. 30-40.
10. Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство.1939. Том 37. С. 566-590.
11. Кудрявцева Т. В. Средства ономапоэтики в создании имагологического портрета России (на материале немецкой поэзии) // Имя в литературном произведении: художественная семантика. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 327-345.
12. Свирский В. Д. Откуда вы, герои книг? Очерки о прототипах. М.: Книга. 1972. 176 с.

References

1. Skuridina S. A. Onomastic code of F. M. Dostoevsky's literary texts. Autoref. diss... of Dr. phil. sciences. Voronezh, 2020. 40 p .
2. Eichenbaum B. M. Lev Tolstoy: research. Articles. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 2009. 952 p.
3. Altman M. S. Reading Tolstoy / M. S. Altman. Tula: Priokskoe book Publishing house, 1966. 168 p.
4. Akhmetova G. A. Mythological leitmotif in Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" / / Folklore of the Peoples of Russia. 2006. pp. 83-94.
5. Poltavets E. Yu. Mythopoetic anthroponymy of Tolstoy's "War and Peace" // Literary Journal. 2010. No. 27. pp. 57-96.
6. Masolova E. A. Anthroponyms in Tolstoy's novel "Resurrection" // Culture and Text. 2018. No. 3. pp. 7-21.
7. Muradyan I. V. The history of one naming in L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" //Mov. 2018. No. 29. pp.85-89.
8. Sergeeva I. A. Around L. N. Tolstoy's novel "Family happiness" //Actual problems of philology. 2017. No. 15. pp. 206-214.
9. Kovalev G. F. Literary onomastics – a field of research for literary critics and linguists // Rusistics without borders. 2017. No. 2. pp. 30-40.
10. Tolstoy S. L. On the reflection of life in "Anna Karenina" // Literary Heritage.1939. Volume 37. pp. 566-590.
11. Kudryavtseva T. V. Means of onomapoetics in creating an imagological portrait of Russia (based on the material of German poetry) // Name in a literary work: artistic semantics- Moscow: IMLI RAS, 2014. pp. 327-345.
12. Svirsky V. D. Where are you from, the heroes of the books? Essays on prototypes. М.: Book. 1972. 178 p.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.73.46.014

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры русского языка и литературы Института филологии
Кувшинов Ф.В.,
Россия, г. Липецк,
тел.: +7(952)5999558
e-mail: f.kuv@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University
by P.P. Semenov-Tyan-Shansky
Doctor of Philology, Associate professor, Professor of
the Department of Russian
language and Literature of the Institute of Philology
Kuvshinov F.V.,
Russia, Lipetsk,
tel.: +7(952)5999558
e-mail: f.kuv@yandex.ru

Ф.В. Кувшинов

О «БЕСПОКОЙНИКАХ» Д.И. ХАРМСА: К АНАЛИЗУ ПОВЕСТИ «СТАРУХА»

В творческом наследии Даниила Ивановича Хармса повесть «Старуха» занимает важное место, являясь своего рода итоговым произведением. Именно поэтому она многие годы остается в фокусе внимания исследователей, открывающих новые смысловые пласты произведения. В данной статье рассматривается гипотеза, согласно которой один эпизод повести, в котором речь идет о знаменитых «беспокойниках», имеет своим предшественником прецедентный текст. Речь идет о воспоминаниях, посвященных Федору Михайловичу Достоевскому, которые принадлежат перу художника Алексея Петровича Эйснера. Племянник Елены Андреевны Штакеншнейдер, в литературном салоне которой часто бывал автор «Преступления и наказания», в детские годы лично видел Достоевского и был свидетелем домашней постановки «Каменного гостя» А.С. Пушкина, в которой Достоевский отыграл роль гостя Лауры. Будучи человеком неординарным, Эйснер входил в круг знакомых Хармса как один из представителей так называемых «естественных мудрецов». Вместе с тем, судя по характеру воспоминаний, это был человек внимательный и не лишенный литературного таланта. На примере записных книжек Хармса показывается, что эти мемуары («Из воспоминаний о Достоевском») были хорошо ему известны. Воспоминания о Достоевском Хармс слушал летом 1933 года, о чем оставил две довольно подробные дневниковые записи, которые по сути являются конспектом мемуаров. Полный текст воспоминаний Эйснера, опубликованный в начале 1990-х, позволяет предположить, что он мог послужить в качестве прецедентного текста для одного из ключевых эпизодов повести Хармса.

Ключевые слова: Хармс, Достоевский, Эйснер, прецедентный текст, интертекстуальность, мемуары, литературная традиция, русская классика.

F.V. Kuvshinov

ABOUT THE “WORRIERS” OF D.I. KHARMS: TO THE ANALYSIS OF THE STORY “THE OLD WOMAN”

In the creative heritage of Daniil Ivanovich Kharmis, the story “The Old Woman” occupies an important place, being a kind of final work. That is why it has been in the focus of attention of researchers for many years, discovering new semantic layers of the work. This article discusses the hypothesis that one episode of the story, which deals with the famous “worriers”, has a precedent text as its predecessor. We are talking about the memoirs dedicated to Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, which belong to the pen of the artist Alexei Petrovich Eisner. The nephew of Elena Andreevna Stackenschneider, in whose literary salon the author of “Crime and Punishment” often visited, personally saw Dostoevsky in his childhood and witnessed a home production of A.S. Pushkin’s “The Stone Guest”, in which Dostoevsky played the role of Laura’s guest. Being an extraordinary man, Eisner was included in the circle of Kharmis’ acquaintances as one of the representatives of the so-called “natural sages”. At the same time, judging by the nature of his memories, he was an attentive person and not devoid of literary talent. Using the example of Kharmis’ notebooks, it is shown that these memoirs (“From Memories of Dostoevsky”) were well known to him. Kharmis listened to the memories of Dostoevsky in the summer of 1933, about which he left two rather detailed diary entries, which are essentially a summary of his memoirs. The full text of Eisner’s memoirs, published in the early 1990s, suggests that it could serve as a precedent text for one of the key episodes of Kharmis’ story.

Keywords: Kharmis, Dostoevsky, Eisner, precedent text, intertextuality, memoirs, literary tradition, Russian classics.

Одним из самых значимых текстов Д.И. Хармса является его повесть «Старуха» (1939), которая входит в петербургский текст и продолжает литературные традиции, заложенные А.С. Пушкиным и Ф.М. Достоевским. Интертекстуальный характер повести позволяет исследователям отыскивать многочисленные аллюзии, причем это справедливо в отношении не только всего текста повести целиком, но и в отношении отдельных ее частей. Так, один эпизод повести получил в отечественном и зарубежном хармсоведении сразу несколько трактовок. Имеется ввиду следующий фрагмент:

«Покойники, – объясняли мне мои собственные мысли, – народ неважный. Их зря называют покойники, они скорее беспокойники. За ними надо следить и следить. Спросите любого сторожа из мертвецкой. Вы думаете, он для чего поставлен там? Только для одного: следить, чтобы покойники не расползались» [1; с. 179].

«Беспокойные покойники» из «Старухи» породили несколько «сюжетов» в хармсоведении. Так, Д.В. Токарев пишет о том, что герой повести надеется на чудо – избавление от мертвого тела, – но чуда не происходит, точнее, происходит не совсем ожидаемое чудо (вполне в рамках хармсовской логики «равновесия с небольшой погрешностью») – покойница оживает, что «вызывает у персонажа целый поток мыслей о покойниках» [2; с. 88].

Этой позиции близки мысли Ж.–Ф. Жаккара, который также сводит в одно смысловое единство мотив бессмертия и мотив чуда и говорит о том, что Хармс, в отличие от Достоевского, решает эту проблему (чуда и бессмертия) в гротескной форме [3; с. 422–423].

В то же время финский исследователь Юсси Хейнонен писал о полисемантичности слова «покойный» и утверждал, что «Хармс ссылается на “Мертвые души” Гоголя, в которых жители города размышляют о том, каковы души, купленные Чичиковым, не зная, что они на самом деле мертвые, то есть покойные» [4; с. 114]. Далее финский исследователь предположил, что в слове «беспокойный» «бес-» является не только приставкой, а самостоятельным словом «бес» (в значении «черт») [там же; с. 115, с. 145], подчеркивая infernalную сущность старухи.

По Каррику, беспокойники (или «живые мертвецы») являются своего рода манифестацией «беспокойности» текста, то есть текста не свободного от посторонних нарративов (или аллюзий [5; p. 715]) и даже незаконченного [Idid; p. 720].

Не отрицая ни одного из приведенных выше прочтений появления «живых мертвецов» в повести Хармса, все же хочется высказать предположение о том, что знаменитые хармсовские «беспокойники» могли быть рождены текстом-прецедентом. Известно, что повесть «Старуха» полна литературных отсылок, в том числе, к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Однако, думается, не только именно это произведение оказало влияние на Хармса в период создания повести.

В записных книжках Хармса имя Достоевского встречается не раз и, как правило, связано с упоминанием его произведений. Но в контексте нашего исследования хотелось бы обратиться дневниковым записям Хармса за июль и август 1933 года. Эти записи стали своего рода конспектом воспоминаний художника Алексея Петровича Эйснера (1872–1942(?)), племянника Елены Андреевны Штакеншнейдер (1836–1897). Последняя долгие годы была хозяйкой популярного в Санкт-Петербурге литературного салона на Миллионной, частым гостем которого был Достоевский. У Елены Андреевны было восемь братьев и сестер, одна из которых, Ольга (1847–1919), в замужестве Эйснер, стала матерью будущего художника Алексея Петровича. К слову, стезя художника Эйснером была выбрана не случайно: его отец, Петр Иванович Эйснер (1839–1872), в 1864 году был удостоен второй серебряной медали Академии художеств, а дед, известный архитектор Андрей Иванович Штакеншнейдер (1802–1865), был академиком Санкт-Петербургской Академии художеств. Однако Алексей Петрович оставил свой след в русской культуре не только как живописец, теоретик и преподаватель искусства (с 1913 года он в должности профессора преподавал в Женском педагогическом институте), но и как этнограф, и как литератор, автор «Из воспоминаний о Достоевском» (довольно подробный биографический очерк жизни А.П. Эйснера до 1930-х гг. сделала Е.Я. Селинкова [6; 7]).

Это был неординарный человек, который именно в силу неординарности заинтересовал Хармса. Вместе с тем знакомство Эйснера с Хармсом могло иметь и печальные последствия, поскольку художник попал в сферу внимания ОГПУ. Так, в конце 1931 года была арестована, согласно определению, «антисоветская группа литераторов в детском секторе издательства “Молодая гвардия”». В нее, помимо Хармса, вошли А.И. Введенский, И.В. Бахтерев, И.Л. Андронников, П.П. Калашников, А.В. Туфанов, Н.П. Воронич. На одном из допросов, Александр Введенский «показал»: «К нашей группе, как к активному в антисоветском плане ядру, примыкали различные лица из среды гумани-

тарной интеллигенции, политически близкие нам по своим антисоветским и мистическим настроениям. Из названных лиц я могу назвать следующих: <...> Эйсер Алексей Петрович, проживающий по Октябрьскому проспекту» [8; с. 534].

Эйсер не случайно появился в кругу «антисоветской группы литераторов». Он входил в так называемый круг «естественных мудрецов», тщательно «собиравшийся» Хармсом. В 30-ые гг. художник встречался с Хармсом. Одна из таких встреч, целью которой был осмотр картины Эйсера, описана Н.И. Харджиевым, который в своих воспоминаниях оставил крайне субъективное и нелестное описание художника [9]. Другой современник Эйсера — Евгений Ухналев, известный российский художник, — был менее резок в оценке этого человека. В своей книге «Это мое» он обращает внимание на чужаковатость «старичка», но в то же время подчеркивает и его увлеченность искусством, и преподавательский талант:

«Шел 1941-й год, полгода до войны. Бабушка водила к профессору Эйсеру, это было на Невском проспекте. Есть дом, где сейчас кинотеатр “Художественный”, а в следующем доме в сторону Адмиралтейства наверху был эркер. В нем располагалась какая-то громадная трех- или четырех-оконная комната, гигантская, забитая старой мебелью, драпировками, предметами прикладного искусства — тем, что сейчас назвали бы хламом и вынесли бы на помойку во дворе. Профессор был немного сгорбленным одиноким старичком, как мне тогда казалось, да он, очевидно, старичком и был. И он мне давал уроки. С тех времен у меня даже остался альбом рисунков. Мне кажется, именно тогда я начал совершенствоваться в искусстве рисования» [10; с. 23].

«Из воспоминаний о Достоевском» представляют собой традиционные мемуары, посвященные встречам будущего художника с великим писателем. Воспоминания были прочитаны Эйсером летом 1933 года. На момент публикации «Записных книжек» Хармса их составители признались в том, что «эти воспоминания Эйсера неизвестны» [11; с. 297]. Однако в действительности воспоминания Алексея Эйсера были опубликованы в 1991 году в журнале «Знамя» Галиной Владимировной (Фридмановой) Коган [12]. Особенность этой публикации заключается также в том, что в ней приводится фамилия художника в написании «Эйссер». Более того, в монументальном издании «Даниил Хармс глазами современников» размещена обложка учебника художника с его литографическим автопортретом [13; с. 442], на которой имя автора указано как «А.П. Эйссер» (написание фамилии художника с одним «с» применяется повсеместно: в воспоминаниях Харджиева (который мог банально не знать правильного написания), в «Записных книжках» Хармса (который орфографические ошибки совершал нарочно), в протоколах допросов (надеяться на грамотность и дотошность следователя не приходится), в дневнике М.А. Кузмина («Эйсер хочет писать меня в среду» [14; с. 496]), а также в ряде художественных интернет-галерей. В данной статье используется написание с одним «с» в силу устоявшейся традиции).

По своей сути записи Хармса, который присутствовал на чтении «Воспоминаний» Эйсера, повторимся, являются их конспектом. Первая запись более пространна и подробна, нежели вторая, которая по своей сути является дубликатом. Причем видно, что Хармс записал, что называется, «на слух». Отсюда несколько неточностей, которые хорошо видны в ходе прямого сравнения (см. таблицу ниже). Сама запись выглядит следующим образом:

«А.П. Эйсер
Штаккеншнейдер.
Тонуло в сумерки и в изнеможении.
Мне нравится описание квартиры.
Падение Вышнеградского.
Сцена с клопом. Застыл на месте.
исповедь.
Сняв польто и безучастно озираясь кругом.
Все остальное тонуло в сумерке и моем измученном воображении.
Эпизоды с разговором: Разговор с Э. о книгах (вкусы).
[Мер] Постановка Каменного Гостя.
Случай с Лаурой М.М.Б. (Н).
“Покажите ножки”.
Офицерская 6 кв. 31. Альелебен Оскар Оскарович.
Украденная шуба.
Читка Братьев Карамазовых.
Клоп.

Приглашение в имение к Малиновским [(?)]. Розановым.

Мария Михайловна Новосельская.

Бушен.

Описание спектакля.

Смех статуи. Очень сжатое, интересное и хорошо впечатляющее описание.

Падение со стула Вышнеградского. Хорошо — целые очки.

Ив. Алексеевич Вышнеградский.

Меняла Кутузов похожий на Достоевского» [11; сс. 21–22] (Все тексты цитируются в соответствии с авторским написанием.).

Сравнительный анализ записи Д.И. Хармса и соответствующих фрагментов «Из воспоминаний о Достоевском» А.П. Эйснера с комментариями

Текст Д.И. Хармса	Текст А.П. Эйснера	Комментарий
Штаккеншнейдер	Штакеншнейдер	Неверное написание фамилии.
Тонуло в сумерки и в изнеможении.	Все остальное тонуло в сумраке и в моем измученном воображении.	
Мне нравится описание квартиры	Все это аккуратно размещалось на моем письменном «столике с телефоном», который поставили в нашей обширной столовой, скорее напоминавшей старинный кабинет усадьбы: с диванами, креслами, стульями и столиками, с большим концертным роялем фабрики «Вирт», над которым висела в большой золотой раме голова Христа, кисти Бруни. <...> По стенам большие старинные гравюры в рамах, на постаментах мраморный бюст деда и бронзовая статуя тети Зины, умершей 3-х лет, работы Румянцева. И только большой обеденный стол, покрытый тяжелой скатертью, пожалуй, напоминал, что тут завтракают, обедают, ужинают и пьют чай. Огромный, в два этажа, с башенными часами и витыми колоннами, закрытый темный буфет, тогда уже исполненный полвека назад по рисунку деда, напоминал скорее средневековый орган и придавал всему внушительный покой. Комната эта соединялась с гостиной темно-красным проходным «фиммуар»-ом, с аркой и белым мраморным камином, в котором зимой постоянно тлел и вспыхивал «коко», где стояли уютные диванчики и стулья.	Сохранилось множество планов квартирной обстановки, которые делал Хармс.
Падение Вышнеградского.	Перед самым столом Вышнеградский слегка склоняется к теще, снимая очки. Передние ножки кресла подломились и... грузная «горилла» с очками в руках очутилась на полу, задравши ноги.	Мотив падения у Хармса один из самых известных и частотных.
Сцена с клопом. Застыл на месте.	Когда я взглянул на стену, я действительно увидел медленно ползущего клопа; не предвидя, чем вся эта сцена окончится, я застыл на месте.	Насекомые у обэриутов являются одним из наиболее устойчивых образов (см., например [15]).
Исповедь.	Был Великий пост. Мать моя впервые повела меня к исповеди в церковь Козьмы и Дамиана, что на Кирочной улице, почти рядом с тем домом, где мы жили.	Хармс опять возвращается к началу «Воспоминаний», в которых об исповеди говорится уже во втором абзаце.
Сняв пальто и безучастно озираясь кругом.	Тихонько сняв пальто, безучастно озираясь кругом.	
Все остальное тону-	Все остальное тонуло в сумраке и в моем измученном воображении.	Хармс переписывает по-

ло в сумерке и моем измученном воображении	ченном воображении.	нравившуюся ему фразу всего с одной ошибкой.
Эпизоды с разговором: Разговор с Э. о книгах (вкусы).	Ф. М. постоял у рояля и пристально посмотрел на огромного Христа Бруни, затем, крадучись, подошел ко мне, поздоровался и, обняв меня, принялся перелистывать со мной историю Фридриха Великого. <...> В выборе поименованных книг мы с ним сошлись! Он сам мне тогда же заявил об этом: «Лешечка, а ведь вкусы у нас с тобой одинакие!» [так в тексте. – Ф.К.]	
[Мер] Постановка Каменного Гостя.	[подробное описание постановки. – Ф.К.]	
Случай с Лаурой М.М.Б. (Н). «Покажите ножки».	Ф. М. Достоевский <...> подсел к М. Н. Бушен и, потрогав ее, по тем временам, «рискованно короткую» юбку, с присущей ему ехидной улыбкой, настойчиво домогался у нее, чтобы она показала ему свои ножки, говоря: «А ну-ка! Дайте, дайте мне посмотреть Ваши ножки, какие они у Вас?! Какие? Лаура».	За аббревиатурой скрывается участница спектакля в роли Лауры Мария Николаевна Бушен (в девичестве Новосельская).
Офицерская 6 кв. 31. Альелебен Оскар Оскарович.		Запись, не имеющая отношения к тексту Эйснера.
Украденная шуба.	Тетя Леля <...>, возвратясь домой, рассказывала нам, что у Федора Михайловича из передней утащили шубу. Должно быть один из посетителей под видом студента.	
Читка Братьев Карамазовых. Клоп.	Достоевский долгое время собирался читать, и вот в нашей новой квартире он решил прочесть из оконченных «Карамазовых», что именно, какую главу – я не помню.	Описание читки, во время которой Вышнеградский упал с кресла. Повторение сцены с клопом.
Приглашение в имение к Малиновским [(?)]. Розановым.	«Вы вот все ищите, Федор Михайлович, материал для дальнейших «Карамазовых», — говорила моя тетка. – А я давно Вам предлагала собрать с натуры в семействе барона Розена (декабрист, женатый на Малиновской – тетке Софьи Ивановны Штакеншнейдер).	Хармс правильно записывает «Малиновские», хотя и сомневается, и с ошибкой «Розановы» (вместо правильного Розен).
Мария Михайловна Новосельская. Бушен.		Хармс опять неправильно записывает имя. Верно: Мария Николаевна
Описание спектакля.		
Смех статуи. Очень сжатое, интересное и хорошо впечатляющее описание.	Лепорелло (Аверкиев) небольшого роста, с большим животом, отекившим лицом, крючковатым носом и хриплым голосом (это была всегдашняя особенность Дмитрия Васильевича), обращаясь к статуе Командора, производил такое комическое впечатление, что статуя затряслась.	
Падение со стула Вышнеградского. Хорошо — целые очки.	Все обошлось благополучно, и почтенный сановник с цельными очками в руках, виновато улыбаясь, с острасткою садится в подставленное ему другое кресло.	Повтор, но уже с новой деталью
Ив. Алексеевич Вышнеградский.		
Меняла Кутузов похожий на Достоевского		Запись, не имеющая отношения к тексту Эйснера.

Как видно, Хармс довольно подробно законспектировал воспоминания Эйснера. Однако интересно то, что осталось за пределами записей Хармса, но, надо полагать, не за пределами его памяти. Это окончание «Воспоминаний о Достоевском»:

«Прошло некоторое время со смерти Федора Михайловича. Вдова Достоевского переехала на новую квартиру, совсем не помню куда. Анна Григорьевна тогда начала удачно реализовывать произведения своего покойного мужа и квартира ее была хорошая, но и ее я не помню.

Одно лишь запечатлелось у меня – это угол у окна гостиной: тропические растения, финиковые пальмы поставлены так, что сразу напоминали присутствие покойника. На черном мольберте в черной раме в натуральную величину — портрет Федора Михайловича, рисованный соусом, Крамским. <...> Ушедшая в подушки, тяжелая мертвая голова покойника, его – Федора Михайловича здесь нет, он – “отошел”! Он не живой. Он умер. Закрыл глаза навеки, успокоился. Покой, покой! Вот что схватил и передал художник.

А Достоевский в жизни был “беспокойник”! Хотя он и не был, что называется, “живым”. Он был тих, незаметен... И беспокойство его было внутреннее, вечное, своеобразное!» [12; сс. 175–176].

Механика писательского мастерства, видимо, никогда не будет полностью раскрыта. Но некоторые механизмы могут быть описаны, хотя бы и на уровне гипотезы. Утверждать, что «беспокойник» Эйснера является прямым прообразом «беспокойников» Хармса будет излишне оптимистично. Но вместе с тем отрицать такую возможность, приняв во внимание тот факт, с какой бережливостью Хармс «сохранил» в своей записной книжке текст Эйснера, нельзя: оксюморон «беспокойные покойники» мог родиться у Хармса сразу во время слушания воспоминаний и затем «всплыть» в момент написания «Старухи».

Библиографический список

1. Хармс Д.И. Старуха // Полное собрание сочинений. Том 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное. СПб.: Академический проект, 1997. 504 с.
2. Токарев Д.В. Курс на худшее: абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Бекета. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 333 с.
3. Жаккар Ж.–Ф. Наказание без преступления: Хармс и Достоевский // Достоевский и XX век. В 2-х томах. Т. 1. / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 411–425.
4. Хейнонен Ю. Это и то в повести Старуха Даниила Хармса. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. 231 p.
5. Carrick N. A Familiar Story: Insurgent Narratives and Generic Refugees in Daniil Kharms's "The Old Women" // The Modern Language Review, Vol. 90. No. 3 (Jul., 1995). Pp. 707–721.
6. Селинкова Е.Я. Художник А.П. Эйсер и его коллекция акварельных копий церковного искусства Западной Грузии // Христианство в регионах мира. Вып. 2. СПб: Наука, 2008. С. 381–406.
7. Селинкова Е.Я. Фактография и антропология ранней коллекции православных артефактов А. П. Эйснера из Российского этнографического музея // Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 36–57.
8. Сборище друзей, оставленных судьбою... Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док. и исслед.: в 2 т. / [Отв. ред. В. Н. Сажин]. М.: Ладомир, 2000. Т. 2. 748 с.
9. Харджиев Н.И. Из последних записей // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri a cura di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. Padova: CLEUP, 2002. (Eurasistica: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia. 66). Pp. 49–62.
10. Ухналев Е.И. Это мое. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 256 с.
11. Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 2 / Подг. текста Ж.–Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; вступ. статья, примеч. В. Н. Сажин. СПб.: Академический проект, 2002. 416 с.
12. Эйсснер А. Из воспоминаний о Достоевском // Знамя. №11 (Ноябрь). С. 160–176.
13. Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания. Дневники. Письма / под редакцией Алексея Дмитренко, Валерия Сажина. СПб: Вита Нова, 2019. 528 с. + XXXII с.
14. Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 / М. Кузмин; предисл., подгот. и коммент. Н. А. Богомоллова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 861 с.
15. Ронен О. Персонажи-насекомые // Звезда. 2000. № 8. С. 192–199.

References

1. Kharms D.I. The old woman // Kharms D.I. Complete works. Vol. 2: Prose. Dramatic works. Author's collections. Unfinished. St. Petersburg: Academic project, 1997. 504 p.
2. Tokarev D.V. A Course for the Worst: the Absurd as a category of text by Daniil Kharms and Samuel Beckett. M.: New Literary Review, 2002. 333 p.

3. Jaccard J.–Ph. Punishment without crime: Harms and Dostoevsky // Dostoevsky and the XX century. In 2 volumes. Vol. 1 / Edited by T.A. Kasatkina. M.: IWL RAS, 2007. Pp. 411–425.
4. Heinonen J. This and that in the story The Old Woman by Daniil Kharm's. Helsinki: Helsinki University Press, 2003. 231 p.
5. Carriek N. A Familiar Story: Insurgent Narratives and Generic Refugees in Daniil Kharm's "The Old Women" // The Modern Language Review, Vol. 90. No. 3 (Jul., 1995). Pp. 707–721.
6. Selinenkova E.Y. Artist A.P. Eisner and his collection of watercolor copies of church art of Western Georgia // Christianity in the regions of the world. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka, 2008. Pp. 381–406.
7. Selinenkova E.Y. Factography and Anthropology of A.P. Eisner's Early Collection of Orthodox Artifacts from the Russian Ethnographic Museum // Bulletin of the Herzen University. 2014. No. 2. Pp. 36–57.
8. A gathering of friends left by fate... L. Lipavsky, A. Vvedensky, Ya. Druskin, D. Kharm's, N. Oleinikov: "Chinary" in texts, doc. and research: in 2 vols. / Edited by V.N. Sazhin. M.: Lodomir, 2000. Vol. 2. 748 p.
9. Khardzhiev N.I. From recent recordings // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri a cura di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. Padova: CLEUP, 2002. (Eurasistica: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia. 66). Pp. 49–62.
10. Ukhnaiev E.I. This is mine. M.: AST: CORPUS, 2013. 256 p.
11. Kharm's D.I. Notebooks. Diary: In 2 books. Book 2 / Subg. of the text of J.–Ph. Jaccard and V.N. Sazhin; intro. article, note by V.N. Sazhin. St. Petersburg: Academic Project, 2002. 416 p.
12. Eisner A. From the memories of Dostoevsky // The Znamya. No. 11 (November). Pp. 160–176.
13. Daniil Kharm's through the eyes of contemporaries: Memoirs. Diaries. Letters / Edited by Alexey Dmitrenko, Valery Sazhin. St. Petersburg: Vita Nova, 2019. 528 p. + XXXII p.
14. Kuzmin M.A. Diary 1908–1915 / M. Kuzmin; preface, subg. and comments by N.A. Bogomolov and S.V. Shumikhin. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2005. 861 p.
15. Ronen O. Insect characters // Zvezda. 2000. No. 8. Pp. 192–199.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811.161 81.374.82

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.79.56.015

*Институт лингвистических исследований Российской академии наук в г. Санкт-Петербурге
канд. филол. наук, научный сотрудник
Андрианова Д. В.
Россия, г. Санкт-Петербург, тел. +7 999 205 75 93
e-mail: yakonukdar@yandex.ru*

*Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences in St.-Petersburg
PhD Researcher
Andrianova D.V.,
Russia, Saint-Petersburg, +7 999 205 75 93
e-mail: yakonukdar@yandex.ru*

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного
Игнатъева Н. Д.
Россия, Санкт-Петербург, тел. +7 921 409 64 95
e-mail: nataliagasheva@yandex.ru*

*Herzen State Pedagogical University
PhD Senior lecturer
Ignatyeva N.D.,
Russia, Saint-Petersburg,
+7 921 409 64 95
e-mail: nataliagasheva@yandex.ru*

Д.В. Андрианова, Н.Д. Игнатъева

ДИАДА ГОЛОД-СЫТОСТЬ КАК ОДНА ИЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (НА БАЗЕ ПОСЛОВИЧНОГО ФОНДА)*

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремнологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)*

В статье представлен аксиологический статус пословичной диады «голод – сытость» как одной из доминант восточнославянской лингвокультуры на материале русского, белорусского и украинского языков, выявлены общие константы, а также проанализированы особенности репрезентации и оценки этих понятий в пословицах каждого из языков. Актуальность исследования определяется необходимостью объективного лингвоаксиологического описания и установления истинного соотношения общего и различного в восточнославянском паремнологическом пространстве. Новизна исследования видится в обращении к новому, неразработанному материалу картотеки составляемого в настоящий момент под руководством проф. В.М. Мокиенко «Аксиологического словаря русских, белорусских и украинских пословиц». Для семантизации восточнославянских пословиц был использован описательно-аналитический метод, а для учета специфики межэквивалентности паремий родственных славянских языков – сопоставительный метод. На основании анализа паремийного фонда доказано, что, в отличие от лексического значения словарного определения понятия *голод*, имеющего выраженный негативный характер, аксиологическая градация пословичной диады «голод – сытость» более обширна и многогранна: от отрицательной *голод* как следствие лени, пьянства и глупости, который доводит до смерти и толкает на преступление, до положительной оценки *Голода* в значении силы, побуждающей человека к решительным действиям, учащей жизни. В ходе последовательного раскрытия паремийного аксиологического потенциала диады «голод – сытость» удалось также выявить специфику восточнославянских пословиц: грамматическая вариативность вносит новую образность за счёт продуктивной вокативной формы в украинском языке (*Дай, голоде, хліба*); лексическое варьирование самых доступных продуктов питания (*С голоду и оладьи в честь; Голодному й вівсяник добрий; Галодны і гнілой бульбіне рад*) иллюстрирует лингвокультурологическую особенность восточнославянских паремий. Сытость же, напротив, вопреки нейтральному словарному толкованию, в пословицах приобретает отрицательную оценку и характеризуется отсутствием эмпатии, жестокосердечностью, скупостью. (*Сыт голоду не разумеет; Сытое брюхо к работе туго*). Данное исследование показало, что во всех трех языках прослеживается смысловое единство в неоднозначной оценке диады «голод – сытость». В то же время проведенный сопоставительный анализ доказывает проявление частных особенностей в тематических вариантах компонентов общих по модели и значению пословиц каждого из языков. Именно в этих вариантах прослеживается лингвокультурологическая специфика русских, украинских и белорусских паремий. Материалы проекта «Аксиологического словаря русских, белорусских и украинских пословиц» позволили

представить пословичную диаду «Голод – сытость» во всей полноте ее значений и оценить ее аксиологический статус.

Ключевые слова: восточнославянская паремиология, пословицы, аксиология, голод, сытость.

D.V. Andrianova, N.D. Ignatieva

THE HUNGER-SATIETY DYAD AS ONE OF THE AXIOLOGICAL DOMINANTS OF EAST SLAVIC LINGUOCULTURE (BASED ON THE PROVERBIAL FUND)*

**The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00091 "The world of the Eastern Slavs in a paremiological interpretation: axiological dominants and their linguoculturographic representation", implemented at St. Petersburg State University)*

The article presents the axiological status of the proverbial dyad "Hunger - Satiety" as one of the dominants of the East Slavic linguistic culture based on the material of the Russian, Belorussian and Ukrainian languages, reveals common constants, and analyzes the features of the representation and evaluation of these concepts in the proverbs of each language. The relevance of the study is determined by the need for an objective linguo-axiological description and the establishment of a true correlation of the common and different in the East Slavic paremiological space. The novelty of the study is seen in the appeal to the new, undeveloped material of the compiled at the moment under the guidance of prof. V.M. Mokienko "Axiological Dictionary of Russian, Belarusian and Ukrainian Proverbs". The descriptive-analytical method was used to semantize the East Slavic proverbs, and the comparative method was used to take into account the specifics of the inter-equivalence of the proverbs of cognate Slavic languages. Based on the analysis of the proverb's fund, it was proved that, in contrast to the lexical meaning of the dictionary definition of hunger, which has a pronounced negative character, the axiological gradation of the proverbial dyad "Hunger - Satiety" is more extensive and multifaceted: from negative Hunger as a result of laziness, drunkenness and stupidity, which leads to death and pushes to crime, to a positive assessment of the Hunger in the meaning of power, prompting a person to decisive actions, teaching life. In the course of the disclosure of the Hunger - Satiety dyad's proverb's axiological potential, it is also possible to identify the specifics of East Slavic proverbs: grammatical variation introduces a new imagery due to the productive vocative form in the Ukrainian language (*Дай, голоде, хліба*); the lexical variation of the most affordable food products (*С голоду и олады в честь; Голодному й вівсяник добрий; Галодны і гнілой бульбіне рад*) illustrates the linguistic and cultural peculiarity of the East Slavic proverbs. Satiety, on the contrary, in spite of the neutral vocabulary interpretation, in the proverbs gets a negative assessment and is characterized by a lack of empathy, hard-heartedness, unwillingness to help the needy, avarice (*Сит голоду не разумее; Сытое брюхо к работе туго*). This study showed that in all three languages there is a sense of unity in the ambiguous assessment of the dyad "Hunger - Satiety". At the same time, the conducted comparative analysis proves the manifestation of particular features in thematic versions of the components that are common in the model and meaning of the proverbs of each language. It is in these variants that the linguoculturological specificity of the Russian, Ukrainian, and Belarusian proverbs is traced. The materials of the project "Axiological Dictionary of Russian, Belarusian and Ukrainian Proverbs" made it possible to present the proverbial dyad "Hunger - Satiety" in its entirety and to evaluate its axiological status.

Keywords: East Slavic paremiology, Proverbs, axiology, hunger, satiety.

Различные жанры и формы фольклора традиционно считаются кладом народной мудрости, который аккумулирует опыт поколений, отраженный языком. Особенность пословиц и их задача, как представляется, заключена в их оценочности по отношению к изображаемым ими явлениям. Именно поэтому для определения аксиологического статуса того или иного феномена лингвокультуры пословицы представляют особый интерес.

Общеизвестно, что практически у каждой пословицы есть ее аксиологический антипод [1; с. 10-12] (в частности, эта особенность пословиц лежит в основе концепции «Аксиологического фразеологического словаря русского языка» Л.К. Байрамовой). В исследованиях, проведенных на недостаточном количестве материала, эта амбивалентность нередко не позволяет исследователю выйти за рамки субъективных и часто ошибочных гипотез относительно оценки того или иного явления в паремиологии. Именно поэтому важно привлекать для анализа максимально полный пословичный материал, включающий диалектные единицы, а также единицы ареально близких и родственных языков. Материалом для настоящего исследования послужила картотека составляемого в настоящий момент под руководством проф. В.М. Мокиенко «Аксиологического словаря русских, белорусских и украинских пословиц».

В статье предпринимается попытка оценить аксиологический статус пословичной диады «голод – сытость» как одной из доминант восточнославянской лингвокультуры на материале русского, белорусского и украинского языков, выявить общие константы, а также проанализировать особенности репрезентации и оценки этих понятий в пословицах каждого из языков.

При анализе лингвокультурологической специфики паремий особое внимание будет уделено вариативности пословиц, поскольку, как отмечает Е.И. Селиверстова, компонентная вариативность обусловлена различными культурными кодами конкретных языков, а «вариантные замены во многих паремиологических единицах основываются на национально-культурных ассоциациях» [2; с. 22].

Согласно словарному определению понятия *голод* (Голод 1. Острое ощущение потребности в пище, сильное желание есть. 2. Отсутствие или крайний недостаток хлеба и вообще продуктов питания как массовое бедствие в результате неурожая, войны и других причин (в отношении страны, края, населенного места и т. п.) [3; с. 226–228]) оба его лексических значения имеют выраженный негативный характер, констатируя отсутствие жизненно необходимого – пищи, и таким образом коррелируют с пределом аксиологической шкалы – смертью. Словарная дефиниция дает объективное, но и одномерное представление об этом понятии. Сытость, противопоставленная понятию голода, напротив, оценивается положительно.

Специфика концептов *голод* и *сытость* в общекультурном контексте, согласно определениям «Словаря русской ментальности» [4; т.1, с. 163; т.2, с. 369], заключается в том, что они определяются не только и даже не столько в физическом, сколько в духовном плане. И с этой точки зрения понятия голода и сытости аксиологически меняются местами: духовный голод оценивается в русской лингвокультуре положительно, в то время как сытость, напротив, характеризуется отрицательно. При этом сама аксиологическая одномерность для диады сохраняется. Для нашего исследования такой взгляд на исследуемые понятия особенно значим, поскольку в материале русского, украинского и белорусского языков отсутствуют пословицы, в которых бы голод и сытость рассматривались в аспекте духовной или интеллектуальной жизни. В пословицах речь всегда идет именно о физическом голоде или сытости, хотя и в метафорическом смысле. Возможно, это подтверждает народное отношение к пище и её разновидностям как преимущественно материальному объекту (см. монографию И.С. Лутовиновой «Слово о пище русской» [5], а также «Словарь русской пищевой метафоры» Е.А. Юриной [6, 7]), который сам по себе становится «основой концептуализации мира» и представляет «один из важнейших этнических модулей, посредством которого люди выстраивают свой национально специфический образ мира» [8; с. 211]. В отличие от лексического и культурологического, пословичное отражение голода, рассматриваемое в настоящей статье, многомерно в том числе и аксиологически.

Анализируя аксиологическую градацию пословичного *голода*, логично начать с ее нижнего, отрицательного предела – голода, граничащего с небытием, смертью:

Рус.: **Владеет городом, а помирает голодом** (Материалом русских пословиц для настоящего исследования послужила картотека нового издания «Большого словаря русских пословиц» [9], над которым в настоящее время ведется работа под руководством проф. В. М. Мокиенко, поэтому в настоящей статье с целью экономии места не указываются многочисленные словарные источники.), **В миру голодом не погибнешь, Лучше среди своих с голоду помирать, чем среди чужих золото собирать** и др.

Особенно явно мотив смерти от голода прослеживается в пословицах, противопоставляющих богатых и бедных через метафору голода и сытости:

Белорус.: **Пакуль сыты ссохне, то худы здохне** [10. Т. 1. С. 419], **пакуль сыты схуднее, то худы прападзе** [10, т. 1, с. 419].

Укр.: **Одному аж горлом вертає, а другий з голоду здихає** [11; т. 1, с. 305].

Одновременно с констатацией объективной причинно-следственной связи голода и смерти во многих пословицах голод выступает как следствие лени, нерадивости, которая и доводит человека до голодной смерти:

Рус.: **Кто потеет на ниве да молится Богу в клети, тот с голоду не умрёт, На ниве потей [в клети молись,] – с голоду не помрешь, Будешь гулять смолоду – старый умрешь с голоду, Зары́вной да непьющий с голоду не умрёт** (Вят. где *зары́вной* – ‘задиристый, со своевольным характером’), **Иван в дудку играет, а семья с голоду умирает, работать не станешь, ноги с голоду протянешь.**

Белорус.: **Хто працуе, з голаду не ўмрэ** [10; т. 1, с. 165], **Хто поле троіць, той хлеб кроіць** [10; т. 1, с. 124], **Хто добра арэ, жне і косіць, той есці не просіць** [10; т. 1, с. 124], **Той галодзен не ходзіць, хто арэ і скародзіць** [10, т. 1, с. 119], **Хто не лянуецца туптаць, той мае што хруптаць** [10; т. 1, с. 165].

Укр.: **Звикай до діла змолоду, не будеш знати на старість голоду** [11, т. 1, с. 294], **Працюй змолоду, аби не згинув з голоду** [11, т. 1, с. 284].

Отрицательно заряженной триаде «лень – голод – смерть» в ряде пословиц противопоставляется положительная оценка сытости и достатка как следствия усердного труда:

Рус.: **Кто работает, тот сыт, Не работая, сыт не будешь, Работай – сыт будешь, молись – спасёшься, терпи – взмилуются, Работай – сыт будешь, учись – умён будешь, Летом собирать – зимой сыту быть.**

Белорус.: **Добра парабатаеш – добра паспіш і пад'ясі** [10, т. 1, с. 182], **Паносіш мазалёў – паядаеш і хлеба** [10, т. 1, с. 166].

Укр.: **Труд кормить, а лён портить** [11, т. 1, с. 288], **Хоч гірко зароблю, але солодко з'їм** [11, т. 1, с. 277], **Хто не працює, той голод чус** [11, т. 1, с. 290], а) **Хто не працює, той не їсть**; б) **Хто не робить, той не їсть** [11, т. 1, с. 290].

Еще один аспект голода и сопутствующей ему нищеты, которые отражены и порицаемы в контексте пословиц, – потенциальная готовность голодного человека переступить грани социально дозволенного, даже совершить преступление, поскольку голод оказывается сильнее голоса совести, стыда, нравственных установок и закона:

Рус.: **голод и лгёт, и крадёт, Голодный, и владыка (и патриарх) хлеба украдёт, Нужда лиха, да и голод не тётка, а голодный и архиерей украдёт.**

Укр.: **Голод стиду не знає** [11, т. 1, с. 304], **Голод не пошанує ніякого закона** [11, т. 1, с. 303], **Голод злим провідником буває, бо людей до в'язниці пхає** [11, т. 1, с. 302], **Голод на добро не навчить** [11, т. 1, с. 303], **Голодному не попадайся під руки** [11, т. 1, с. 303], **Голод і бреше і краде** [11, т. 1, с. 302].

Белорус.: **Голад і лжэць і крадзець** [10, т. 1, с. 218], **Голад і лгар і злодзей** [10, т. 1, с. 218], **голад крадзе і мусіць** [10, т. 1, с. 218], **калі кішкі не напруш, то і чужыя вароты адапруш** [10, т. 1, с. 221], **тагды прышоў стыд, як стаў сыт** [10, т. 1, с. 426], **Стаў сыт, дак і ўзяў стыд** [10, т. 1, с. 426], **Стаў сыт, пазнаў стыд** [10, т. 1, с. 426], **Маючы стыд, не будзеш сыт** [10, т. 1, с. 426].

Целый ряд пословиц и их вариантов указывает на связь голода с унижительным положением человека, вынужденного просить о помощи, подаянии, нищенствовать:

Рус.: **Будет голод, появится и голос, Голод научит говорить.**

Белорус.: **Возьме голад – паявіцца голас** [10, т. 1, с. 166], **Пройме голад – праявіцца голас** [10, т. 1, с. 166].

Укр.: **В кулак трубити з голоду** [11, т. 1, с. 302], **Голоде, дай їсти** [11, т. 1, с. 302], **Дай, голоде, хліба** [11, т. 1, с. 304]. В последних двух примерах наличие продуктивной вокативной формы в украинском языке дает возможность выразить паремийный смысл по-иному и придать ему новую образность.

Обращает на себя внимание пейоративность в пословицах, связанная с насмешкой, пренебрежительным отношением к голодным. Вне пословичного контекста эта специфическая особенность может быть понята как жестокость, однако при анализе большого паремийного массива становится понятно, что голод в этом случае выступает метонимической репрезентацией бедности как следствия неправильного образа жизни, безделья, пьянства и т.п. Таким образом, через понятие голода высмеиваются социально порицаемые явления:

Рус.: **С голодным бараном не бодайся [с обиженной тещей не спорь], Нем, да своё ем; а речист, да не плечист – голодный сидит, Летом нагуляешься, зимой наголодаешься, Наготы, босоты – изувешаны шесты; холоду, голоду – амбары полны, Модная, зато голодная, Кто надеется на манну небесную, тот ложится спать голодным, День – колобок, да два – голоден ('о людях, которые живут нерасчетливо'), Голодный – что бешеный: во все двери суётся, Губа толще – в брюхе тоньше ('о человеке, который дует губы, капризничает и потому остается голодным').**

Пословицы о голоде часто носят характер предостережения, обращают внимание на то, что голод – непреклонная, внемлющая сила, с которой нельзя сговориться:

Рус.: **Голод не тётка, Голод не тётка, душа не сосед, Голод не тётка, а брюхо не лукошко, Голод не тётка, мороз – не свой брат, Голод не тётка: пирогами не кормит, Голод не тетка – блины не поднесет, Голод не тётка: калачика не подложит, Голод не тетка – не прокормит, Голод не тётка – за ворота не выкинешь, Голод не тётка – заставит заговорить, Голод не тётка – заставит работать, Голод не тётка – не терпит.**

Белорус.: Голад не цётка [10, т. 1, с. 218], Голад не цётка, з'есць, што папала [10, т. 1, с. 218], Голад не цётка, паглядзяць ды з'ядзяць [10, т. 1, с. 218], Голад не дзядзіна, з'ясі і крадзена [10, т. 1, с. 218], Голад не свой брат [10, т. 1, с. 218].

Укр.: Голод – не тітка [11, т. 1, с. 303], Голод – не тітка, душа – не сусід [11, т. 1, с. 303], Голод – не тітка, пиріжка не дасть [11, т. 1, с. 303], Голод – не тітка, а лютої мачухи лютіший [11, т. 1, с. 303], Голод – не свій брат [11, т. 1, с. 303], Голод – не брат [11, т. 1, с. 303], Голод – не батько і не мати [11, т. 1, с. 303], Голод – не тітка, найми – не свій брат [11, т. 1, с. 303].

В данной подгруппе обращает на себя внимание лексическая вариативность, представленная в образе «кормильца» или «кормилицы»: *тётки, брата* – в русском, а также *дяди (дзядзіна)* – в белорусском, в украинском языке добавляется еще *мать (мати)* и отец (*батько*). В украинском и русском вариантах наряду с родственными персонажами мы находим и неродственного *соседа*: *Голод не тётка, душа не сосед; Голод – не тітка, душа – не сусід*. Этот ряд примеров иллюстрирует роль украинского и белорусского паремиологических материалов в выявлении или уточнении исходной формы, а также значения пословицы или поговорки. Как отмечает В.М. Мокиенко, мобильный компонентный состав данной паремиологической модели (Голод – не *кто*) не допускает её возведения к единственному конкретному источнику [12]. К данной основе (*Голод – не тётка / цётка / тітка*) постепенно добавлялись эксплицитные варианты, объясняющие, почему *голод – не тётка, не кума, не свой брат, не сват, не батько і не мати, не дзядзіна и не сосед*, которые могли бы накормить. По пути развёртывания паремий из меньшей единицы в большую прошли многие славянские фразеологизмы и пословицы [13. С. 126-156]. И пословица *Голод не тётка* – ещё один пример активности процесса эксплицирования в славянской паремиологии.

Вместе с тем пословицы отражают стоическое отношение бедняков к ограниченному количеству пищи как неприятному, но достаточно привычному явлению, которое, если и не является нормой, то не воспринимается как нечто из ряда вон выходящее, о чем свидетельствуют в том числе этнографические данные [см. 14. С. 18]:

Рус.: В мужике сызмальства долготерпение сильнее голода, Только мухи живут без голода, Голодом не сижу, голая не хожу, Досыта не наедаемся, а с голоду не умираем, Досыта не накормим, а голодом не уморим, Сыто не едят и голодом не сидят, Сыты не бываем, и с голоду не умираем, Сыты не бываем, и с голоду не умираем, Не миновать – к голоду привыкать. – Привыкнем, как не квыкнем.

Белорус.: . Хоць янотавай шубы не нажывём, дык жа з голаду не памром [10, т. 1, с. 221].

Пословицы обращают внимание на то, что голодный человек становится менее привередливым, довольствуется малым, рад и той пище, которую не стал бы есть в другое время, и тому, что обычно в пищу не употребляется:

Рус.: С голоду и оладьи в честь, С голоду Маланье и оладьи в честь, С голоду Малашке и алашки в честь, С голоду и черный хлеб – пряник, С голоду хлебная корка слаще пирога, Голод проймёт, станешь есть, что Бог даёт, Голод доспеет сырой боб слажен, С голоду – что б ни попалю, И недопёкши едят, да сыты бывают.

Белорус.: Галоднаму ваўку і заўверта па нутру [10, т. 1, с. 220], Галоднаму жывату і пушынка па нутру [10, т. 1, с. 231], Тошчаму жывату і пушынка па нутру [10, т. 1, с. 231], Галоднаму і пушынка (пушнінка) – малінка [10, т. 1, с. 231], Галоднаму ўсё смакуе [10, т. 1, с. 220], На галодны зуб усё смачна [10, т. 1, с. 220], На галодны зуб і гэта харашо [10, т. 1, с. 220], Галодны з'еў бы каня з капытамі [10, т. 1, с. 220], Хоць сабачына, было б вока не бачыла [10, т. 1, с. 220], Галодны прысмакаў не пытае [10, т. 1, с. 220], Будзе смачна, як духі падвядзе [10, т. 1, с. 220], З'ясі і кісялёвых выжымак, як будзеш галодны [10, т. 1, с. 220], Пячоной рэдзькі з'ясі, калі выгаладаешся [10, т. 1, с. 220], Галоднаму Фядоту і шчаўе ў ахвоту [10, т. 1, с. 220], Галодны і гнілой бульбіне рад [10, т. 1, с. 220], Галодны француз і вароне рад [10, т. 1, с. 506], Галоднаму асцюлкі (асцюкі) не колюцца [10, т. 1, с. 232], Галодныя зубы асцюкоў не чуюць [10, т. 1, с. 232], Галоднаму і лустка смашна [10, т. 1, с. 234], У голад і нішчымнае смачна есці [10, т. 1, с. 243], Такі галодны, што сабаку з'еў бы [10, т. 1, с. 219].

Укр.: Голодному й вівсяник добрий, Голодному і хрущ м'ясо, Голодному й опеньки м'ясо [11, т. 1, с. 304], Хто голодний, тому і вівсяний хліб смакує [11, т. 1, с. 306], Голодному здається кожен хліб за булку [11, т. 1, с. 304], Як зголодніє, то буде й печену ріпу їсти [11, т. 1, с. 306], Голодне їсть і холодне [11, т. 1, с. 303].

В этом ряду пословиц голод уже не выступает как нечто фатальное, стоящее на границе жизни и смерти. Здесь он, скорее, предстает как некое препятствие, нечто, требующее преодоления, отступления от привычной нормы, то, что делает человека более жизнестойким.

Замена дефицитных или просто повседневных продуктов питания более доступными аналогами иллюстрирует в данном случае лингвокультурологическую специфику восточнославянских паремий. Варьирование некоторых единиц *олады, алашки, сырой боб* (русск.); *вивсяник, печена ріпа* (укр.); *гнилая бульбіна, кісялёвы выжимок, пяхоная рэдзька* (белор.) связано с различными способами замены хлеба у русского, украинского и белорусского народов: выпечка тонких блинов, замена ржаной муки овсяной, добавляемой в обычное время лишь в корм скоту; корнеплоды, еще и не всегда свежие; ягодный жмых и другое [14. С. 6].

Несмотря на семантическую удаленность данных варьирующихся компонентов вне пословичного контекста основанием для вхождения этих слов в вариантный ряд являются их определенные коннотации, ассоциативные связи, оформившиеся в общефольклорном пространстве. За счет этого происходит нейтрализация их дифференцирующих признаков, и слова приобретают статус межъязыковых идеографических синонимов [15. С. 118].

Отдельную объемную группу составляют пословицы, изображающие человека, не способного от голода сосредоточиться ни на чем другом, кроме еды:

Белорус.: **Сытай куме ўсё юр на ўме** [10, т. 2, с. 111], **Галоднаму і ў галаву нішто не ідзе** [10, т. 1, с. 219], **Галоднаму хлеб на ўме** [10, т. 1, с. 219], **Галоднаму хлеб у галаве** [10, т. 1, с. 219], **Што каму на ўме, а галоднаму хлеб** [10, т. 1, с. 219], **Каму што, а галоднаму хлеб** [10, т. 1, с. 219], **Галоднай куме хлеб на ўме** [10, т. 1, с. 219], **Дурной куме ўсё хлеб на ўме** [10, т. 1, с. 219], **Галоднай куме пірагі на вуме** [10, т. 1, с. 219], **Галоднай куме сала на ўме** [10, т. 1, с. 219], **Галоднаму на ўме хлеб, а п'янаму хмель** [10, т. 1, с. 219], **Галоднай курцы зярнятка на думцы** [10, т. 1, с. 220], **Усё забудзеш, калі хлеба не здабудзеш** [10, т. 1, с. 221], **Сыты лічыць зоры ў небе, а галодны мае думку аб хлебе** [10, т. 1, с. 413].

Укр.: **Голодному наука не в голові** [11, т. 1, с. 304], **Голодному не до танцю** [11, т. 1, с. 304], **Голодному світ не милий** [11, т. 1, с. 304], **Голодний качці все зерно на гадці** [11, т. 1, с. 304], **Голодний кумі лиш хліб на умі** [11, т. 1, с. 303], **У неголодного на думці гульня, а в голодного – обід** [11, т. 1, с. 305], **Циган помер з голоду межі двома хлібами** [11, т. 1, с. 306], **Голодному все хліб сниться, як цигану сало** [11, т. 1, с. 304], **Голодному цигани сняться** [11, т. 1, с. 304].

Нельзя не отметить отразившийся в последних двух пословицах этнический стереотип. Восприятие цыгана, как и любого другого чужеземца, в восточнославянском народном сознании (как и в общеевропейском) «связано с этнокультурными стереотипами, которые формируются фольклорно-мифологическим сознанием и бытуют в системе традиционной культуры, причем в их оценочном компоненте преобладает негативное отношение к представителям иных этносов и конфессий» [2. С. 13].

И, наконец, уместно выделить группу пословиц, в которых голод аксиологически оценивается скорее положительно, чем отрицательно, поскольку выступает как побудительная сила, заставляющая человека взяться за ум, начать действовать:

Рус.: **Голод не свой брат: научит калачи есть, Голод не свой брат: уму-разуму научит, Голод научит говорить, Голод не пучит, а легко ходить научит, Голод живота не пучит, а (и) легко ходить научит, Голод учит**.

Белорус.: **Няма лепшае навукі, як голад** [10, т. 1, с. 218], **Прагаладаешся – хлеба дастаць здагадаешся** [10, т. 1, с. 166], **Як прагаладаешся, то яду дастаць дагадаешся** [10, т. 1, с. 166], **Мацей, успацей, калі хлеба захацей** [10, т. 1, с. 167]; **Голад у свет гоніць** [10, т. 1, с. 218].

Укр.: **Голод розуму учить** [11, т. 1, с. 304], **Проголодаєшся – хліба дістати догадаєшся** [11, т. 1, с. 305], **Голод у світ гонить** [11, т. 1, с. 304], **Голод за море гонить** [11, т. 1, с. 302], **Голодний все поле перебіжить** [11, т. 1, с. 303].

Отметим также, что состояние сытости в пословичном контексте в большинстве случаев оценивается отрицательно, вопреки лишенному оценочности словарному толкованию «1. Вполне утоливший свой голод»; «3. *Перен.* Не знающий нужды, живущий в достатке (обычно в противопоставлении бедности, нужде)» [16; с. 682], пословичная сытость характеризуется отсутствием эмпатии, жестокосердечностью, нежеланием помочь нуждающемуся, скупостью:

Рус.: **Сыт голоду не разумеет** (где *Голод* – 'голодный человек'), **Сытый голодного не поймёт, Поймёт, коли голод проймёт, Сытый голодного, а богатый бедного не знает, Сытый голод-**

ному не верит, Сытый по голодному не плачет, Сытый голодного не знает, Был молод – сам знал голод, а отъелся – и позабыл, Сытое брюхо к страданиям глухо.

Белорус.: Сыт голаду не разумеєць [10, т. 1, с. 427], Сыты галоднаму не раўня [10, т. 1, с. 427], Сыты галоднаму не кампаня [10, т. 1, с. 427], Сыты галоднаму не верыць [10, т. 1, с. 427], Сыты галоднаму не спагадаець [10, т. 1, с. 427], Сыты галоднага не знаець [10, т. 1, с. 427];

Укр.: Ситий голодного не розуміє [11, т. 1, с. 304], Ситий голодного не розуміє і з нього сміється [11, т. 1, с. 304], Ситий голодного не розуміє, а старий молодого [11, т. 1, с. 304], Ситий голодного не питає [11, т. 1, с. 304], Ситий голодному не брат [11, т. 1, с. 304], Ситий голодному не товариш [11, т. 1, с. 304], Ситий з голодним не братається [11, т. 1, с. 304], Голодному ситий не товариш [11, т. 1, с. 304], Ситий голодного не розуміє, а багатий – бідного [11, т. 1, с. 306], Ситий голодному не вірить [11, т. 1, с. 306], Ситий голодному не вірить, бо його жолудка не мірить [11, т. 1, с. 306], Ситий голоду не вірить [11, т. 1, с. 306], Ситий голодного не спогадає [11, т. 1, с. 305], Довго голодний нагинається, поки ситий здогадається [11, т. 1, с. 305], Ситий голодного не знає [11, т. 1, с. 306].

Кроме того, сытый в пословичном контексте в отличие от голодного не способен к развитию:

Рус.: Сытое брюхо к работе туго, Сытое брюхо к ученью (учению) глухо, Сытое брюхо к ученью туго, Сытое брюхо на ученье глухо, Сытому брюху противны науки.

Вне пословичного контекста в рассказах людей о пережитом голоде как массовом бедствии «голоду как жизненному событию присваивается высокий аксиологический статус: на одну ступень помещаются голод и война, а отсутствие голода становится единственным и достаточным условием для продолжения жизни» [17]. Важно отметить, что в пословичном контексте голод почти всегда следует понимать в первом словарном значении, т.е. как субъективное переживание, личный опыт человека, причем чаще всего, что, по-видимому, характерно для паремии вообще, пословичный голод соотносится не с говорящим, а с неким третьим лицом, посторонним, о чем свидетельствуют синтаксические конструкции с глаголом в форме 2-го или 3-го лица). Предположим, что отчасти поэтому становится возможна более отстраненная оценка голода как периода в жизни человека, позволяющая в том числе и ироничные формулировки, и более свободные аксиологические трактовки объективно трагической ситуации.

В заключение анализа аксиологического потенциала концептов голод и сытость в восточнославянских пословицах отметим, что во всех трех языках прослеживается смысловое единство и общность в неоднозначной оценке этого явления. В то же время при сопоставительном анализе особенно выпукло проявляются частные особенности в тематических вариантах компонентов общих по модели и значению пословиц каждого из языков. Очевидно, именно в этих вариантах прослеживается лингвокультурологическая специфика русских, украинских и белорусских паремий. Исследование данной вариативности дает возможность, с одной стороны, расширить представления о восточнославянской культуре, а с другой – провести историко-этимологический анализ и выявить исходную форму той или иной пословицы. Материалы проекта «Аксиологического словаря русских, белорусских и украинских пословиц» позволили представить пословичную диаду «голод – сытость» во всей полноте ее значений, оценить ее аксиологический статус, а также обеспечили выявление культурной специфики содержания пословиц. Все это поможет обогатить наши представления о русских, украинских и белорусских национальных особенностях, а также о лингвокультурологическом потенциале самого паремийного фонда.

Библиографический список

1. Байрамова Л.К. Пословицы в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей» // Вестник Новгородского государственного университета. Новгород. 2014. № 77. С. 10-12.
2. Селиверстова Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность: лингвистический аспект : автореферат дис. ... доктора филологических наук. СПб, 2010. 47 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 3: Г–Е / Под ред. С. Г. Бархударова и др. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954.
4. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А–О. СПб: Златоуст, 2014. 592 с. Т. 2. П–Я. СПб: Златоуст. 592 с.
5. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. 2-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 280 с.
6. Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры : Блюда и продукты питания. – Т.1.– Томск, 2015. 425 с.

7. Юрина Е.А. Словарь русской пищевой метафоры : Гастрономическая деятельность. Т.2. Томск, 2017. 544 с.
8. Юрина Е.А. «Пищевая метафора»: Объем и границы понятия. Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово. 2015. № 3 (63). С. 207-212.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
10. Грынблат М. Я. Прыказкі: Прыказкі і прымаўкі. Кн. 1-2. Мінск, 1976. Кн. 1 559 с.; кн. 2. 616 с.
11. Пазяк М. М. Прислів'я та приказки / Упорядник. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини, 1989. – Киев : Наукова думка. 479 с.
12. Мокиенко В. М. Русско-украинские параллели в паремиологических собраниях Петровского времени. Материалы Международной научной конференции «Фразеология в контексте смежных наук», 12 – 14 октября 2020 г. в Ужгородском национальном университете (г. Ужгород, Украина) (в печати).
13. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие / В. М. Мокиенко. М.: Высшая школа, 1989. 286 с.
14. Морозов И.А. Пища «богатая» и «бедная»: пищевые маркеры социокультурных иерархий. Этнографическое обозрение 2012, № 5, с. 13-23.
15. Селиверстова Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве : стабильность и вариативность : лингвистический аспект : диссертация ... доктора филологических наук. СПб, 2010. 421 с.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд. М.: Рус. Яз., 1984. 797 с.
17. Власкина Н.А. Языковой концепт "голод" в донских говорах. URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/history/1920-1989-ussr/yazykovoy-kontsept-golod-v-donskikh-govorakh/> (дата обращения 04.07.2020).

References

1. Bayramova L.K. Proverbs in the "Axiological phraseological dictionary of the Russian language: dictionary of values and anti-values" // Bulletin of the Novgorod State University. Novgorod. 2014. No. 77. pp. 10-12.
2. Seliverstova E.I. Russian proverb in the paremiological space: stability and variability: linguistic aspect : abstract of the dissertation. ... Doctor of Philological Sciences. St. Petersburg, 2010. 47 p.
3. Dictionary of Modern Russian literary language: In 17 vols. 3: G–E / Edited by S. G. Barkhudarov et al. M.–L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954.
4. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A. Dictionary of Russian mentality. In 2 t. t. 1. A–O. St. Petersburg: Zlatoust, 2014. 592 p. T. 2. P–Ya. St. Petersburg: Zlatoust. 592 p.
5. Lutovinova I.S. The word about Russian food. 2nd ed., reprint of St. Petersburg: "Avalon", "ABC-classics", 2005. 280 p.
6. Yurina E.A. Dictionary of Russian food metaphor: Dishes and food. – Vol.1.– Tomsk, 2015. 425 p.
7. Yurina E.A. Dictionary of Russian food metaphor: Gastronomic activity. Vol.2. Tomsk, 2017. 544 p.
8. Yurina E.A. "Food metaphor": The scope and boundaries of the concept. Bulletin of Kemerovo State University. Kemerovo. 2015. No. 3 (63). pp. 207-212.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Big dictionary of Russian proverbs. M.: CJSC "OLMA Media Group", 2010. 1024 p.
10. Grynblat M. Ya. Prykazki: Prykazki i prymauki. Books 1-2. Minsk, 1976. Book 1 559 p.; book 2 616 p.
11. Pazyak M. M. Posliv' ya ta orders / Uporyadnik. Vol. 1. Nature. Gospodarska dyalnist ludini, 1989. Kiev : Naukova dumka. 479 p.
12. Mokienko V. M. Russian-Ukrainian parallels in paremiological collections of Peter the Great time. Proceedings of the International Scientific Conference "Phraseology in the context of Related Sciences", October 12-14, 2020 at Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine) (in print).
13. Mokienko V. M. Slavic phraseology: textbook. manual / V. M. Mokienko. M.: Higher School, 1989. 286 p.
14. Morozov I.A. Food "rich" and "poor": food markers of socio-cultural hierarchies. Ethnographic Review 2012, No. 5, pp. 13-23.
15. Seliverstova E.I. Russian proverb in the paremiological space : stability and variability : linguistic aspect : dissertation ... Doctor of Philological Sciences. St. Petersburg, 2010. 421 p.
16. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Edited by N. Y. Shvedova. 16th ed. Moscow: Rus. Yaz., 1984. 797 p.
17. Vlaskina N.A. The linguistic concept of "hunger" in the Don dialects. URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/history/1920-1989-ussr/yazykovoy-kontsept-golod-v-donskikh-govorakh/> / (accessed 04.07.2020).

УДК 82-91/087.6

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.26.87.016

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Денисова М.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor*

*M. A. Denisova
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

М.А. Денисова

ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА КУЛИНАРНОЙ КНИГИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена одному из перспективных направлений современной филологической науки – анализу синтетических текстов. Актуальность настоящего исследования обусловлена появлением разнообразных кулинарных книг, которые делают очевидным не только интерес читателей к бытовой сфере жизни, но и изменения, связанные с обогащением устойчивой жанровой формы. Целью работы является изучение путей взаимодействия жанра кулинарной книги, относящегося к научно-популярным текстам, с жанрами художественной литературы: лирическими стихами, путевыми заметками, автобиографическим очерком и пр. как варианта создания синтетического текста. Объектом изысканий стали книги кулинарных рецептов, выходившие в России в течение последних двадцати лет и написанные по преимуществу не профессионалами-технологами, а медийными лицами, уже завоевавшими популярность в какой-либо иной сфере деятельности. Анализ осуществляется методом сопоставления и демонстрирует соположение разнотипных элементов на разных уровнях текста. В результате сделан вывод о том, что объединить практическую составляющую издания с широким художественным, автобиографическим, краеведческим, научным и другим материалом позволяет изменение традиционной позиции автора сборника кулинарных рецептов. Востребованность же элементов биографического жанра обозначает тенденцию к воссозданию жизни человека в единстве с кулинарной культурой и бытом конкретной эпохи. Это обстоятельство позволяет значительно расширить читательскую аудиторию кулинарных книг. Издания, адресованные детям, демонстрируют воспитательный аспект и осязаемую познавательную направленность, реализуемую в сведениях из разных областей специального знания, поданных в доступном виде. Настоящая работа представляет собой этап в изучении синтетического текста и открывает перспективы для дальнейшего исследования и формирования теоретической базы научного поиска.

Ключевые слова: синтетический (креолизованный) текст, кулинарная книга, рецепт, личность автора, путевые записки, автобиографический очерк.

М.А. Denisova

WAYS OF TRANSFORMATION OF THE GENRE OF COOKBOOK IN MODERN LITERATURE

The article is devoted to one of the promising areas of modern philological science – the analysis of synthetic texts. The relevance of this study is due to the appearance of a variety of cookbooks, which make obvious not only the interest of readers in the everyday sphere of life, but also the changes associated with the enrichment of a stable genre form. The purpose of the work is to study the ways of interaction of the genre of a cookbook related to popular science texts with genres of fiction: lyrical poems, travel notes, autobiographical essay, etc. as an option for creating synthetic text. The object of the research was the books of culinary recipes published in Russia over the past twenty years and written primarily not by technology professionals, but by media persons who have already gained popularity in some other field of activity. The analysis is carried out by the method of comparison and demonstrates the juxtaposition of different-style elements at different levels of the text. As a result, it is concluded that a change in the traditional position of the author of the collection of culinary recipes allows to combine the practical component of the publication with a wide artistic, autobiographical, local history, scientific and other material. The demand for elements of the biographical genre indicates a tendency to recreate a person's life in unity with the culinary culture and everyday life of a particular era. This circumstance makes it possible to significantly expand the readership of cookbooks. Publications addressed to

children demonstrate an educational aspect and a tangible cognitive orientation, implemented in information from various fields of special knowledge, submitted in an accessible form. This work represents a stage in the study of a synthetic text and opens up prospects for further research and the formation of a theoretical basis for scientific research.

Keywords: synthetic (creolized) genre, cookbook, recipe, author's personality, travel notes, autobiographical essay

Изменение отношения к повседневности, рассматривающейся в последние десятилетия в качестве важной составляющей жизни людей, сделало средой обитания, формы проведения досуга, тело человека и всё, что с ним связано, предметом, достойным внимания. Вследствие этого возник значительный интерес и к гастрономической сфере, приготовление пищи осмысливается теперь не только как способ удовлетворения биологической потребности, но и как феномен культуры [1, 4]. Особенно ярко эта тенденция прослеживается на телевидении: в настоящее время по 9 каналам транслируется 14 программ, так или иначе связанных с кулинарией. Интерес к теме питания стал толчком для нового этапа в развитии жанра кулинарной книги и формирования на этой основе синтетического текста.

Синтетический (креолизованный, синкретический, поликодовый) текст как текст, сочетающий субтексты нескольких типов: вербальных и невербальных: аудиальных, визуальных и пр. в научной литературе сегодня является объектом серьезного теоретического осмысления: формируется терминология и подходы к изучению этого явления. Впервые появившийся в 90-х годах XX века в работах Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [2] термин «креолизованный» и сегодня не до конца осмыслен [3]. Сфера применения данных текстов очень широка: СМИ, реклама, плакаты и афиши, общение в чатах, на форумах, комиксы и др. В художественном дискурсе креолизованный текст исследуется в работах Е.Е. Анисимовой [4], Е.В. Тумаковой [5], В.А. Гаврикова [6]. Однако границы этого явления значительно шире и варианты сочетания элементов разных жанров богаче, взаимодействие в пределах одного продукта различных семиотических систем можно наблюдать в разных областях искусства. Перейдём к анализу сочетания кулинарных рецептов с другими жанрами.

Одной из первых печатных кулинарных книг в России стал «Подарок молодым хозяйкам или Средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве» (1861) Елены Молоховец, выпускницы Смольного института благородных девиц. Выдержавшая десятки переизданий, она и сегодня стоит на полках книжных магазинов. А с развитием общественного питания как отрасли народного хозяйства авторами сборников рецептов, рассчитанных на широкий круг читателей, в советское время могли быть только профессионалы.

Основой кулинарной книги является рецепт, структура которого включает в себя заголовок, перечень необходимых ингредиентов, и способ приготовления, содержащий последовательность определённых действий, приводящих к желаемому результату. Помимо этих обязательных компонентов в рецепт может быть включена информация о количестве порций из предложенного набора продуктов, советы по подаче, реже – сведения о происхождении блюда и его калорийности.

Группировка рецептов во многом зависит от концепции издания, но наиболее частотным является вариант распределения по порядку употребляемых блюд: закуски, первые блюда, вторые блюда, десерт. Обилие материала требует введения подразделов. Например, глава, посвящённая закускам может члениться по их видам: бутерброды, салаты и винегреты, холодные закуски из рыбы и морепродуктов, холодные закуски из мяса и птицы, холодные овощные закуски, горячие закуски [7, 377]. Частотно также разделение блюд по сезонам или по основному продукту: из картофеля, из капусты, из грибов и т.п.

Структура кулинарной книги отнюдь не исчерпывается рецептами. Их традиционно предваряет вступление, раскрывающее особенность данной работы и её адресацию. В некоторых сборниках авторы также помещают вводную часть, включающую в себя советы по выбору необходимого инвентаря и продуктов. В академическом же издании «Книга о вкусной и здоровой пище», являющемся своего рода образцовым по полноте и теоретической базе, имеется глава об основах рационального сбалансированного питания, теории кулинарного искусства, в том числе об оснащении и оборудовании кухни, о правилах и сроках хранения продуктов питания, об особенностях праздничного стола и его сервировке [7, 6-43]. Значительную обучающую роль издания повышает введение главы «Специальное питание», посвящённой кормлению детей и лечебному питанию, показанному при различных заболеваниях [7, 343-373].

Квалификация кулинарной книги как издания, рассчитанного на выборочное чтение, предполагает наличие справочно-поискового аппарата: предметного указателя и оглавления. В качестве до-

полнительной информации в сборниках часто публикуется таблица со средним весом наиболее употребляемых продуктов и специй в расчёте на принятую в домашней кулинарии систему мер: стакан, столовая ложка, чайная ложка. Однако все указанные составные части книги не являются обязательными, наличие рецептов уже позволяет квалифицировать её как кулинарную.

В последние десятилетия на книжном рынке представлены сотни новых разнообразных кулинарных изданий, чьё наполнение значительно отличается от традиционного. Существенно изменился ассортимент предлагаемых блюд прежде всего за счет повышения общего уровня жизни, появления новых продуктов, современной бытовой техники и посуды, а также расширения контактов между представителями разных народов и увеличения доступности информации. Устоявшаяся жанровая модель также демонстрирует новые внутривидовые образования.

Жанровые модификации нередко возникают в текстах кулинарных книг, принадлежащих перу непрофессионалов, например, медийных лиц, – людей, добившихся известности в областях, не имеющих непосредственного отношения к технологии приготовления пищи, а также food-блогеров, получивших популярность благодаря ставшему модным хобби: публикации в сети интернет фото готовых блюд или демонстрации процесса их приготовления. Подобные издания, вызывающие интерес читателей прежде всего благодаря узнаваемости авторов, демонстрируют особенности творчества и жизненные установки их создателей, что приводит к смещению доминанты с жанровой формы в сторону автора текста [8, 5].

Так, поэтесса и автор текстов популярных песен Лариса Рубальская в кулинарных книгах рецепты блюд соотносит со своими стихами и объединяет названием. Например, суп куриный «Последний бал», [9,32], картофель со сливками «Не надейся, дорогой» [9,36], курица в сыре «Зимнее танго» [9,44] и другие. Идея автора о сходстве кулинарии и поэзии как видов творчества и их гармоничном соединении в рамках одной книги заключена и в заголовках некоторых её кулинарно-поэтических сборников: «Кулинарная стихия, или Стихийная кулинария», «Кулинарное танго с Ларисой Рубальской», «Кулинарные рецепты на бис», «Рецепты счастья».

В разных сборниках рецепты могут повторяться, а стихи, сопутствующие им, приводятся в разном объёме: целиком [10] или фрагментарно [9]. Издания не содержат информации об инвентаре, продуктах и приёмах работы, а часто не имеют даже рубрики. Кулинарная составляющая, реализованная здесь в коротких, лишённых детализации рецептах несложных блюд, становится поводом, чтобы ещё раз представить своё творчество. Целевая аудитория книг – женщины среднего и старшего возраста – как правило, уже обладают необходимыми навыками приготовления пищи и скорее заинтересуются сборником не как учебным пособием, а как возможностью узнать любимого автора с другой, неожиданной стороны. Поэтому традиционную для кулинарной книги обучающую часть поэтесса заменяет рассказами и историями из своей жизни. В этом жанровом единении на первом месте стоит поэзия, а не кулинария.

Оперная звезда Аида Гарифуллина книгу «Еда как песня. Мои кулинарные впечатления» начинает с автобиографического очерка. Повествование о семье, предках, образовании, сложном пути покорения мировой сцены, встречах с известными оперными певцами и исполняемых ею партиях довольно обширно и имеет трёхчастную структуру. Лишь в последней главе певица рассказывает о своих кулинарных пристрастиях и особенностях татарской национальной кухни. Точкой соприкосновения вокала и кулинарии, которая задается уже в названии, становится признание певицы в том, что для неё «таинство приготовления пищи» сходно с «искусством создания сценического образа» [11, 25].

Собственно кулинарным рецептам посвящено почти три четверти издания, а их группировка также отражает личностный подход автора: татарская кухня, сладкий стол, впечатления с гастролей. Снимки Аиды и цитаты из автобиографического очерка чередуются с фотографиями предлагаемых блюд. Книга двуадресна; читателям, взявшим её в руки в качестве кулинарного пособия, может стать интересен автор и его творчество, а поклонники певицы смогут познакомиться с особенностями национальной кухни Татарстана и приготовить любимые блюда певицы.

Музыкант Андрей Макаревич, многолетний ведущий телевизионной кулинарной программы «Смак» полагает, что разные люди, играя по одним и тем же нотам, создают разные мелодии, поэтому кулинарные рецепты – те же ноты, свою задачу он видит в том, чтобы «научить вас не играть по нотам, а импровизировать» [12,70]. В его книге «Мужская кулинария» любимые рецепты вписаны в

текст, они органично перемежаются историями из творческой жизни, воспоминаниями, рассуждениями, собственными рисунками автора, фотографиями.

Текст рецепта здесь максимально индивидуализируется за счёт повествовательной манеры, характерной скорее для художественной прозы. Его трудно вычленишь, пытаясь сохранить многочисленные советы и комментарии автора по выбору продуктов, их нарезке и прочему. В большинстве случаев Макаревич предлагает читателям скорее не рецепт, а его идею: «Берутся болгарские перцы. Для начала с них снимается шкурка. Для этого перцы кладутся либо в горячую духовку, либо на решётку мангала, пока шкурка у них не полопается. После чего она аккуратно снимается вручную. Дело это мутное, но оно того стоит. А потом эти очищенные перцы быстро и легко обжариваются в растительном масле и в самом конце сбрызгиваются каплей уксуса. Казалось бы – какая чепуха! А вы попробуйте.» [12, 38] Лишённые названия, перечня необходимых ингредиентов эти рецепты продолжают выполнять все необходимые функции: информационную, обучающую и побудительную. Последнюю – особенно эффективно благодаря эмоциональной подаче материала. Рецепты в традиционном виде в книге присутствуют в небольшом количестве и снабжены обязательными авторскими пояснениями.

Особенностью книги можно считать и наличие в ней научной составляющей: статей об истории пищи, здоровом питании, мясе и его видах, овощах, особенностях их употребления, рекомендаций по питанию в соответствии с группой крови и многим другим. Эти комментарии принадлежат профессору Марку Гарберу, наркологу, диетологу, гигиенисту и другу автора. Выделенные цветным шрифтом, они могут быть прочитаны отдельно от основного текста, так как следуют логике авторского повествования, но не прерывают его. Использование научно-популярного подстиля в сочетании с ироничной авторской подачей делает вставной текст самооценным.

Тема кулинарии тесно связана с семьёй, её историей и традициями, неслучайно именно в детском возрасте складываются основные пищевые привычки человека. Поэтому разговор о приготовлении еды это всегда разговор о тёплой атмосфере дома, вкусе бабушкиных котлет и запахе пирогов. О семье так или иначе упоминают авторы двух последних изданий. А в книге известного российского ведущего и видеоблогера Сталика Ханкишиева «Счастье кулинара» читатель знакомится с историей его семьи и рецептами блюд, которые были на столе у большинства жителей СССР, независимо от их национальной принадлежности. Разделы соответствуют этапам становления автора: детство, молодость, зрелость. Повествовательные биографические эпизоды становятся поводом для введения в текст подробных рецептов. Например, история о рождении автора связана с пельменями, которые приготовили для соседей, родственников и коллег, пришедших поздравить молодого отца [13, 10-11].

Востребованность элементов биографического жанра в кулинарной книге сделало очевидной тенденцию к воссозданию истории жизни конкретного человека в связи с кулинарной культурой и бытом эпохи. Носителем кулинарных традиций в семье часто является бабушка, чей образ становится отправной точкой концепции целого ряда изданий, уже своим заголовком транслирующих основную идею книги: «Бабушка знает лучше. Блюда моего детства» Анастасии Зурабовой [14], «Кулинарная книга моей бабушки» Оксаны Путан [15], «Рецепты по наследству» Оксаны Дмитриевой [16] и другие.

Представление о вкусной еде могут быть связаны не с личностью того или иного человека, а с конкретным местом. Гастрономическое путешествие по Одессе представляет Савелий Либкин в книге «Одесское застолье от Привоза до Дерибасовской». Он воссоздаёт рецепты традиционных блюд одесской кухни, утраченных «вместе с бабушками, которые все готовили на глаз и не вели кулинарных тетрадей» [17, 9]. Книга состоит из 9 глав, названиями которых становятся улицы и районы города: Привоз, Французский и Приморский бульвары, Большой Фонтан, улицы Базарная, Еврейская, Садовая, Мясоедовская, Дерибасовская. Содержащая путевые очерки кулинарная книга включает в себя и воспоминания о местной кухне одесситов, живущих сегодня на всех континентах. Тем не менее автор сохраняет справочный аппарат, свойственный классическому кулинарному изданию, и даёт необходимые рекомендации по выбору посуды.

По-прежнему востребованы кулинарные книги, ориентированные на почитателей творчества авторов художественных произведений. Интерес к легендарным фигурам прошлого бывает настолько силён, что и по прошествии столетия современных читателей интересует, например, что ел на завтрак и обед Л.Н. Толстой [18]. Увлечённость героем стимулирует интерес к кухне того или иного государства и исторического периода. Поклонникам Шерлока Холмса, например, адресовано издание «Поваренной книги миссис Хадсон» Марии Ивановой [19], о рационе другого известного детектива писал не только его создатель Рек Стаут в «Кулинарной книге Ниро Вульфа», но и Илья Лазерсон с соавторами в кулинарном детективе «За столом с Ниро Вульфом, или Секреты кухни великого сыщика».

[20]. Данные работы имеют не столько справочный, сколько культурологический характер и восходят к кулинарной прозе Вильяма Похлёбкина. Их целью становится знакомство читателей с кухней эпохи, к которой принадлежит автор и его герои. Приведёнными рецептами далеко не всегда возможно воспользоваться в связи с изменившейся системой мер, отсутствием некоторых ингредиентов и недостаточно подробным описанием процесса приготовления.

Популярность авторов и героев современной литературы в условиях её коммерциализации служит толчком для появления на книжном рынке целого ряда разнообразных изданий так или иначе связанных с искомым текстом. Лидером здесь безусловно является Гарри Поттер, его имя и образ служат своего рода приманкой для покупателя. Приготовить блюда, описанные Джоан Роулинг, можно, воспользовавшись любой из целого ряда переведённых на русский язык кулинарных книг: «Неофициальная кулинарная книга Хогвартса» Риты Мой-Пак, «Кулинарная книга Гарри Поттера» и «Волшебная выпечка Гарри Поттера. 60 рецептов от пирогов миссис Уизли до тортов тёти Петунии» Тома Гримм, «Поваренная книга Гарри Поттера» Дины Бухольц [21]. Связь с искомым текстом прослеживается здесь в упоминании названий блюд и пересказе ситуаций, в которых они фигурировали.

Востребованность того или иного автора российской массовой литературы также позволяет издательству на волне успеха его произведений в соответствии с запросами читателя издавать и книги другого формата. Так, «Кулинарная книга лентяйки» Дарьи Донцовой, выдержала более десяти переизданий. Создатель текстов в жанре детектива делится своими рецептами как домохозяйка, а не как кулинар-профессионал. Среди особенностей сборника – небольшие истории из жизни автора, многочисленные советы и глава «Собачьи рецепты» [22, 284-287].

Однако в поле литературного творчества сегодня может попасть не только профессионал или медийный персонаж, каждый человек, способный создать текст и имеющий финансовую возможность его напечатать может примерить на себя образ писателя. «Литература становится частным делом того, кто пишет, и того, кто читает» констатирует Л.П. Быков [23, 6]. Жанр кулинарной книги как нельзя лучше подходит для писательства, позиционируемого как увлечение, хобби. Материалом для таких книг является, как правило, индивидуальный кулинарный опыт, связанный с семейными традициями, туристическими поездками или творческими разработками автора. Издаваемые маленьким тиражом, такие сборники вполне жизнеспособны и будут интересны людям, входящим в круг общения автора: друзьям, коллегам, подписчикам в социальных сетях и пр.

В последние годы расширилась и адресация кулинарной книги. Если раньше можно было выделить издания для профессионалов и для домашних хозяек, то сегодня появляется немало подобных книг для мужчин и для детей. Среди последних многочисленны тематические продолжения известных книжных серий. Например, «Готовим с Петсоном и Финдусом» Свена Нурдквиста [24]. «Большая кулинарная книга городка» Сузанны Ротраут Бернер [25]. Написаны они как правило в соавторстве: автор серии книг и автор кулинарной составляющей. От книги-первоисточника остаются герои со своим характером, предпочтениями и внешним обликом, созданным иллюстратором, основная идея книги и иногда отрывки из текста, то есть концепция основной книги становится своеобразной рамкой для кулинарной. Выбор кулинарных рецептов также определён логикой предыдущих текстов. Так, например, герои произведений Ирины и Леонида Тютчевых «Зоки и Бада. Сладкие рецепты» [26] – сладкоежки, поэтому в книге предложены способы приготовления только десертов и сладкой выпечки.

В кулинарной книге, адресованной детям, помимо всех традиционных составляющих есть и свои особенности. Издания, ориентированные на дошкольников и младших школьников, как правило прекрасно иллюстрированы: даже вступительные главы, знакомящие с инструментами и продуктами, представлены в виде рисунков с комментариями. Помимо рецептов в книге есть странички, где нужно раскрашивать, рисовать, создавать комикс, делать пакетики для печенья, проращивать косточку авокадо и пр. [27] Значительная познавательная направленность кулинарных книг для детей реализуется в сведениях из разных областей научного знания, поданных в доступном виде. И если малышам будет интересно познакомиться, например, с историей клейма, находящегося на обратной стороне посуды известных заводов [27, 65-57], то ребята среднего возраста, решившие испечь печенье по рецептам в книге Ирины Чадеевой «Пироговедение для детей», получают массу сведений из области физики и химии [28]. Немаловажен и воспитательный аспект: информация о бережном отношении к продуктам и ресурсам, использовании многоразовой посуды вместо пластиковой, всемирном экологическом движении формирует у ребёнка верные нравственные ориентиры.

Изменение традиционной жанровой модели в анализируемых изданиях связаны, во-первых, с преобладающей личностью автора. Сфера его деятельности, жизненные взгляды, семейные традиции, вкусы, пристрастия, эстетические установки являются здесь определяющими. Именно ими продиктована организация текста: выбор рецептов, особенности их изложения, степень детализации в описании технологического процесса, дополнительная информация, которая, с точки зрения его создателя, будет интересна читателю. Сохраняя жанровую первооснову кулинарной книги, подобные издания прирастают как лирическими стихами, биографическими статьями, путевыми очерками, так и научными комментариями.

Во-вторых, увлечение кулинарией становится модным хобби, что позволяет включить в ряды потенциальных читателей не только женщин, хозяек, но и мужчин. Увлекательный процесс приготовления блюда становится вариантом проведения досуга родителей и детей. В его основе не скучное обучение ведению домашнего хозяйства, а эксперимент, результат которого непременно порадует всю семью. Данная адресация переводит книгу в разряд научно-познавательной литературы для детей. Однако указанные модификации не отменяют основного назначения кулинарной книги – служить справочным пособием, содержащим алгоритм приготовления блюда.

Таким образом, на современном этапе кулинарная книга, сохраняя первооснову, приобретает черты синтетического текста, сочетающего свойства нескольких стилей, что открывает широкие возможности для её развития.

Библиографический список

1. Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации: на примере России XIX-XX веков: автореф. дис. ... канд. культуролог. наук. Екатеринбург, 2010. С. 26 с.
2. Сорокин, Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М.: Наука, 1990. 294 с.
3. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.
4. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
5. Тумакова Е.В. Креолизованный текст в художественном и медийном дискурсе // Мир русского слова. №2. 2016. С. 43-49.
6. Гавриков В.А. «Убежать от филологии»: проблема литературоведческого инструментария к синтетическому тексту // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2011. С.6-13.
7. Книга о вкусной и здоровой пище / Под ред. Акад. А.А. Покровского. 7-е изд. М.: Пищевая промышленность, 1980. 383 с.
8. Звягина М.Ю. Жанровые трансформации в русской прозе второй половины XX – начала XXI века: монография. Москва: Кнорус; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. 292 с.
9. Рубальская Л. А. Закуски и горячее. Для наших золотых мужей! М: Эксмо, 2007. 79 с.
10. Рубальская Л. А. Кулинарные рецепты на бис. М: Эксмо, 2007. 64 с.
11. Гарифуллина А. Еда как песня. Мои кулинарные впечатления. М.: Эксмо, 2019. 144 с.
12. Макаревич А. В. Мужская кулинария. Разговоры о еде и не только. М.: Эксмо-Пресс, 2014. 224 с.
13. Ханкишиев Сталик Счастье кулинара. М.: АСТ, 2020. 416 с.
14. Зурабова А. М. Бабушка знает лучше. Блюда моего детства. М.: ХлебСоль, 2019. 192 с.
15. Путан О.В. Кулинарная книга моей бабушки. М.: Эксмо, 2018. 240 с.
16. Дмитрова О.А. Рецепты по наследству. М.: Новое Небо, 2020. 256 с.
17. Либкин С. Одесское застолье: от Привоза до Дерибасовской. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
18. В гостях у Льва Толстого / Отв. Ред. Т.Е. Ширма. М.: Слово / Slovo, 2012. 288 с.
19. Иванова М.И. Кулинарная книга миссис Хадсон. М: Гелеос, 2007. 368 с.
20. Лазерсон И., Синельников С., Соломоник Т. За столом с Ниро Вульфом, или Секреты кухни великого сыщика: Кулинарный детектив. М.: Амфора, 2015. 638 с.
21. Гримм Том, Бём Катя Волшебная выпечка Гарри Поттера. 60 рецептов от пирогов миссис Уизли до тортов тети Петунии. М.: Бомбора, 2022. 160 с. Рита Мой-Пак Неофициальная кулинарная книга Хогвартса. 75 рецептов блюд по мотивам волшебного мира Гарри Поттера. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 628 с.; Том Гримм Кулинарная книга Гарри Поттера. Более 80 волшебных рецептов. Иллюстрированное неофициальное издание. М.: Бомбора, 2021. 192 с.; Дина Бухольц Поваренная книга Гарри Поттера. М: Бомбора, 2018. 240 с.
22. Донцова Д.А. Кулинарная книга лентяйки. М.: Эксмо, 2003. 304 с.
23. Быков Л.П., Иванова О. Мы живём в ситуации, когда литература становится частным делом того, кто пишет, и того, кто читает. Дискуссия. 2014. – №3 (44). С.6-16.

24. Нурдквист С., Самуэльсон К. Готовим вместе с Петсоном и Финдусом. М.: Белая ворона, Альбус корvus, 2018. 58 с.
25. Бернер Ротраут Сузанна, фон Крамм Дагмар Большая кулинарная книга городка. М.: Самокат, 2016. 144 с.
26. Тюхтяева И., Тюхтяев Л., Иерусалимская М. Зоки и Бада. Сладкие рецепты. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 104 с.
27. Дронова К. Мам, дай фартук! И карандаш. Рецепты для самостоятельных детей. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 111 с.
28. Чадеева И.В. Пироговедение для детей. М.: Эксмо, 2020. 176 с.

References

1. Kapkan M.V. The phenomenon of gastronomic culture: the specificity of forms of representation: on the example of Russia of the XIX-XX centuries: abstract. dis. ... cand. culturologist. sciences. Yekaterinburg, 2010. p. 26 p.
2. Sorokin, Yu.A., Tarasov E.F. Creolized texts and their communicative function. Moscow: Nauka, 1990. 294 p.
3. Creolized text: Semantic perception. Collective monograph / Ed. by I.V. Vashunin. Ed. coll.: E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 206 p.
4. Anisimova E.E. Linguistics of text and intercultural communication (based on the material of creolized texts). Moscow: Publishing Center "Academy", 2003. 128 p.
5. Tumakova E.V. Creolized text in artistic and media discourse // The world of the Russian Word. No.2. 2016. pp. 43-49.
6. Gavrikov V.A. "Escape from philology": the problem of literary tools to a synthetic text // Russian rock poetry: text and context. 2011. pp.6-13.
7. A book about delicious and healthy food / Ed. Akad. A.A. Pokrovsky. 7th ed. Moscow: Food industry, 1980. 383 p.
8. Zvyagina M.Yu. Genre transformations in Russian prose of the second half of the XX – beginning of the XXI century: monograph. Moscow: Knorus; Astrakhan: ASU, Publishing House "Astrakhan University", 2016. 292 p.
9. Rubalskaya L. A. Snacks and hot. For our golden husbands! Moscow: Eksmo, 2007. 79 p.
10. Rubalskaya L. A. Culinary recipes for encore. Moscow: Eksmo, 2007. 64 p.
11. Garifullina A. Food is like a song. My culinary impressions. Moscow: Eksmo, 2019. 144 p.
12. Makarevich A.V. Men's cooking. Conversations about food and not only. Moscow: Eksmo-Press, 2014. 224 p.
13. Khankishiev Stalik Happiness of a cook. M.: AST, 2020. 416 p.
14. Zurabova A.M. Grandmother knows better. Dishes of my childhood. Moscow: KhlebSol, 2019. 192 p.
15. Putan O.V. My grandmother's cookbook. Moscow: Eksmo, 2018. 240 p.
16. Dmitrova O.A. Recipes by inheritance. M.: New Sky, 2020. 256 p.
17. Libkin S. Odessa feast: from Privoz to Deribasovskaya. M.: Eksmo, 2015. 320 p.
18. Visiting Leo Tolstoy / Ed. T.E. Shirma. M.: Slovo / Slovo, 2012. 288 p.
19. Ivanova M.I. Mrs. Hudson's Cookbook. Moscow: Geleos, 2007. 368 p.
20. Lazerson I., Sinelnikov S., Solomonik T. At the table with Nero Wolfe, or Secrets of the great detective's kitchen: Culinary detective. M.: Amphora, 2015. 638 p.
21. Grimm Tom, Bem Katya Magic baking Harry Potter. 60 recipes from Mrs. Weasley's pies to Aunt Petunia's cakes. Moscow: Bombora, 2022. 160 p. Rita Moi-Pak is an unofficial Hogwarts cookbook. 75 recipes of dishes based on the magical world of Harry Potter. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2021. 628 p.; Tom Grimm Harry Potter Cookbook. More than 80 magic recipes. Illustrated unofficial edition. Moscow: Bombora, 2021. 192 p.; Dina Bucholz The Harry Potter Cookbook. Moscow: Bombora, 2018. 240 p.
22. Dontsova D.A. The lazy cookbook. Moscow: Eksmo, 2003. 304 p.
23. Bykov L.P., Ivanova O. We live in a situation where literature becomes a private matter of the one who writes and the one who reads. Discussion. 2014. – No.3 (44). pp.6-16.
24. Nurdqvist S., Samuelson K. Cooking together with Petson and Findus. M.: White Crow, Albus corvus, 2018. 58 p.
25. Berner Rotraut Susanna, von Kramm Dagmar The Big cookbook of the town. M.: Scooter, 2016. 144 p.
26. Tyukhtyaeva I., Tyukhtyaev L., Jerusalem M. Zoki and Bada. Sweet recipes. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 104 p.
27. Dronova K. Mom, give me an apron! And a pencil. Recipes for independent children. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 111 p.
28. Chadeeva I.V. Pirogovedenie for children. Moscow: Expo, 2020. 176 p.

УДК 81.276.3-055.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.86.85.017

Брянский государственный технический университет

доцент кафедры «Иностранные языки»

кандидат филологических наук

Козлова Л.Н.

Россия, г. Брянск

тел. 89803066985

Bryansk State Technical University

Associate Professor of the Department of Foreign Languages

PhD in Philology

Kozlova L.N.

Russia, Bryansk

Tel. 89803066985

Л.Н. Козлова

ГЕНДЕРНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «ЛЕСТНИЦА ЯКОВА» И ЕГО ПЕРЕВОДНОЙ НЕ- МЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ)

В статье рассматриваются особенности употребления гендерно маркированной лексики в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» при описании женских персонажей. Целью данной работы является определение возможности передачи характерологической специфики гендерной лексики в переводном тексте. Полученный методом сплошной выборки практический материал классифицируется, выделяется пять основных тематических групп, в которых характеризуются такие аспекты жизненного пространства женщины, как внешность, с преимущественным акцентированием полноты и некрасивости, профессия и род деятельности, материнство, а также даётся позитивная или негативная характеристика поведения и образа жизни. Лексический массив каждой тематической группы подвергается тщательному сопоставительному лингвистическому анализу с привлечением различных лексикографических источников. Особое внимание уделяется эксплицитному выражению принятых в обществе гендерных стереотипов и специфике их передачи в переводной версии романа. Описываются основные способы перевода гендерной лексики на немецкий язык, среди которых наиболее частотным является использование адекватной замены. Также весьма употребительны лексическое развёртывание, перераспределение значения с применением частеречной трансформации и использование абсолютных межъязыковых соответствий. Опускание и описательный перевод встречаются в исследуемых текстах редко. В заключении выделяются типичные черты гендерно маркированных лексических единиц при характеристике женских персонажей: образность, наличие оценочного и разговорного характера. Подчёркивается словообразовательная обусловленность разговорности ряда лексем, а также их окказиональное употребление, определяющее специфику индивидуально-авторского стиля Л. Улицкой. Делается вывод об общей нейтрализации разговорности гендерной лексики в переводном немецкоязычном тексте при сохранении её характерологических свойств.

Ключевые слова: гендерная лексика, гендерные стереотипы, женские персонажи, художественный текст, Л. Улицкая, переводные соответствия.

L.N. Kozlova

GENDER VOCABULARY AS A MEANS OF FEMALE CHARACTERS' DESCRIPTION (ON L. ULITSKAYA'S NOVEL «JACOB'S LADDER» AND ITS TRANSLATED GERMAN VERSION)

The article discusses the features of gender marked vocabulary used by the description of female characters in L. Ulitskaya's novel «Jacob's Ladder». The purpose of this work is to determine if it is possible to transmit characterological specificity of gender vocabulary in the translated text. The practical material obtained by the continuous sampling method is classified, five main thematic groups are identified, in which such aspects of a woman's living space are characterized as appearance, emphasizing corpulence and ugliness, profession and occupation, motherhood, and also a positive or negative characteristic of behavior and lifestyle is given. The vocabulary of each thematic group is subjected to a thorough comparative linguistic analysis involving various lexicographic sources. Special attention is paid to the explicit expression of gender stereotypes accepted in society and to the specifics of their transmission in the translated version of the novel. The main ways of gender vocabulary translation into German are described, among which the most frequent is the use of an adequate replacement. Lexical deployment, redistribution of meaning with partial transformation and the use of absolute interlanguage correspondences are also very common. Omission and descriptive translation are rare in the texts under study. Finally, the typical features of gender marked lexical units used by the description of female characters are highlighted, they are: figurativeness, the presence of an evaluative and colloquial

touch. The author emphasizes the word formation colloquialism of some lexemes, as well as their occasional use, which determines the specifics of L. Ulitskaya's individual style. The conclusion is made about the general neutralization of colloquial gender vocabulary in the translated German text while its characterological properties remain.

Keywords: gender vocabulary, gender stereotypes, female characters, literary text, L. Ulitskaya, translational correspondences.

Вопросы, связанные с гендерными проявлениями на лексическом уровне языка, находятся сегодня в центре ряда разноплановых лингвистических исследований. В них изучаются особенности формирования гендерно-симметричной лексики [1], рассматривается роль гендерно маркированной лексики в создании текстов рекламы [2], проводится сопоставительный анализ гендерной лексики разных языков. Так, например, описываются лексемы, обозначающие термины родства в русском и китайском языках со стороны формы, семантики и дистрибуции [3], исследуются особенности гендерно-корректного употребления имён существительных, описывающих лиц, в современном немецком языке [4], изучается гендерная дифференциация субстандартной лексики в русско- и англоговорящем социумах [5].

Наряду с этим можно выделить лексикографическое направление гендерной лингвистики. В.А. Ефремов анализирует особенности отражения гендерных стереотипов в русской лексикографии, что «даёт возможность получить информацию о том, какие социальные и психологические нормы и предписания для мужчин и женщин фиксируются в справочном материале...» [6; с. 102]. Создаются словари, включающие в себя маркированную лексику, например, «Толковый словарь названий женщин» Н.П. Колесникова [7], «Словарь гендерно маркированной лексики говоров Среднего Приобья» [8]. Значительный научный интерес представляет также исследование аксиологической характеристики гендерно-маркированной лексики, проведённое на материале «Русского ассоциативного словаря» [9].

А. В. Кирилина отмечает, что «процессы, происходящие в гендерно маркированной лексике, отражают плюралистическую модель гендера в современной России, а также противоположные тенденции в конструировании гендера – глобальную и отечественную» [10; с. 25]: «1) глобальная тенденция к семиотической минимизации/устранению гендерных различий; 2) отечественная тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии» [10; с. 13]. В связи с чем проблема рассмотрения гендерно маркированной лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте на примере оригинальной русскоязычной и переводной немецкоязычной художественной прозы представляется весьма актуальной. Основной целью нашей работы было определить, каким образом гендерная отмеченность проявляется на лексическом уровне русского языка при описании женских персонажей и насколько полно она может быть передана при переводе на немецкий язык. Выбор практического материала – романа Л. Улицкой «Лестница Якова» [11], вышедшего в свет в 2015 году, определяет новизну и оригинальность данной статьи. Перевод романа на немецкий язык был выполнен Ганной-Марией Браунгардт и опубликован двумя годами позже [12].

Полученная методом сплошной выборки гендерная лексика, общим количеством около ста единиц, была разделена на пять основных тематических групп. В ходе лингвистического разбора к работе привлекались такие лексикографические источники, как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [13] и «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова [14] (далее – ТСРЯ и БТСРЯ соответственно), а также электронный многоязычный словарь ABBYY Lingvo x6 [15].

Рассмотрим подробнее выявленные тематические группы.

1. Внешность. Данная тематическая группа является самой обширной, нами было выявлено 23 случая использования гендерной лексики при описании внешности героинь исследуемого романа, причём здесь можно выделить два направления: особо подчёркивается либо красота, либо излишняя полнота женщины. Приведём примеры:

Два смутных от пыли портрета юной красотки висели над пианино [11; с. 24].

Zwei staubgetriebene Fotos einer schönen jungen Frau hingen über dem Klavier [12; с. 17].

В переводном варианте основные компоненты значения русской лексемы *красотка* («разг.» «красивая, миловидная девушка, молодая женщина» [14; с. 381], «прост.» «миловидная молодая женщина» [13; с. 304].) передаются немецким субстантивным словосочетанием *eine schöne junge Frau* (красивая молодая женщина), не содержащим, однако, каких-либо разговорных или просторечных коннотаций.

А красива она была – все на неё заглядывались. Может деда её красота раздражала, не знаю [11; с. 192].

Aber sie war schön, alle blickten sich nach ihr um. Vielleicht ärgerte ihre Schönheit deinen Großvater, ich weiß es nicht [12; с. 151].

В данном примере примечателен перевод глагола *заглядываться*, выражающего типичную черту гендерного поведения мужчин относительно красивых женщин и зафиксированного в ТСРЯ с пометой «разг.» [13; с. 201]. Его немецкий эквивалент *umblicken* – «оглянуться, бросить взгляд на кого-либо» [15] не передаёт данной характеристики в полной мере. Здесь также обнаруживается отражение гендерного стереотипа, заключающегося в том, что красота и внешняя привлекательность женщины не приносят ей большого счастья, поскольку при описании этой же героини, Зинаиды Филипповны, находим:

У Зинаиды была несчастливая жизнь...<...> Брак был тяжёлый, супруг тайно, по-домашнему напивался, время от времени её поколачивал... [11; с. 191].

Sinaida hatte ein unglückliches Leben gehabt... <...> Die Ehe war schwierig, der Mann betrank sich zu Hause still und heimlich und schlug seine Frau zuweilen [12; с. 151].

Следует отметить, что полнота и некрасивость женщины описывается на страницах исследуемого романа гораздо более выразительно, и, в целом, подобный тип внешности среди женских персонажей встречается чаще.

... к монументальной, с крошечными глазками и накладной косой украинской соседке... [11; с. 48].

... für die monumentale ukrainische Nachbarin mit den winzigen Augen und dem geflochtenen Zopfkranz... [12; с. 38].

В данном примере употребление деминутива для характеристики черты лица в сочетании с «монументальностью» фигуры создаёт особый иронический эффект, в немецкоязычной версии этого не наблюдается, существительное *Augen* уменьшительно-ласкательного суффикса не имеет.

Во главе стола сидел Тенгиз, а рядом с ним большая грузная женщина с отвисшей нижней губой, похожая на цыганку [11; с. 246].

Am Kopfende saß Tengis, neben ihm eine große, korpulente Frau mit Hängelippe – sie sah aus wie eine Zigeunerin [12; с. 200].

В данном случае в переводной версии полнота женщины передаётся более мягко и деликатно за счёт использования синонима *korpulent* – «полный, корпулентный» [15] в качестве адекватной замены *грузный*, хотя эквивалент данной лексики в немецком языке также существует («schwer, schwerfällig» [15]).

Использование абсолютных межъязыковых синонимов как средств перевода среди выявленных нами примеров описания внешности встречается редко. Например:

Эта полноватая девушка с длинными волосами ... [11; с. 592].

Das dickliche Mädchen mit den langen Haaren ... [12; с. 468].

В данном случае прилагательное *полноватая* обладает словообразовательно мотивированной разговорностью, определяемой суффиксом *-оват-*, такой же принцип выражения значения применяется и в переводном эквиваленте *dicklich*.

Важно заметить, что упоминание в исследуемом романе двух героинь, американки Марты и жены Генриха Ирины, постоянно сопровождается описанием их полноты, что делает её их основным характеризующим признаком. Причём Марта, дружелюбная и добросердечная женщина, выступает как исключительно положительный персонаж, и здесь находит отражение стереотип о связи полноты и доброты человека. Рассмотрим примеры её описания:

Огромная, бесформенная, в тренировочном костюме и кроссовках, с деревенским розовым лицом и улыбкой до ушей... [11; с. 387].

Diese riesige, massige Frau in Trainingsanzug und Turnschuhen, mit dem rosigen Gesicht und dem Lächeln übers ganze Gesicht [12; с. 306].

Значение лексем *огромная, бесформенная* довольно точно передаётся с помощью перевода со смежением: *riesig* – «колоссальный, гигантский, исполинский» [15], *massig* – «огромный, громоздкий массивный» [15], при этом прилагательное *деревенский* в немецкоязычной версии опускается.

Толстуха эта вызывала полнейшую симпатию... [11; с. 350].

Nora mochte diese dicke Riesin auf Anhieb... [12; с. 273].

Лексеме *толстуха* (имеет помету «разг.» в ТСРЯ) в немецкоязычной версии соответствует словосочетание *dicke Riesin* (толстая великанша), образованное путём лексического развёртывания на основе метафорического переноса.

Использование метафорического сравнения присутствует и в ряде других примеров:

Бесформенно-соломенная, как стог, добрая, как сенбернар, с голосом, как у заводной игрушки [11; с. 521].

Unförmig wie ein Heuschaber, gutmütig wie ein Bernhardiner und mit einer Stimme wie ein Aufziehspielzeug [12; с. 420].

Значение лексемы *соломенная* перераспределяется при переводе на существительное *Heuschober* (ю.-нем., австр. «стог сена» [15]). В остальном же можно отметить использование абсолютных межъязыковых соответствий в качестве переводных эквивалентов. Также и в следующем случае:

Громоздкая икафообразная Марта... [11; с. 657].

Die plumpe, schrankförmige Martha... [12; с. 534].

При описании внешности ещё одного женского персонажа, чья полнота постоянно подчёркивается, жены Генриха Ирины, также используются метафоры, в первую очередь зооморфные, обладающие, однако, преимущественно негативно-оценочными коннотациями. Что подтверждает существующую тенденцию «использовать гендерно-маркированную лексику в метафорических или иронических конструкциях и часто с отрицательной коннотацией». В то время как гендерно-нейтральная лексика также является нейтральной и по своему коннотативному значению» [16; с. 258]. Например:

Если кому и скажу, то не этой корове... [11; с. 378].

Данное предложение в переводной версии романа опускается.

... *распушенная медведица, с расплывчатым носом и мягким подборушкой вместо подбородка* [11; с. 126].

... *sie aber war eine aufgedunsene Bärin mit formloser Nase und wabbeligem Doppelkinn* [12; с. 100].

Метафора в приведённом примере переводится абсолютным межъязыковым синонимом немецкого языка. При этом особое внимание привлекает окказиональное существительное *подборушка*, не фиксируемое используемыми нами словарями и обладающее негативной оценочной и яркой сниженной стилистической отмеченностью. При его переводе применяется стилистически нейтральное соответствие *Doppelkinn* («двойной подбородок» [15]).

Индивидуально-авторский стиль Л. Улицкой проявляется также и в следующем примере:

К Норе приехала Генрихова жена, толстая Ириша, в толстых сапогах, с толстыми слезами... [11; с. 378].

Genrichs Frau, die dicke Irina, erschien bei Nora, in dicken Stiefeln, mit dicken Tränen... [12; с. 298].

Повторы прилагательного *толстый* и его окказиональное сочетание с лексемой *слёзы* создают очень яркий образ, точно передаваемый в переводной версии. Однако пренебрежительное отношение к персонажу, усиливаемое в оригинале за счёт уменьшительно-ласкательной формы имени *Ириша*, в немецкоязычном варианте утрачивается.

2. Профессии, род деятельности. Данную тематическую группу составляет весьма обширный пласт гендерной лексики (16 случаев употребления), обладающей ярко выраженной разговорностью, причём словообразовательно обусловленной. В выявленных нами примерах разговорный характер лексических единиц создаётся за счёт использования суффиксов *-ичк(а)*, *-к(а)*, *-их(а)*, *-ш(а)*. Сюда же можно отнести и лексемы, обозначающие женский вариант той или иной профессии, не связанной преимущественно с женским трудом, и не имеющие в русском языке литературных эквивалентов. В немецком языке для образования женского рода обозначений всех профессий и различных видов деятельности применяется суффикс *-in*, нейтральный по своей стилистической окраске. Вследствие чего происходит нейтрализация разговорности в переводной версии исследуемого романа. Отметим также, что большая часть данной лексики в используемых нами словарях русского языка не фиксируется. Например:

Математичка, время от времени будившая Юрика на уроках математики... [11; с. 436].

Die Mathelehrerin, die Jurik in ihren Stunden hin und wieder wecken musste... [12; с. 348].

Такие медсестрички! [11; с. 380].

Süße Krankenschwestern! [12; с. 300].

В данном примере суффикс *-ичк*, присоединённый к нейтральной по своей стилистической окраске лексеме *медсестра*, не только способствует созданию эффекта непринуждённого разговора, но и выражает особое отношение говорящего, игривость и фамильярность. В переводе эти коннотации лексема *Krankenschwestern* не передаёт, они отчасти компенсируются заменой указательного местоимения *такие* на прилагательное *süß*.

... *от кого какая актриска сделала аборт...* [11; с. 14].

... *und welche Schauspielerin wessen Kind abgetrieben hatte...* [12; с. 8].

Присоединение суффикса *-ка* к нейтральному кодифицированному варианту *актриса* также придаёт дополнительные уничижительные и фамильярные оценочные коннотации, которые в переводной версии отсутствуют.

... *ещё одной фребеличкой на белом свете больше...* [11; с. 326].

... eine Fröbelianerin mehr auf der Welt ... [12; с. 253].

Данная лексическая единица была зарегистрирована в первом издании словаря Д.Н. Ушакова с пометой «дореволюц.» и обозначала воспитательниц детей по методу немецкого педагога Фребеля [17], в БТСРЯ и ТСРЯ не фиксируется.

Бабушка <...> называла себя «беспартийной большевичкой» [11; с. 22].

Großmutter <...> nannte sich «eine parteilose Bolschewikin» [12; с. 15].

Лексема *большевичка* фиксируется в ТСРЯ с пометой «разг.». Её немецкоязычный эквивалент образован путём транслитерации с добавлением суффикса -in.

Сегодняшняя врачиха сказала, что операция не нужна. <...> надо ещё с какой-то профессоршей поговориться... [11; с. 374].

Die Ärztin heute hat gesagt, eine Operation sei nicht nötig. <...> sie müsse sich noch mit einer Professorin beraten... [12; с. 294].

Лексема *врачиха* фиксируется в ТСРЯ с пометой «прост.», переводное соответствие *die Ärztin* является нейтральным по стилистической окраске.

3. Материнство (8 примеров). С учётом задач данной работы представляется важным отметить гендерную лексику данной тематической группы, выступающую непосредственно в характерологической функции. Например:

Он никогда не мешал мне, даже и расширил как-то мне жизнь. Материнством. Я не самая лучшая, конечно, мать... [11; с. 390].

Er hat mich nie gestört, nein, er hat mein Leben bereichert [12; с. 308].

В переводной версии романа подчёркивается то значение, которое сыграло материнство в жизни главной героини романа Норы, однако продолжение фразы, содержащее критическую самооценку, переводчица опускает.

Она вся материнская, он добряк совершенно исключительный [11; с. 478].

Sie ist ganz mütterlich, und er ist unglaublich herzlich [12; с. 385].

В данном примере обращает на себя внимание окказиональное употребление прилагательного *материнская*, которое в лексикографических источниках трактуется как «свойственный матери, такой как у матери» [14; с. 432], [13; с. 345]. Использование его в качестве характеристики женщины нетипично и для немецкого языка, однако в переводной версии сохраняется, создавая особый стилистический эффект.

Она <...> воспитывала неразумных мамочек... [11; с. 15].

Sie <...> erzog die unverständigen jungen Mütter... [12; с. 9].

В используемых словарях слово *мамочка* зафиксирована как ласкательное обращение [13; с. 341], с пометой «разг.» в БТСРЯ, также и при обращении к мужчине [14; с. 426]. Однако в данном примере *мамочками* называют неопытных молодых мам, эта семантика передаётся в переводе за счёт словосочетания *jungen Mütter*, но пренебрежительное и несколько фамильярное отношение, свойственное русской лексеме, не сохраняется. Иначе обстоит дело в следующем примере:

Из всех «мамочек» больше всего она любила таких, как Нора – одиноких, первородящих, без материнской подпоры [11; с. 15].

Von allen «Mamas» mochte sie solche wie Nora am liebsten – Erstgebärende, ohne Ehemann, ohne mütterlichen Beistand [12; с. 9].

Здесь употребление немецкого слова «Mamas», имеющего помету «ласк.» [15], и обладающего более разговорным, неформальным характером по сравнению с *Mutter*, в значительной степени передаёт все коннотации русской лексемы *мамочка*. Этот же переводческий эквивалент используется и в следующем примере:

Мамаши зачастую недалеко от детей ушли в части развитии [11; с. 409].

Die Mamas sind oft in ihrer Entwicklung nicht viel weiter als ihre Kinder. [12; с. 324].

В используемых словарях *мамаши* фиксируется с пометой «прост.» как употребляемое при обращении к пожилой женщине [14; с. 426], [13; с. 341]. В приведённом примере данная лексема имеет ту же семантику, что и *мамочка* в описываемых выше случаях. И выбор варианта перевода представляется весьма логичным и обоснованным.

4. Негативная характеристика. Гендерная лексика, выражающая негативную характеристику женских персонажей довольно разнообразно и широко представлена в исследуемом романе (нами было выявлено 20 случаев употребления). Приведём примеры.

Репутация Норы как распутницы и хулиганки была подтверждена [11; с. 100].

Jedenfalls sahen sie Noras Ruf als sittenlose Unruhefisterin bestätigt [12; с. 76].

В переводной версии семантика гендерной лексики *распутница* (о женщине, предающейся разврату и ведущей распутную жизнь [14; с. 878], [13; с. 662]) оказывается размытой и выражается вследствие частеречной трансформации прилагательным *sittenlos* – «безнравственный» [15]. Лексема *хулиганка* переводится весьма точно, причём немецкое соответствие *Unruhestifter* оказывается стилистически более выразительным, в отличие от русского эквивалента, оно имеет словарную помету «неодобрит.» [15].

Я недоучка, Тенгиз [11; с. 309].

Ich habe nur eine Halbbildung, Tengiz [12; с. 239].

Лексема *недоучка* обладает пометой «разг.» и применяется относительно и мужчин, и женщин, недоучившихся и малосведущих [13; с. 405], получивших неполное или случайное образование [14; с. 522]. Данное значение передаётся в переводной версии описательным способом: *eine Halbbildung haben* (иметь недостаточное образование), при этом разговорность, присущая оригиналу, утрачивается.

Весьма часто при негативной характеристике женских персонажей применяется бранная лексика. Например:

Я чёрствая сволочь... [11; с. 25].

Ich bin ein hartherziges Monster [12; с. 18].

Семантика лексики *сволочь*, регистрируемой в словарях с пометами «прост. бран.» и значением «негодяй, мерзавец» [13; с. 705], «дрянной, подлый человек, негодяй» [14; с. 940], в данном примере раскрывается более полно за счёт зависимого прилагательного: героиня даёт себе такую негативную характеристику именно вследствие своей жестокости и бессердечности. В переводном варианте данная особенность передачи семантики сохраняется за счёт использования адекватной замены межъязыковых синонимов *Monster* – «монстр, чудовище» [15], *hartherzig* – «бессердечный, чёрствый» [15].

Чего тебе, Нюра? – прелестная эта идиотка всю жизнь её так звала [11; с. 27].

«Was ist los, Njura?» So nannte diese reizende Idiotin sie schon immer [12; с. 19].

Нет, всё же Ася настоящая идиотка! [11; с. 611].

Nein, Assja ist doch eine richtige Idiotin... [12; с. 486].

Используемая в обоих указанных случаях лексема *идиотка* имеет помету «разг. бран.» во всех используемых лексикографических источниках [13; с. 236], [14; с. 289], её переводной синоним *Idiotin* – «разг. неодобрит.» [15]. Определения *прелестная* и *настоящая*, равно как и их немецкоязычные аналоги *reizende* и *richtige*, являющиеся адекватной заменой, вносят некоторую иронию, определённую долю сарказма в характеристику женских персонажей, смягчая общую негативную оценку.

Также среди выявленных примеров негативной характеристики женских персонажей встречается метафорическая гендерная лексика:

Пусть проглотят эти старые кошёлки... [11; с. 99].

Da werden die alten Schlampen schlucken... [12; с. 75].

В приводимом метафорическом значении лексема *кошёлки* используемыми нами словарями не отмечается. Немецкий аналог *Schlampen* зафиксирован с пометой «разг. неодобрит.» со значением «неряха; женщина лёгкого поведения» [15]. Таким образом, при переводе происходит снятие образности, однако общая стилистическая выразительность остаётся.

И в первом и втором случае мужья отбили комнаты для своих индюшек с детёнышами [11; с. 471].

Beide Male haben Ehemänner mir das Zimmer weggeschnappt, für ihre Puten und ihre Kinder [12; с. 379].

В данном примере можно отметить сохранение метафоричности при негативной характеристике женских персонажей в переводной версии.

5. Позитивная характеристика (14 случаев употребления). В исследуемом нами романе в качестве основной позитивной характеристики женских персонажей, выражаемой гендерной лексикой, можно выделить ум, высокий уровень интеллектуального развития. Рассмотрим примеры.

Но ты же всё понимаешь, умница моя! [11; с. 127].

Das verstehst du doch, mein kluges Mädchen! [12; с. 101].

Имя существительное *умница* используется здесь как ласковое обращение к взрослой женщине, и в этом значении оно фиксируется в БТСРЯ с пометой «разг.» [14; с. 1102]. В немецкоязычной версии наблюдается лексическое развёртывание, переводным соответствием является нейтральное по своей стилистической окраске словосочетание *kluges Mädchen* (умная девочка). Следует отметить, что подобный вариант перевода является типичным и встречается в ряде примеров:

Я рад за твою умную работу (ты у меня всегда умница!) [11; с. 415].

Ich freue mich über deine kluge Arbeit (Du bist immer ein kluges Mädchen!) [12; с. 329].

Иногда умственные и интеллектуальные способности женских персонажей исследуемого произведения описываются метафорически, например:

Tusia была кладёзь – всё знала, всех помнила [11; с. 204].

Tussja war für Nora eine wahre Fundgrube – sie wusste alles, erinnerte sich an alle [12; с. 161].

В используемых в работе словарях зафиксировано устойчивое словосочетание *кладёзь премудрости*, причём с пометой «шутл.» [14; с. 348], [13; с. 275]. В тексте романа указанное словосочетание приводится сокращённо, причём без каких-либо шутливых или ироничных коннотаций. При переводе наблюдается лексическое развёртывание, переводной эквивалент *eine wahre Fundgrube* («истинная сокровищница, применительно к культурным и духовным ценностям» [15]), также обладает высоким уровнем образности.

Образное сравнение употребляется и при общей позитивной характеристике женских персонажей.

Marta – чудо из чудес! [11; с. 396].

Marta – Wunder über Wunder! [12; с. 313].

В данном случае обращает на себя внимание использование абсолютного синонима в переводной немецкоязычной версии романа. Среди выявленных нами примеров общей позитивной характеристики женских персонажей высокой частотностью отличается применение лексемы *баба* в сочетании с зависимым определением.

Ни у одного из его бывших байкерских приятелей не было такой замечательной бабы: красивая, спокойная, образованная и деловая [11; с. 596].

Keiner seiner ehemaligen Biker-Freunde hatte ein solches Klasseweib: hübsch, ruhig, gebildet und tüchtig [12; с. 471].

Приводимое в данном примере значение лексемы *баба*, как о женщине вообще, иногда с пренебрежительным, фамильярными или шутливым оттенком, имеет помету «прост.» в ТСРЯ [13; с. 33], в БТСРЯ регистрируется без каких-либо стилистических помет [14; с. 23]. Оценочное прилагательное *замечательная* передаётся в немецкоязычном варианте компонентом *Klasse-* в составе сложного существительного. Отметим также что немецкое *das Weib* (баба) также фиксируется в словаре с пометами «разг.» «неодобрит.» [15], таким образом можно говорить о сохранении общей стилистической окраски при переводе.

Потрясающая баба... [11; с. 19].

Unglaublich, die Frau [12; с. 12].

В данном случае в качестве переводного эквивалента используется нейтральный по своей стилистической окраске немецкоязычный синоним *die Frau*, однако разговорный характер, содержащийся в русской лексеме *баба*, отчасти компенсируется синтаксически путём вынесения прилагательного *unglaublich* («невероятный, колоссальный» [15]) в препозицию.

Nora остановилась у своей подруги в Северном Манхэттене, славная тётка... [11; с. 696].

Nora wohnte bei ihrer Freundin in Nord-Manhattan, eine tolle Frau [12; с. 568].

В используемых в исследовании словарях лексема *тётка* фиксируется с пометой «прост.» применительно главным образом к пожилой женщине [14; с. 1046], [13; с. 798]. В приведённом выше примере речь идёт о женщине средних лет, то же можно сказать и о переводном соответствии *die Frau*, не передающем, однако, всех стилистических коннотаций в силу своего нейтрального характера. Среди выявленных нами примеров около 20 случаев употребления гендерной лексики не обладают общими квалификационными признаками, или же составляют совсем незначительные группы в 2-3 единицы, вследствие чего их подробное рассмотрение в данной работе представляется нецелесообразным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в исследуемом нами художественном произведении гендерная лексика является одним из ключевых средств характеристики женских персонажей. При этом гендерно маркированные лексические единицы обладают рядом особенностей: высокой образностью и большей частью оценочными и разговорными коннотациями. Использование субстантивной лексики со словообразовательно обусловленным разговорным характером в некоторой степени нивелирует андроцентричность русского языка, проявляемую в обозначениях профессий и рода деятельности женщин. Данная специфика, а также некоторые окказиональные употребления гендерно отмеченных единиц, во многом определяют типичные черты индивидуально-авторского стиля Л. Улицкой.

Для переводной немецкоязычной версии романа показательное сохранение характерологических особенностей гендерно-маркированной лексики, однако, её разговорная отмеченность большей частью не передаётся.

Библиографический список

1. Мифтахова О.В., Хромова А.С. Гендерно симметричная лексика в современном немецком языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 4 (35). С. 67-74.

2. Ярошук М.В. Гендерные особенности употребления эмоционально-оценочной лексики в рекламном тексте // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2019. Т. 1. № 4 (12). С. 125-130.
3. Цой Юян. Сопоставительный анализ маркированности гендерной лексики, обозначающей термины родства в русском и китайском языках // Университетский научный журнал. 2018. № 36. С. 254-259.
4. Тимченко Е.И. Проявление гендерного фактора в современном немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 2. С. 479-484.
5. Лизенко И.И. Субстандартная лексика в русско- и англоговорящем социумах: гендерная дифференциация // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 3(36). С. 181-185.
6. Ефремов В. А. Гендерные стереотипы и русская лексикография // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 100-111.
7. Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2002. 608 с.
8. Демешина Т.А, Толстова М.А. Концепция диалектного словаря гендерно маркированной лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3(215). С. 17-24.
9. Герасименко И.Е. Аксиологическая характеристика гендерно маркированной лексики // Глобальный научный потенциал. 2020. № 12(117). С. 217-220.
10. Кирилина А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 12-29.
11. Улицкая Л.Е. Лестница Якова. М.: 2015. 731 с.
12. Ulitzkaja L. Jakobsleiter. München: Karl Hanser Verlag. 2017. 608 S.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
14. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.
15. АБВУ Lingvo x6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения 10.08.2021).
16. Морозова Е.Н., Тимошилова Т.М., Цыпченко Е.А. Гендерный дискурс и гендерно-маркированная лексика на материалах англоязычного фанфикшн // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1(40). С. 170-179.
17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. 1935-1940 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения 10.08.2021).

References

1. Miftakhova O. V., Khromova A. S. Gender-symmetric vocabulary in the modern German language // Actual issues of modern philology and journalism. 2019. No. 4 (35). pp. 67-74.
2. Yaroshuk M. V. Gender features of the use of emotional and evaluative vocabulary in the advertising text // Linguocultural education in the system of university training of a specialist. 2019. Vol. 1. No. 4 (12). pp. 125-130.
3. Choi Yuyan. Comparative analysis of the marking of gender vocabulary denoting the terms of kinship in the Russian and Chinese languages // University Scientific Journal. 2018. No. 36. pp. 254-259.
4. Timchenko E. I. The manifestation of the gender factor in the modern German language // Bulletin of the Bashkir University. 2021. Vol. 26. No. 2. pp. 479-484.
5. Lizenko I. I. Sub-standard vocabulary in Russian-and English-speaking societies: gender differentiation // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2013. No. 3(36). pp. 181-185.
6. Efremov V. A. Gender stereotypes and Russian lexicography // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2016. No. 6. pp. 100-111.
7. Kolesnikov N. P. Explanatory dictionary of women's names: More than 7000 units. Moscow: AST: Astrel, 2002. 608 p.
8. Demeshina T. A., Tolstova M. A. The concept of a dialect dictionary of gender-marked vocabulary // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2021. № 3(215). P. 17-24.
9. Gerasimenko I. E. Axiological characteristics of gender marked vocabulary // Global scientific potential. 2020. No. 12(117). P. 217-220.
10. Kirilin, A. V. Denote gender important vocabulary in the light of the opposition of global and domestic (the national corpus of the Russian language) // Questions of psycholinguistics. 2019. No. 2(40). pp. 12-29.
11. Ulitskaya L. E. Jacob's Ladder. Moscow. 2015. 731 p.
12. Ulitzkaja L. Jakobsleiter. München: Karl Hanser Verlag. 2017. 608 S.
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: A TEMP, 2004. 944 p.
14. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Alta-Print, 2005. 1239 p.
15. АБВУ Lingvo x6 [Internet source]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (Date of access:10.08.2021).
16. Morozova E. N., Timoshilova T. M., Tsypchenko E. A. Gender discourse and gender marked vocabulary based on the materials of English-language fanfiction // Language theory and intercultural communication. 2021. No. 1(40). pp. 170-179.
17. Ushakov D. N. Explanatory dictionary. 1935-1940 [Internet source]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (Date of access: 10.08.2021).

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPL.2022.30.50.018

*Администрация городского округа город Воронеж
Ведущий специалист по информационным ресурсам
Лаптева М.А.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7(904)214-15-89;

e-mail: marina.lapteva.vrn@gmail.com

*Administration of the urban district of the city of Voronezh
Lead Information Resource Specialist*

Lapteva M.A.

Russia, Voronezh, +7(904)214-15-89;

e-mail: marina.lapteva.vrn@gmail.com

М.А. Лаптева

ОБРАЗ ВОРОНЕЖА В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье представлена специфика восприятия образа города Воронежа, который складывается в массовой культуре благодаря упоминаниям символов, ассоциирующихся с ним в поэтических произведениях, литературе, средствах массовой информации. В массовом сознании со временем закрепляются определённые образы окружающего мира. Этому способствуют как художественные и публицистические тексты, так и живая речь. В последнее время к этому списку добавились также комментарии и истории случайных собеседников в интернете, посты в социальных сетях, мнения блогеров. В данной статье автор обращается к репрезентации образа города Воронежа в произведениях отечественных поэтов. Динамичность образа, выявленная в ходе исследования, выражается в том, что он исторически изменяем - трансформируется в сознании людей в зависимости от эпохи, обогащаясь новыми смыслами. Сложность исследования образа города заключается в том, что он является одновременно проекцией как индивидуального, так и коллективного сознания. Поэтому для создания завершённой картины необходимо исследовать как художественные тексты и публикации средств массовой информации, так и проводить индивидуальное интервьюирование респондентов. Образ Воронежа встречается во многих произведениях художественной литературы, но особенно ярко выражен именно в поэзии. В формировании этого образа участвуют исторические факты. Словесные ряды, положительно и отрицательно коннотированные текстом и вовлекаемые в конструирование образа города, формируют единый поэтический свертхтекст Воронежа.

Ключевые слова: образ города, поэзия, Воронеж, символ.

M.A. Lapteva

IMAGE OF VORONEZH IN MASS CULTURE

The article presents the specific perception of the image of the city of Voronezh, which is formed in popular culture due to the mention of symbols associated with it in poetic works, literature, and the media. In the mass consciousness of people, certain images of the surrounding world are fixed over time. This is facilitated by both artistic and journalistic texts, as well as the lively speech of the surrounding people. Recently, comments and stories of random interlocutors on the Internet, posts on social networks, and opinions of bloggers have also been added to this list. In this article, the authors turned to the representation of the image of the city of Voronezh in the works of Russian poets. The dynamism of the image is expressed in the fact that it is always transformed in the minds of people, enriched with new meanings. The difficulty lies in the fact that the image is both a projection of both individual and collective consciousness. Therefore, to create a complete picture, it is necessary to study literary texts and media publications. The image of Voronezh is found in many works of fiction, but it is especially pronounced in poetry. Historical facts are involved in the formation of this image. verbal series, positively and negatively connoted by the text, are involved in the construction of the image of the city, forming a single poetic supertext of Voronezh.

Key words: image of the city, poetry, Voronezh, symbol.

Образ окружающего мира в представлении каждого человека формируется на основании тех впечатлений, которые он получает через разные каналы восприятия. Так, в нашем сознании с раннего детства и до глубокой старости формируются образные представления о самых разных вещах, которые нас окружают, событиях, которые с нами происходят и, конечно, городах, являющихся нам родными или посещаемыми нами во время туристических поездок.

Все эти созданные сознанием и органами чувств образы непременно находят отражение в живой речи людей.

Так, люди, живущие в одной среде, могут формировать схожие представления о некоторых явлениях, которые фиксируются в речи жителей определенной местности, получив название диалектизм.

В массовом сознании людей со временем закрепляются определённые образы окружающего мира. Этому способствуют как художественные и публицистические тексты, так и живая речь окружающих людей. В последнее время к этому списку добавились также комментарии и истории случайных собеседников в интернете, посты в социальных сетях, мнения блогеров.

В массовой культуре многие годы формируются стереотипные образы стран, городов, поселков и местностей. Например, самыми распространенными в мире ассоциациями с Россией являются медведь, матрёшка и балалайка. А каждый русский знает, что употребление в речи фрикативного «г» зачастую говорит о южнорусском происхождении собеседника.

Одним из первых к изучению образа города обратился американский исследователь Кевин Линч в 1960х годах прошлого века. В своей работе он говорит о том, что «всё воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, в связанном с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте... У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями» [1; с. 15].

Как утверждал исследователь, общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Однако не исключена возможность возникновения ряда общественных образов, каждый из которых вырабатывается значительной группой горожан [1; с. 50].

В формировании мнения общественных групп активно участвуют средства массовой информации, публицистические материалы и произведения художественной литературы.

Стоит отметить, что интерес исследователей к феномену образа города в современном мире набирает обороты. В научной литературе есть примеры исследования образа города с позиций концептологии, имагологии, а также географии и экономики.

Так, И.М. Печищев в своей работе рассматривает формирование образа территории в печатных СМИ с позиции концептологии. По мнению исследователя, «в текстах СМИ возникает концепт, характеризующий территорию. Он появляется как своего рода совокупность смыслов в процессе построения информации об объективном положении дел в мире» [2].

С позиции имагологии к изучению образа города подходят С.В. Мельникова и О.С. Поршнева. Они делают вывод о том, что «исследователь может истолковать городской «текст» только рассматривая его в историческом и социо-культурном контексте, как систему согласованных значений» [3].

С точки зрения географии, можно говорить о том, что: «Имидж территории, как правило, является частью географического образа. В самом простом виде географический образ – система знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов, характеризующих определенную территорию» [4].

Индивидуальные представления, созданные в литературных произведениях, являются предметом исследования многих филологов. Так, например, Ю.А. Маринина в своей диссертации «Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX в.: от Бодлера к символистам» говорит о том, что «образ города складывается из суммы параллелей, проводимых между стихотворениями и мифологическими сюжетами» [5]. В результате исследования автор делает вывод, что «образ города, показанный литераторами, точно передает ощущения художников того времени, остро чувствующих надвигающиеся перемены и грандиозный масштаб такого явления как город» [5].

В данной статье мы обратимся к репрезентации образа города Воронежа в произведениях отечественных поэтов.

Как известно, понятие «образ» многоуровневое и динамическое. Оно имеет множество интерпретаций в научной литературе. Слово «образ» как самостоятельная лексическая единица в обычной жизни носителями языка редко используется для номинации образа как целостного образования, поскольку «образ синтетичен, он создается комплексным восприятием действительности, в котором ведущими являются зрительные впечатления». [6]

Динамичность образа выражается в том, что он всегда трансформируется в сознании людей, обогащается новыми смыслами. Сложность заключается в том, что образ является одновременно проекцией как индивидуального, так и коллективного сознания. Поэтому для создания завершённой картины необходимо исследовать художественные тексты и публикации средств массовой информации.

Образ Воронежа встречается во многих произведениях художественной литературы, но особенно ярко выражен именно в поэзии.

В формировании этого образа участвуют такие исторические факты как строительство русского военно-морского флота, в особенности личность царя-реформатора Петра I, ссылка поэта Осипа Мандельштама, ратные подвиги и трагедии Великой Отечественной войны, казачество и географическая близость к рекам Дон и Воронеж. Упоминаются и знаменитые писатели и поэты, уроженцы Воронежа – Платонов, Маршак, Кольцов, Никитин и Бунин.

Восприятие Воронежа как колыбели русского флота прочно закрепилась в поэзии – почти в каждом стихотворении о Воронеже используется этот исторический факт:

«Как грозно сходили,
Со стапелей судна,
И шли корабли твои в бой!
Воронеж, Воронеж!» (Г. Любомирский) [7].

Введение имени царя Петра I, который решил строить корабли в нашем городе, часто выступает индикатором исторического хронотопа:

«Воронеж! Город мой любимый! Рождён во славу ты Петра!» (Алексей Воронин) [4].

Таким образом, мы видим, что ряд лексем отсылает нас к эпохе Петра I и строительству военно-морского флота России, которые метафорические актуализируются в локальном поэтическом свертке Воронежа.

Репрезентанты Воронежа как города воинской славы возникают в современной поэзии в связи с нелегкой судьбой города в Великой Отечественной войны:

«Воронеж стал городом воинской славы,
Не сдавшись под вражеским шквальным огнём» (Михаил Долгих) [7].
«Воронеж, Воронеж!
Ты знаешь и помнишь нелёгкую горечь побед!
Надёжно хранят
Боевые знамёна
Нам память героических лет!» (Г. Любомирский) [7].
«Мой город воин! Ты непобедимый! Не сдавшийся фашизму и векам!» (А. Воронин)
«Воронеж наш — город герой!
Людей смелых, славных, отчизна!
Мы будем гордиться тобой!
Твоей славой и героизмом!
Тебя отстояли в боях
Как память осталась Ротонда,
И горькая память в сердцах
Бойцов, возвратившихся с фронта!
Тебя поднимали с руин
Всю душу вложили в строенья
Силы людей и машин
Творили тебя с вдохновеньем!» (А. Федорова)
Географическая близость к реке Дон также привлекает поэтов:
«Просторы Дона, рощи и дубравы!
Любовь для подвига. Минуты тишины»
(Алексей Воронин)

Эти примеры иллюстрируют модальность жизнеутверждения и патриотизма, характеризующую коллективное сознание.

Интересно, что в поэтических текстах обыгрывается одна из версий происхождения топонима *Воронеж*, рассматриваемого как слияние лексем *ворона* и *еж*.

Например, к образу вороны обращается Анна Ахматова в своем стихотворении «Воронеж», посвященном ссыльному поэту Осипу Мандельштаму. В её произведении город Воронеж ассоциируется с безысходностью:

«А над Петром воронежским – вороны ...»

Сам Осип Мандельштам, вынужденный находиться в Воронеже, также связывает город с образом вороны/ворона

«Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,

– Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...»

Речевые обороты с упоминанием вороны («белая ворона», «воронье гнездо», «как ворона на падалище», «пуганая ворона», «проворонить») чаще всего связывают речевую ситуацию с негативной стороной жизни, что накладывает свой отпечаток и на название города, в народной этимологии связываемого с образами вороны и ежа. В Ветхом Завете упоминается, что ворон был белой птицей, но, принеся Ною недобрую весть, стал черным, отсюда негативное восприятие образа вороны. Народной этимологией навеяны стихотворные произведения Михаила Маркова, активно использующего аллитерацию:

«В городе Воронеже – воробьи да вороны»;
«у людей в Воронеже счастье не воровано»
«Ветер над Воронежем ворожит и носится,
ворошит опавшую жёлтую листву» [7].

Однако строки Михаила Маркова создают лёгкий и позитивный образ уютного города, в котором живут птицы и счастливые люди, а ветер в парках играет опавшей осенней листвой.

Интересно, что в славянской народной традиции образ вороны/ворона амбивалентен: как указывает А. Гура, «ворон – вещая птица. Он владеет тайнами, вещует смерть, нападение врагов, владеет магическим камнем. В русских былинах даёт советы героям», но при этом «птицы этого семейства имеют чёрную окраску и противопоставляются белым птицам как зловещие, хищные и нечистые» [8]. Отметим, что в современном представлении закреплён скорее негативный, мрачный образ ворона. Как видим, вороны издавна ассоциируются с Воронежем, хотя прямого отношения к городу не имеют.

Несмотря на то, что происхождение топонима *Воронеж* до сих пор является загадкой, несколько версий закрепились в истории. По мнению Г.Ф. Ковалёва, в основе названия *Воронеж* имя собственное *Воронег*, используемое изначально как гидроним. С финно-угорского *Воронеж* – это «чёрная земля» или «чёрная вода».

Таким образом, выделенные нами словесные ряды, положительно и отрицательно коннотированные текстом, вовлекаются в конструирование образа города, формируя единый поэтический свертхтекст Воронежа.

Библиографический список

1. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
2. Печищев И.М. Концепт «столица» как основание для конструирования образа территории // Вестник ВГУ, серия «Филология. Журналистика». 2007, №2. С. 201-204.
3. Мельникова С.В., Поршнева О.С. Образ города в культурно-историческом контексте URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43838/1/iuro-2016-158-16.pdf> (дата обращения - 1.09.2022)
4. Замятин Д.И. Экономическая география образа URL: https://www.ng.ru/science/2008-12-24/14_geography.html (дата обращения - 1.09.2022)
5. Маринина Ю.А. Мифологизированный образ города во французской поэзии второй половины XIX века: от Бодлера к символистам. Автореф... кандидата филологических наук 10.01.03. М., 2007. 16 с.
6. Арутюнова Н.Д. Семиотические концепты. Образ // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека М., 1999. С. 32
7. Стихи о Воронеже. URL: <https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-voronezhe/> (дата обращения - 1.09.2022)
8. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 530 с.

References

1. Lynch K. The image of the city. M.: Sroizdat, 1982. 328 p.
2. Pechishchev I.M. The concept of "capital" as a basis for constructing the image of the territory // Vestnik VSU, series "Philology. Journalism". 2007, No.2. pp. 201-204.
3. Melnikova S.V., Porshneva O.S. The image of the city in the cultural and historical context URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/43838/1/iuro-2016-158-16.pdf> (accessed on 1.09.2022)
4. Zamyatin D.I. Economic geography of the image URL: https://www.ng.ru/science/2008-12-24/14_geography.html (accessed on 1.09.2022)
5. Marinina Yu.A. The mythologized image of the city in French poetry of the second half of the XIX century: from Baudelaire to the Symbolists. Abstract ... Candidate of Philological Sciences 10.01.03. M. 2007. 16s.
6. Arutyunova N.D. Semiotic concepts. Image // Arutyunova N.D. Language and the human world M. 1999. P. 32
7. Poems about Voronezh. URL: <https://chto-takoe-lyubov.net/stixi-o-voronezhe/> (accessed on 1.09.2022)
8. Gura A.V. Animal symbolism in the Slavic folk tradition. Moscow: Indrik, 1997. 530 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81`25

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.46.58.019

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Канд. филол. наук, доцент кафедры германских языков
Матвеева Н.В.

Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак,
тел. +7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@strbsu.ru

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Студент 4 курса филологического факультета
Жигалова Я.И.

Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак,
тел. +7(964)9637359

e-mail: itrochilidae@gmail.com

Sterlitamak branch of Bashkir State University

The chair of Germanic languages

PhD, associate professor

Matveeva N.V.

Russia, Bashkortostan, Sterlitamak,
+7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@strbsu.ru

Sterlitamak branch of Bashkir State University

The department of philology

The 4-th-year student

Zhigalova Y.I.

Russia, Bashkortostan, Sterlitamak,
+7(964)9637359

e-mail: itrochilidae@gmail.com

Н.В. Матвеева, Я.И. Жигалова

РАЗЛИЧИЯ В РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТАХ ПЕРСОНАЖЕЙ ФИЛЬМА «ЗЕЛЁНАЯ КНИГА» ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Данная статья посвящена проблемам аудиовизуального перевода речи героев в художественном фильме. Проблема обусловлена тем, что данный вид перевода не имеет традиций как перевод в других более устоявшихся областях, таких как литературный или юридический перевод и даже единого мнения о том, как его следует называть. Для переводчика сложность аудиовизуального перевода заключается в создании диалогов, имитирующих заранее подготовленный спонтанный способ дискурса, которые строятся с помощью вербальных и невербальных кодов значения, и в то же время должно соответствовать временным и пространственным ограничениям. Данное исследование заключается в попытке изучения особенностей передачи речи персонажей при аудиовизуальном переводе, а именно – возможных различий речевых портретов в оригинале и дублированной версии фильма режиссёра Питера Фаррелли «Зелёная книга» (США, 2018). В ходе анализа речевых портретов с лингвистической точки зрения были выявлены изменения, произошедшие при аудиовизуальном переводе фильма с английского на русский язык. В процессе исследования были рассмотрены речевые портреты персонажей на фонетическом, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях; сопоставлены речевые портреты в оригинале и в переводе; выявлено воздействие аудиовизуального перевода на восприятие образов персонажей. Результаты проведённого исследования показывают, что, при условии допуска неточностей в дублированном переводе, вызванных особенностями аудиовизуального перевода и артикуляционной синхронизации речи актёров, в переводе фильма «Зелёная книга» присутствуют значительные изменения речевых портретов героев, а, соответственно, и восприятие их образов зрителями. Неточный перевод может нарушить задуманную режиссёром гармоническую целостность, представив неверные портреты героев.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, речь персонажа, речевой портрет, знаковые системы, дублированный перевод.

N.V. Matveeva, Ya.I. Zhigalova

DIFFERENCES IN THE SPEECH PORTRAITS OF THE FILM "GREEN BOOK" CHARACTERS IN AUDIOVISUAL TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

This article is devoted to the problems of audiovisual translation of the characters' speech in a feature film. The problem is caused by the fact that this type of translation does not have traditions like translation in other more estab-

lished areas, such as literary or law translation, and even a consensus on what it should be called. For the translator, the complexity of audiovisual translation lies in creating dialogues that imitate a pre-prepared spontaneous way of discourse, which are constructed using verbal and nonverbal codes of meaning and at the same time must comply with temporal and spatial constraints. This research is an attempt to study the features of the characters' speech transmission in audiovisual translation, namely, the possible differences between the speech portraits in the original and the dubbed version of the film directed by Peter Farrelly "Green Book" (USA, 2018). During the analysis of speech portraits from a linguistic point of view, the changes that occurred during the audiovisual translation of the film from English into Russian were revealed. In the course of the research, the speech portraits of the characters at the phonetic, lexicogrammatical and syntactic levels were examined; the speech portraits in the original and in translation were compared; the impact of audiovisual translation on the perception of the characters' images was revealed. The results of the study show that, subject to the admission of inaccuracies in the dubbed translation caused by the peculiarities of audiovisual translation and articulatory synchronization of the actors' speech, there are significant changes in the translation of the film "Green Book" in the speech portraits of the characters, and, accordingly, the perception of their images by the audience. An inaccurate translation can violate the harmonic integrity conceived by the director by presenting incorrect portraits of the characters.

Keywords: audiovisual translation, character speech, speech portrait, sign systems, dubbed translation.

Проблемы перевода являются актуальными в современной жизни, особенно проблемы, связанные с переводом художественных фильмов. В наши дни количество зарубежных фильмов в российском прокате значительно преобладает над отечественным кино. В связи с этой тенденцией возрастает и потребность качественного перевода. Поскольку аудиовизуальный перевод не имеет традиций как перевод в других более устоявшихся областях, таких как литературный или юридический перевод, до недавнего времени не было единого мнения о том, как его следует называть. Хотя термин «аудиовизуальный перевод» в настоящее время широко распространен в Европе (*traduction audiovisuelle*, *traduzione audiovisiva*, аудиовизуальные издания, *tradução* аудиовизуальные и т.д.), он получил множество других наименований: дублирование фильмов (Фодор), ограниченный перевод (Титфорд), перевод фильма (Снелл-Хорнби), перевод с экрана (Мейсон), перевод фильмов и телевидения (Делабастиа), перевод средств массовой информации (Эгилус), синематографическая ассоциация (Лекуона), *traducción cinematográfica* (Уртадо), мультимедийный перевод (Матео), трансадаптация (Гамбе, Невес), а также другие гипонимические термины, которые иногда используются для обозначения всего аудиовизуального перевода.

Аудиовизуальный перевод – это способ перевода, характеризующийся передачей аудиовизуальных текстов либо межъязыковым, либо внутриязыковым способом. Как следует из их названия, аудиовизуальные тексты предоставляют информацию по двум каналам связи, которые одновременно передают кодифицированные значения с использованием разных знаковых систем: акустический канал, по которому передаются и принимаются акустические колебания в виде слов, паралингвистической информации, звукового сопровождения и специальных эффектов; и визуальный канал, по которому световые волны передаются и принимаются в виде изображений, цветов, движения, а также плакатов или подписей с лингвистическими знаками и т.д. Для переводчика сложность аудиовизуального перевода заключается в создании диалогов, имитирующих заранее подготовленный спонтанный способ дискурса (особенно в вымышленных текстах), которые строятся с помощью письменного и устного языка, а также с помощью других невербальных кодов значения, и в то же время должно соответствовать временным и пространственным ограничениям, которые изображения накладывают на перевод (синхронность или соответствие в случае режимов дубляжа и озвучивания, а также временные и пространственные ограничения в случае субтитров и связанных режимов).

Под способами аудиовизуального перевода понимаются все виды передачи аудиовизуальных текстов между двумя языками и культурами (межъязыковые) или в пределах одного языка и культуры (внутриязыковые, так называемые доступные режимы: субтитры для глухих и слабослышащих, аудиодискрипция для слепых и слабовидящих, озвучивание, аудиозапись и т.д.). По сути переводы аудиовизуальных текстов выполняются путем введения на экране или рядом с ним целевого текста с переводом или воспроизведением диалогов и вставок (субтитров), или вставляя новую звуковую дорожку на другом языке и либо отменяя оригинальную звуковую дорожку диалогов на исходном языке (дублирование), либо оставляя ее на месте (озвучка). Другими словами, аудиовизуальный текст либо снабжен субтитрами, либо изменен. Де Линде и Кей, например, утверждают, что все другие способы аудиовизуального перевода являются просто “подтипами” этих двух основных альтернатив. Подтипы, которые выделяют эти авторы, включают одновременное субтитрование в режиме реального времени, синхронный перевод, озвучивание, повествование, комментarii, многоязычное распространение с помощью телетекста и визуального перевода, как это используется на кинофестивалях. В этой классификации понятия режима трансляции объединены со средой вещания и

возможностями, которые предлагают эти средства массовой информации. Например, многоязычная диффузия, режим, также определенный Гамбье, просто предоставляет возможность увидеть один и тот же аудиовизуальный текст, дублированный или снабженный субтитрами с использованием телетекста, но режимы перевода – дублирование и субтитры – одинаковы.

Таким образом, аудиовизуальный перевод можно считать отдельным видом перевода, так как он отличается особой сложностью: переводчики ограничены полисемантической произведений, что предполагает многоуровневый анализ исходного текста.

Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей передачи речи персонажей при аудиовизуальном переводе, а именно – возможных различий речевых портретов в оригинале и дублированной версии фильма. Особый интерес представляют киноработы, отмеченные наградами международных кинофестивалей и премий, поскольку режиссёры этих фильмов вносят значительный вклад в мировой кинематограф. Так как, по существующему мнению, аудиовизуальный перевод является межъязыковой адаптацией, подразумевающей глубокие изменения оригинального текста и, соответственно, теряющей такое свойство, как эквивалентность, в ходе него создаётся принципиально новое прочтение произведения. По мнению А.В. Козуляева, полисемантика исходного текста преобразуется в новую полисемантику, адекватную для восприятия человеком другой культуры [1].

На первом этапе перевода для дубляжа выполняется подстрочный перевод, который затем подвергается литературной обработке [2; с. 140-141]. Под руководством режиссёра дубляжа к работе переводчиков подключается укладчик, ответственность которого – следить за точным совпадением текста и изображения на экране по длительности реплик и артикуляции актёров. Создание эквивалентного и адекватного перевода – трудоёмкий процесс, ведь кроме того, чтобы сохранить идею фильма и характеры персонажей, нужно учитывать культурный аспект, в том числе игру слов. Аудиовизуальный переводчик работает сразу с несколькими потоками данных, включая вербальные и невербальные ряды информации, и, учитывая это, он должен сохранить естественное звучание текста при переводе.

Нередки случаи, когда переводчики для успешной локализации вынуждены заменять слова, казалось бы, далёкими друг от друга семантически. Это обусловлено также мультимедийностью перевода: если субтитрование ещё допускает некоторую вольность, то дубляж подразумевает максимально возможное совпадение в артикуляции персонажей. По мнению учёных, качественный перевод должен соответствовать двум основным параметрам: быть эквивалентным и адекватным [3; с. 314]. Под эквивалентностью В.В. Сдобников понимает прежде всего семантико-структурную (в том числе стилистическую) близость текста перевода тексту оригинала. Адекватность перевода, по его мнению, «означает соответствие перевода цели, с которой он был создан в рамках определенной коммуникативной ситуации» [4; с. 65-66]. Однако трудности перевода – передача нюансов значений слов, многозначности в контексте, смыслового соответствия, а также гармоничного изображения персонажа и попытка сделать его доступным для понимания зрителем иного менталитета – могут сказаться на речевых портретах героев и, соответственно, восприятии их публикой.

Материалом для исследования послужил фильм режиссёра Питера Фаррелли «Зелёная книга» (США, 2018) [5]. Биографический фильм, рассказывающий о том, как во время тура по югу США завязалась дружба между известным джазовым пианистом Доном Ширли и водителем Тони Валлелонгой, был удостоен трёх «Золотых глобусов» в категориях «Лучший фильм – комедия или мюзикл», «Лучшая мужская роль второго плана» (Махершала Али) и «Лучший сценарий». На церемонии вручения премии «Оскар» кинокартина получила три награды в тех же категориях, а также была выдвинута в номинациях «Лучшая мужская роль» (Вигго Мортенсен) и «Лучший монтаж» [6]. В декабре 2018 года «Зелёная книга» вошла в список 10 лучших фильмов 2018 года, опубликованный Американским институтом киноискусства [7]. Выбор этого фильма связан ещё и с тем, что главные герои являются представителями разных социальных слоёв, расы, жизненных взглядов и установок, а значит, имеют яркие индивидуальные речевые портреты.

Цель нашего исследования – проанализировать эти речевые портреты с лингвистической точки зрения и выявить изменения, произошедшие при аудиовизуальном переводе фильма с английского на русский язык. В связи с поставленной целью были определены следующие задачи:

- 1) рассмотрение речевых портретов персонажей на фонетическом, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях;
- 2) сопоставление речевых портретов в оригинале и в переводе;
- 3) выявление воздействия аудиовизуального перевода на восприятие образов персонажей.

Научная новизна работы состоит в том, что лингвистические исследования по сравнению речевых портретов героев в оригинале и в дублированном переводе с английского на русский язык фильма «Зелёная книга» ранее не проводились.

Основными методами исследования стали: лингвистический анализ, наблюдение, сравнение. Единицами исследования послужили реплики персонажей. Лингвистический анализ включал в себя методы компонентного, концептуального, контекстуального анализа, а также анализ сочетаемости слов, основанные на сопоставлении языковых единиц в английском и русском языках.

В настоящей работе под речевым портретом персонажей кинематографа понимается воплощение в их речи тех или иных речевых характеристик, предпочтений, намерений и стратегий воздействия на слушающих. Подбор особых для каждого персонажа слов, выражений, синтаксических конструкций является средством художественного изображения языковой личности. В свою очередь языковая личность представляет собой комплекс составляющих: национальных, социальных, антропологических, психоэмотивных, возрастных, гендерных аспектов [8; с. 269]. Принимая во внимание этот факт, не исключено, что языковая личность персонажа при переводе фильма преломляется.

Премьера фильма «Зелёная книга» состоялась осенью 2018 года (в России – в начале 2019). Получивший высокие оценки кинокритиков, фильм поразил публику на фестивале в Торонто, а затем и зрителей всего мира. Оптимистичное настроение после финала поддерживается благодаря заслуге режиссёра Питера Фаррелли и удачному чередованию драматических и комедийных приёмов, а также актёрам, появившимся в непривычных амплуа. Вигго Мортенсен исполнил роль итальянца Тони Валлелонги, работающего в клубе «Копакабана», где наблюдает за порядком и выставляет за порог разбушевавшихся посетителей. Образ Дона Ширли, обладателя докторской степени по музыке, психологии и литургии, талантливейшего пианиста воплотил Махершала Али. Уже эти исходные данные предполагают значительную разницу в речевых портретах персонажей.

«Зелёная книга», по мнению Вигго Мортенсена, «делает людей счастливыми». Фильм развлекает и воодушевляет одновременно, «разговаривает со зрителем вкрадчиво», аккуратно преподнося острые темы [9]. Тем труднее была задача переводчиков: выполнить перевод, максимально точно отражающий специфику речи персонажей, посыл фильма, и сохранить комедийно-драматические элементы, понятные для российского зрителя.

Речевой портрет Тони Валлелонги в оригинале и в переводе.

Тони Валлелонга в детстве получил прозвище «Lip» (в официальном дубляже – «Болтун», в некоторых других переводах встречается «Говорун») за его способность уговаривать людей делать то, что он от них хотел [10; с.14]. Тони Валлелонга – шумный, неряшливый, недалёкий [11]. Однако его образ в русской и английской версиях фильма существенно разнится.

Стоит обратить внимание на то, что русский язык звучит более экспрессивно, нежели английский, в связи с чем образ Тони Валлелонги в дубляже получился более эмоциональным, нежели в оригинале. Однако дело не только в интонации: речевой портрет героя явно контрастирует на фоне других благодаря лексическим особенностям. На письме Тони делает ошибки, что послужило стержнем для целой комической сцены. В оригинале Тони путает слова «deer» и «dear», на что ему указывает Дон Ширли:

Оригинал

Dear Dolores. D-E-A-R. This is an animal.

Дубляж

Дорогая Долорес. Через два А.

Это лишь пример локализации при переводе, которую, как правило, считают допустимой и эквивалентной. Однако, если обратить внимание на устную речь героя, становится ясно, что его речевой портрет, а вслед за ним и образ претерпели значительные изменения.

Реплики Тони насыщены жаргонной и просторечной лексикой, а порой и ненормативной. Примечателен тот факт, что эти элементы в большинстве своём отсутствуют в оригинальной речи персонажа, а появились только при дубляже. Например, Тони совершенно нейтрально отзывается о своих планах после закрытия его места работы, чего не скажешь о дублированной реплике:

Оригинал

I'm gonna have to go back to driving garbage trucks.

What do we care if you believe it?

Дубляж

Походу опять баранку мусоровоза крутить.

Да мне как-то пофиг, что ты не веришь.

Что касается синтаксических конструкций, стоит отметить наличие дополнительных элементов, которые на языке оригинала обусловлены лишь нормой и не несут какой-либо характерной стилистической окраски. Однако при дублировании реплики героя приобрели грубоватый оттенок:

Оригинал

I didn't know it bothered you. You should have told me. All you got to do is say the word, Doc.

Дубляж

Тебя это бесит? Чё не сказал? Ты, если чё не так, сразу говори.

Слова, звучащие абсолютно нейтрально в оригинале, в дубляже заменяются стилистически сниженной лексикой:

Оригинал

I'm here for the driver job.

Nah, that's all right. I think I got the wrong address.

Why?

It's nice, huh?

You speak German, huh?

Дубляж

Это вы водилу ищите?

Не, я не по этому делу. Видать, накосячили с адресом.

Нафига?

Не кисло, да?

По-немецки шпарите?

Наиболее любопытным нам показалось следующее наблюдение: дублированные реплики подверглись такому искажению, которое привело к совершенно иному восприятию персонажа. Например, рассмотрим реплики в сценах фильма, когда Тони впервые встретился с доктором Доном Ширли, а затем делился впечатлениями с женой.

Оригинал

And believe me, you in the Deep South... there's gonna be problems.

He ain't a real doctor. He's a piano player.

I don't know. I think he's, like, a doctor of piano playing or something.

Дубляж

А иначе вы в Южных Штатах... точно огребёте.

Никакой он не доктор. Он лабает на пианино.

А фиг его знает. Может, он доктор лабания на пианино.

Использование жаргонизма «лабает» вместо «играет» ещё сильнее снижает уровень культурной образованности Тони, добавляет субъективной оценки, тогда как в оригинале высказывание представляло собой лишь констатацию факта: «He's a piano player».

Личная оценка не единожды появляется в переводе, например, использование слова «батьа» вместо нейтрального «father»:

Оригинал

You know, my father used to say...

Дубляж

Батьа меня учил...

Кроме того, в переводе Тони приписываются мысли, отсутствующие в оригинале, например:

Оригинал

Some place you got here.

You should've seen this place, Dee.

Дубляж

Берлога классная у вас.

Козырная такая хата.

Необходимо также отметить фонетический аспект. Персонаж Вигго Мортенсена не отличается хорошей дикцией, выверенным произношением, чего не скажешь о герое Махершалы Али. Видимо, одним из средств передачи этой характеристики в русскоязычной версии фильма стало использование таких просторечий, как «чё» вместо «что» и «ща» вместо «сейчас»:

Оригинал

What'd you say?

Hold on. I'll start a new one.

Дубляж

Чё сказал?

Угу. Ща погoдь.

Русскоязычная версия фильма представляет образ неотёсанного, откровенно некультурного человека, тогда как в английской версии такой навязчивости нет. Актёр Вигго Мортенсен соглашается с тем, что его герой необразован, неотёсан, имеет чудовищные манеры: говорит с набитым ртом, беспрестанно курит. Однако, подмечает Мортенсен, «его культурный уровень не так уж низок, если разобраться. Несмотря на то, что, на первый взгляд, Валлелонга глуп, это не совсем так: интуитивно он чувствует даже очень тонкие вещи» [9].

Речевой портрет Дона Ширли в оригинале и в переводе.

Махершала Али полностью вжился в роль эстета-сноба с правильным выговором и любовью к классической музыке [11]. Стоит отметить, что персонаж Али произносит в разы меньше реплик. К тому же разница в переводе возникает не такая существенная, как в случае с Тони. Сохраняется нейтральность высказываний, перевод максимально стилистически близок к оригиналу:

Оригинал

I beg your pardon?

I'm well aware.

Дубляж

Прошу прощения?

Я не сомневаюсь.

Переводчики постарались передать образ утончённого и образованного человека, используя грамотную речь, а также слова,

Оригинал

Sorry to keep you waiting.

Дубляж

You have a very narrow assessment of me, Tony.

Простите за промедление.

У вас очень ограниченное представление обо мне, Тони.

В репликах Дона Ширли была отмечена разница перевода, обусловленная длиной фраз и особенностями английского и русского языков, например:

Оригинал

They have the itinerary. As long as they get to the show on time, I'm not worried about it, and neither should you.

They were wrong for the way they treated me, and you rewarded them.

Дубляж

Они знают дорогу. Главное, чтобы приехали вовремя, остальное нас волновать не должно.

Они унизили меня, а ты наградил их за это?

Примечательно также, что персонаж Али обогащает свою речь идиомами. Однако англоязычная и русскоязычная версии чередуются:

Оригинал

What on God's green earth are you doing?

You wouldn't talk so damn much.

Дубляж

Да что ты там всё время пишешь?

Может, понял бы, что молчание – золото.

Дон Ширли изъясняется литературным языком, и это передано в дубляже, даже если некоторые лексические единицы были заменены:

Оригинал

The trees have shed their leafy clothing, and their colours have faded to greys and browns.

So, that little temper tantrum, was it worth it?

Дубляж

Деревья сбросили свой багряный наряд, и весь мир на время словно потускнел.

Твоя благородная ярость стоила того?

Так, реплики Дона Ширли в оригинале и в переводе имеют незначительные отличия, не искажающие образ героя, оставаясь вполне эквивалентными.

Результаты проведённого исследования показывают, что, даже если дублированный перевод допускает небольшие неточности, вызванные особенностями аудиовизуального перевода и артикуляционной синхронизации речи актёров, в переводе фильма «Зелёная книга» присутствуют значительные изменения речевых портретов героев, а, соответственно, и восприятие их образов зрителями. Нельзя не отметить, что фильм «Зелёная книга» публика называет «добрым кино» [9]. Однако неточный перевод может нарушить задуманную режиссёром гармоническую целостность, представив неверные портреты героев. Излишние трансформации перевода могут привести к иному толкованию всей кинокартины в целом, а для фильмов мирового уровня быть понятными, донести идею – немаловажная задача.

Библиографический список

1. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). С. 3-24.
2. Кузьмичев С.А. Перевод кинофильмов как отдельный вид перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 642. С. 140-149.
3. Суслова Л.В. Методика обучения студентов-лингвистов качественному переводу иноязычного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. Выпуск 4. Тамбов: Грамота, 2019. С. 313-316.
4. Сдобников В.В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. Изд-е 2-е, стер. М.: Флинта, 2015. 112 с.
5. Зелёная книга (фильм) [Электронный ресурс]. URL: <https://inlnk.ru/BpnEx> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Зелёная книга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1108577/> (дата обращения: 12.11.2021).
7. AFI Awards [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afi.com/award/afi-awards-2018/> (дата обращения: 12.11.2021).
8. Томберг О.В. Лингвоаксиологическая составляющая речевого портрета // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39). С. 269-277.
9. Пронченко З. Интервью с Вигго Мортенсеном [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3314546/> (дата обращения: 12.11.2021).
10. Coutros Evonne. Who's The Boss Now? // The Record, 9 February 2003. Hackensack, N.J., 2003. P. 14.
11. Шорохова Т. Отчёт о первом показе фильма в Торонто [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3260171/> (дата обращения 12.11.2021).

References

1. Kozulyaev A.V. Teaching dynamically equivalent translation of audiovisual works: experience in developing and mastering innovative techniques within the school of audio-visual translation // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy. 2015. Vol. 3 (13). P. 3-24.
2. Kuzmichev S.A. Translation of films as a separate type of translation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2012. Vol. 642. P. 140-149.
3. Suslova L.V. Methods of teaching students the linguists to translate a foreign language text in a qualitative way // Philological sciences. Issues of theory and practice. Vol. 12. Iss. 4. Tambov, 2019. P. 313-316.
4. Sdobnikov V.V. Assessment of translation quality (communicative and functional approach): a monograph. Moscow, 2015. 112 p.
5. Green Book (film) [Electronic resource]. URL: <https://inlnk.ru/BpnEx> (date of application: 12.11.2021).
6. Green Book [Electronic resource]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1108577/> / (date of application 12.11.2021).
7. AFI Awards [Electronic resource]. URL: <https://www.afi.com/award/afi-awards-2018/> / (date of application: 12.11.2021).
8. Tomberg O.V. Linguoaxiological component of the speech portrait // Problems of history, philology, culture. 2013. Vol. 1 (39). P. 269-277.
9. Pronchenko Z. Interview with Viggo Mortensen [Electronic resource]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3314546/> / (date of application: 12.11.2021).
10. Coutros Evonne. Who's The Boss Now? // The Record, 9 February 2003. Hackensack, N.J., 2003. P. 14.
11. Shorokhova T. Report on the first screening of the film in Toronto [Electronic resource]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3260171/> / (date of application: 12.11.2021).

УДК 81'42:811.111:551.5
DOI 10.36622/AQMPJ.2022.56.90.020

*Кубанский государственный университет
Ст. преподаватель кафедры
прикладной лингвистики
и новых информационных технологий
Бычкова О. Н.
Россия, г. Краснодар
тел: +79183261089
e-mail: sky.05@bk.ru*

*Kuban State University
The chair of applied linguistics and information technology
Senior lecturer
Bychkova O. N.
Krasnodar, Russia
tel. +79183261089
e-mail: sky.05@bk.ru*

О.Н. Бычкова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье английский метеорологический дискурс анализируется в его лингвокультурологическом преломлении. Предметом исследования являются метеорологические метафоры, фразеологизмы и другие единицы языка (неологические словосочетания), рассматриваемые как этнокультурные элементы языковой картины мира представителей англоязычных стран. Употребление таких языковых единиц в метеодискурсе выявляет национально-культурное своеобразие менталитета, обусловленного не в последнюю очередь особым географическим положением стран и их природно-климатическими условиями, а также изменением климата вследствие глобального потепления. Лингвокультурологические свойства метеорологического дискурса представлены основными ценностно-смысловыми категориями: витальными, религиозными, морально-этическими, политическими, экономическими и т.д. Материалом исследования послужили языковые единицы, отобранные для анализа из публикаций, посвященных описанию метеорологической действительности на специализированных сайтах (BBC Weather, UN Climate Change Conference). Актуальность исследования культурной семантики метеорологического дискурса обнаруживается в нескольких направлениях: прежде всего, в весомой значимости метеорологической составляющей жизни человека, от которой зависит его существование и развитие; отсюда вытекает лингвистическая необходимость изучения имплицитных механизмов получения и обработки информации о погодных и климатических условиях в рамках специфической национально-культурной речевого организации и, наконец, важность понимания иерархии ценностей, приоритетов и целей, которые ставят перед собой носители англоязычной культуры. Цель статьи заключается в выявлении и анализе закрепившихся в коллективном языковом сознании англоязычного этноса лингвокультурологических единиц, отражающих особенности восприятия и осмысления окружающего мира в рамках метеорологического дискурса. В основу анализа положены лингвистические, интерпретационные, герменевтические методы и приемы, позволяющие обобщить результаты человеческого познания, зафиксированные в английских образно-символических единицах языка, отражающих метеорологическую действительность. В результате автор приходит к выводу о том, что дальнейшее изучение этнокультурных элементов метеодискурса требует комплексного анализа с учетом структурно-семантического, когнитивно-дискурсивного и прагматического подходов.

Ключевые слова: метеорологический дискурс, лингвокультурологические элементы, этнокультурное своеобразие, языковая картина мира, ценностно-смысловые категории.

O.N. Bychkova

LINGUOCULTUROLOGICAL REPRESENTATIVENESS OF THE ENGLISH METEOROLOGICAL DISCOURSE

In this article the English meteorological discourse is analyzed in its linguistic and cultural perspective. The subject of the study is meteorological metaphors, phraseological units and other units of language (neological phrases), which are seen as ethno-cultural elements of the linguistic picture of the world peculiar to the representatives of English-speaking countries. The use of such linguistic units in the meteorological discourse reveals the national and cultural identity formed due to the special geographical location of the countries and their weather and climate conditions, as well as climate change driven by global warming. The linguistic and cultural properties of the meteorological discourse are represented by the main value and notion categories: vital, religious, moral and ethical, political, economic, etc. The

research material constitutes language units selected for the analysis from publications devoted to the description of meteorological reality on specialized websites (BBC Weather, UN Climate Change Conference). The relevance of the study of the cultural semantics of the meteorological discourse is manifested in several directions: first of all, in the profound significance of the meteorological component of human life, on which its existence and development depend; this implies the linguistic necessity of studying the implicit mechanisms of obtaining and processing information about weather and climate conditions employed in specific national-cultural speech organization, and finally, the importance of understanding the hierarchy of values, priorities and goals set by native speakers of the English language and culture. The purpose of the article is to identify and analyze linguoculturological units which are fixed in the collective linguistic consciousness of the English-speaking ethnos, and which reflect the peculiarities of perception and comprehension of the surrounding world in the meteorological discourse. The analysis is based on linguistic, interpretative, hermeneutical methods and techniques that allow us to generalize the results of human cognition recorded in English figurative and symbolic units of language reflecting meteorological reality. As a result, the author comes to the conclusion that further study of ethno-cultural elements of the meteorological discourse requires a comprehensive analysis based on structural-semantic, cognitive-discursive and pragmatic approaches.

Keywords: meteorological discourse, linguoculturological elements, ethnocultural identity, linguistic picture of the world, value and notion categories.

Когда в конце XX века интерес исследователей сместился с языка как объекта познания на человека как субъекта познания, а в лингвистике утвердилась антропоцентрическая парадигма, предметом изучения которой является человек в языке и язык в человеке, язык стал рассматриваться как воплощение национальной ментальности, как выражение культуры нации. Междисциплинарность научных исследований, включающих в себя интеграцию различных знаний культуры, философии, психологии, социологии, языкознания и других дисциплин способствовала появлению лингвокультурологии, научному направлению, исследующему отражение в языковой картине того или иного народа ценностных ориентаций, этико-этнических концептов, обусловленных сложившимися историческими и культурными особенностями. Это направление связано с национальным характером, менталитетом и представляет собой совокупность знаний о национально-культурной специфике организации и содержания речевого общения.

Главным объектом исследования лингвокультурологии является процесс взаимодействия языка и культуры, при этом язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры. Э.Сепир писал: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [1; с. 193]. Язык, таким образом, одновременно аккумулирует знания культуры и выступает как внутренняя форма выражения культуры. Кроме того, в диаде «язык – культура» для понимания взаимосвязи языка как отражения мыслительных и познавательных процессов человека и культуры как проявления моральных и духовных ценностей очень важно учитывать тот факт, что «культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы скрывается за языковыми значениями» [2; с. 21]. Принципиально важным в этой связи представляется выявление «культурно-языковой компетенции» и осознание того, как в речи или текстах носителями языка воплощаются и распознаются культурные смыслы [3].

Не вызывает сомнения утверждение о том, что «присутствие человека в языке дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [4; с. 3], поэтому каждый человек, являясь представителем той или иной культуры, создает свои специфические средства выражения семантики, выстраивает дискурс свойственным данной этнокультуре образом. В этой связи рассмотрение лингвокультурологической составляющей английского метеодискурса представляет особый интерес.

Метеорологическая действительность оказывает большое воздействие на осмысление реальной действительности человека. Необходимость исследования и анализа механизмов, с помощью которых возникают, обрабатываются и получают ценностно-смысловую (лингвокультурологическую) интерпретацию этнокультурные элементы в метеорологическом дискурсе, продиктована высокой значимостью и влиятельностью метеорологических явлений в качестве национально-культурного компонента в языковой картине мира англичан на протяжении многих столетий. Эти элементы объективируются в языке и коммуникативной деятельности нации посредством большого количества лексических единиц.

Свои знания о погодных и климатических явлениях человек закрепляет в метеонимах – особых лексических единицах, служащих для обозначения метеорологических явлений, к которым относятся наводнения (flooding), природные пожары (wildfires), ураганы (hurricanes), торнадо (tornadoes), периоды сильной жары (heatwaves), морозы (frosts), засуха (droughts) и т.п., которые, в свою очередь,

подразделяются на гидрометеоры: дождь (rain), снег (snow), град (hail); литометеоры: пыль (dust); воздушные метеоры: ветер (wind), пыльные бури (dust storms); светящиеся метеоры: радуга (rainbow), мираж (mirage); огненные метеоры: молнии (lightning) [5].

Метеорологические явления занимают особое место в восприятии мира человеком, определяют условия существования общества и носят универсальный характер для всех культур и наций. Однако в каждом языке проявление того или иного метеорологического явления может репрезентироваться по-разному, с различными специфическими коннотативными оттенками значений, присущими только отдельным конкретным языкам.

Для выявления механизмов взаимодействия языка и культуры очень важно понимать, как представители англоязычных наций воспринимают метеодействительность, как изменилось их отношение к окружающей среде в связи с глобальным климатическим кризисом, который сейчас наблюдается в мире, и какое воплощение метеоявления получают в культуре и языке. Считается, что сама культура возникла на взаимоотношении человека с природой. В процессе постижения природных явлений и их осмысления человек прибегает к различным языковым средствам, главным образом метафорам и фразеологизмам, помогающим отобразить выстраиваемые отношения с силами природы. Например, влага – вода, дождь, снег воспринимаются как живительная сила, необходимая всему живому на планете. *In California the snowpack which is so vital for feeding rivers and streams is much smaller than average ...* [6]. Снежный покров (snowpack) предстает «живительной влагой» необходимой для «питания» (feeding) рек и ручьев. В тоже время вода может быть и разрушительной силой, сметающей все на своем пути. *Several houses were swept away by the mudslide, which followed heavy rain* [7].

Исследование механизмов речевого «самовыражения» и речевого воздействия в метеорологическом дискурсе ставит целью выявить особенности дискурсивного выражения этнокультурной информации и репрезентации в данном типе дискурса представлений о специфике культурного восприятия окружающего мира и этических норм. В рамках данной статьи рассматриваются лишь некоторые лингвокультурологические аспекты метеодискурса.

Поскольку метеорологические и климатические особенности затрагивают практически все сферы деятельности человека: от бытовой до политико-экономической, считаем уместным в данной работе широкое понимание метеорологического дискурса как связной речевой деятельности, устной или письменной, касающейся метеорологических явлений и событий, важных для коммуникативного взаимодействия, а также для формирования осознанных взаимоотношений с окружающей средой, в которой протекает жизнь человека.

Прежде всего следует отметить, что лингвокультурологическая сущность метеодискурса основывается на ценностных, оценочных, образных и смысловых понятиях. Природная среда, в которой обитает человек, а вместе с ней и метеорологическая действительность как неотъемлемая часть этой среды образуют ценностно-смысловое пространство, в основе которого находятся несколько лингвокультурологических категорий:

- *мифологические, суеверные и религиозные* – категории сознания, фрагментарно воссоздающие наивное восприятие метеоявлений и помогающие объяснить человеку окружающий мир, определяющие его индивидуальное и социальное поведение (например, миф о Зевсе-громовержце, верховном правителе мира, управляющем всеми небесными явлениями, прежде всего громом и молнией; или библейское объяснение засухи и потопа как кары, ниспосланной Богом).

- *витальные* – существование и жизнедеятельность человека поставлены в прямую зависимость от погодных условий, которые в свете глобального потепления, можно сказать, проверяют человечество на жизнеспособность (*devastating flood; dangerous and deadly heatwave; destructive tornadoes*);

- *морально-этические* – пагубное воздействие на окружающую среду, достигшее глобальных масштабов, активное вмешательство в естественные процессы геологической эволюции заставляют человека пересмотреть свою позицию «покорителя природы». Глобальное потепление, повлекшее за собой изменение климата, требует осознание необходимости бережного отношения, заботы и охраны окружающей среды. Свидетельством изменения отношения к проблемам климата служат, например, обязательства государств снизить уровень выбросов углекислого газа (*climate pledge, climate commitment, net zero, carbon neutrality*), популяризация в обществе ответственного отношения к окружающей среде (*eco-friendly, eco-guilt; environmental awareness*);

- *экономические* – предприятия, компании, чьи экономические теории и практики нацелены главным образом на увеличение капитала, неизбежно перестраивают свою деятельность с учетом ме-

теорологической реальности, от которой зависит успешное функционирование экономики (*climate investments, climate proofing, climate resilience*);

- *политические* – необходимость экологической модернизации политики, признания политики частью экологического мира, включения экологических проблем в политический контекст (*climate diplomacy, climate summit, political ecology*);

- *научные* – связанные с научно-техническим прогрессом, предполагающие использование прогрессивных технологий для нейтрализации пагубных последствий глобального потепления, приводящего к изменению климата (*decarbonization, geoengineering, zero-carbon*).

Данные категории формируют смысловой каркас метеорологического дискурса, репрезентирующего этнокультурные элементы языковой картины мира представителей англоговорящих стран.

Осмысленное познание, которому в лингвокультурологии отводится значительная роль, позволяет учитывать «так называемый надсознательный уровень познания, который включает в себя, прежде всего, механизм творческой интуиции, благодаря которому происходит рекомбинация прежних впечатлений запечатленной в мозге информации и созидание того, чего еще не было в личном и коллективном опыте» [8; с. 13].

В метеорологическом дискурсе эти механизмы обработки информации наглядно демонстрируются процессами неологизации и метафоризации. Новые производные слова отражают специфику классификационно-познавательного опыта и воспринимаются как «антропоцентрически ориентированный механизм, имеющий свое особое предназначение: обслуживать и выражать коммуникативно-прагматические намерения коммуникантов – номинативные, экспрессивные и образно-оценочные» [9; с. 13]. В процессе именования предмета познания, когда прорисовываются отдельные компоненты образа предмета, происходит лингвокогнитивный отбор и интерпретация отдельных культурно значимых смыслов (по происхождению, качеству, внешнему виду, функции, переживаниям).

Особое внимание обращают на себя существующие в английском метеодискурсе специфические образно-ассоциативные механизмы переосмысления исходных значений во вторичной номинации. Наше подсознание всегда обращается к «прецедентным» [8] словам, составляющим основные бытийно-смысловые понятия. В качестве примеров представляется интересным рассмотреть лексические единицы *climate, clean, green*, используемые в атрибутивных сочетаниях с существительными: *green deal, green investments, green economy; climate diplomacy, climate policies, climate finance; clean energy, clean technology* [10], в которых происходит расширение значения лексем *climate, green* и *clean*. На когнитивно-прагматическом уровне происходит экспликация нового значения слова из индивидуальных устоявшихся концептуальных категорий. Процесс семантизации действительности посредством представленной лексики выявляет ценностно-смысловые (лингвокультурологические) отношения, сложившиеся в англоязычной культуре. В метеорологическом дискурсе слова *climate, green* и *clean* обозначают или репрезентируют меры, направленные на нейтрализацию последствий изменения климата и связанных с ним природных катаклизмов, необходимость учиться противостоять или приспособливаться к ним.

Приведенные выше примеры демонстрируют «культурно маркированное словообразование (смыслообразование на ценностно-смысловом уровне)» [8; с. 12], которое базируется на соотношении новых реалий, связанных с изменением климата, с уже сформированными в английском этноязыковом сообществе лингвокультурными характеристиками данных лексических единиц. Активное использование этих языковых универсалий для обозначения познаваемых явлений свидетельствует об их высокой значимости в системе ценностей англоязычного этноса.

Еще одной этнокультурной составляющей метеорологического дискурса являются образные языковые выражения, описывающие погодные и климатические условия, особенности на территории англоязычных стран. Ценностно-смысловые коннотации английских метеорологических метафор и фразеологических единиц, основанных на ассоциативно-образном, а иногда и стереотипном восприятии, отображают национальный менталитет носителей английского языка. Поэтому большой значимой частью английской языковой картины мира являются лексические единицы, составляющие все разнообразие понятий метеорологической действительности, аксиологическая характеристика которых вербализируется идиоматически.

Национально-культурная коннотация, возникающая при интерпретации фразеологической единицы или метафоры, раскрывает культурно-национальный смысл и характер. Как известно, для англичан погода является не только неотъемлемой частью жизни, но и одной из самых популярных, актуальных и широко обсуждаемых тем разговора. Возникающие при этом ассоциации раскрывают мотивы английской языковой картины мира. В силу своего географического положения Великобрита-

ния славится мягким, но изменчивым климатом. Такая особенность «дает волю» «метеорологическому словотворчеству», в результате которого появились и до сих пор продолжают появляться лексические единицы, фразеологизмы и метафоры, представляющие собой «сгусток культурной информации», позволяющий «сказать многое, экономя языковые средства и в то же время добираясь до глубины народного духа, культуры» [3; с. 55]. Непостоянство британской погоды отчетливо прослеживается в идиоматическом выражении “*fair-weather friend*” – ненадежный друг; такие важные качества как наблюдательность, бдительность – “*weather eye*” – передают способность предсказать погоду, основываясь на этих качествах; “*King’s / Queen’s*” или “*royal weather*” – чудесная погода – очевидно, такая, которой не откажется насладиться даже король/королева.

Можно сказать, что английский язык «богат» выражениями, обозначающими «дождь» и степень его интенсивности. В историческом тезаурусе шотландского диалекта английского языка (Historical Thesaurus of Scots) насчитывается более 600 слов, связанных с осадками [11]. Такое многообразие лексических единиц, обозначающих плохую погоду, отражает исторический опыт, идущий из глубины веков, когда еще предкам современных британцев приходилось обживать на острове при намного меньшем количестве солнечных, погожих дней, чем дождливых. Кроме того, ценностно-смысловая значимость этих выражений заключала необходимость точно и недвусмысленно передать потенциальную угрозу, которую несут в себе осадки, например, для урожая. Поэтому то, что в русском языке соответствует понятию «проливной дождь», в английском передается несколькими выражениями – *pouring rain, pelting rain, driving rain, torrential rain*.

В решении вопроса о том, как осуществляется связь языка с культурой, нельзя не учитывать и факт территориальной принадлежности, оказывающий влияние на ценностно-смысловые отношения в лингвокультурологическом массиве языковой картины мира представителей англоязычных стран. Например, такой важный компонент канадской культуры, как клён, являющийся символом страны, изображаемым на национальном флаге, находит отражение в описании периода погоды, когда днем тепло, а ночью прохладно, что способствует активному сокодвижению в клёне, который еще называют сахарным и который произрастает в Северной Америке. Отсюда и название – “*sugar weather*” [12]. Такие погодные «подсказки» указывают на начало подготовки к сбору кленового сока, используемого для сиропа (*maple syrup*). В американском английском “*toad-strangler*” [12] (букв. *тот, кто душит жабу*) означает очень сильный дождь, способный вызвать ливневый паводок, в котором, видимо, может захлебнуться даже жаба.

Образные единицы языка и их коннотативные значения, таким образом, демонстрируют связь «с системой знаний отношением когнитивной интерпретации. Система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка» [13; с. 30], представляя национально-культурное своеобразие языковой личности, проявляемое в метеорологическом дискурсе.

Как видно из примеров, лингвокультурологическая репрезентативность в метеорологическом дискурсе осуществляется через ассоциативно-образные элементы, их коннотативную семантику, объективирующую когнитивные процессы речемыслительной деятельности, результатом которой становятся лексические единицы, служащие выражением культурной информации в английском языке. Однако для выявления традиционных этнокультурных установок и образа мышления носителей английского языка дальнейшее изучение способов создания, хранения и трансляции культуры в языковой картине мира в рамках метеорологического дискурса следует осуществлять с помощью разноуровневых языковых единиц: лексико-семантических, грамматических и дискурсивных. Такая многоаспектность рассмотрения объекта исследования представляется нам наиболее выгодной, способствующей его комплексному интегрированному описанию с позиций структурно-семантического, когнитивно-дискурсивного и прагматического подходов.

Библиографический список

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / под ред. А.Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / В.А. Маслова; ответственный редактор У.М. Бахтикиреева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 208 с. [Текст: электронный] URL: <https://urait.ru/bcode/493419/> (дата обращения: 13.02.2022).

3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.
4. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3-17.
5. Научно-популярный метеорологический проект [Electronic resource]. URL: https://meteo59.ru/book/obshhee/professiya_meteorolog.php (дата обращения 7.02.2022).
6. BBC Weather [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/weather/features/57116938> (дата обращения: 07.02.2022).
7. BBC News [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-57704967> (дата обращения: 07.02.2022).
8. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. 288 с. [Текст: электронный] URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57619> (дата обращения: 07.02.2022).
9. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века. Автореф. дисс. ... док. филол. н. Астрахань, 2009.
10. United Nations Climate Change [Electronic resource]. URL: <https://unfccc.int/> (дата обращения: 07.02.2022).
11. Historical Thesaurus of Scots [Electronic resource]. URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/570/type/referance> (дата обращения: 07.02.2022).
12. Ro Christine. The stories behind Britain's weirdest weather words [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20170711-the-stories-behind-britains-weirdest-weather-words> (дата обращения: 07.02.2022).
13. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М.: ФЛИНТА, 2016. 222 с.

References

1. Sapir E. Selected works on Linguistics and Cultural studies / edited by A. E. Kibrik. M.: Progress, 1993. 656 p.
2. Maslova V. A. Linguoculturology. Introduction: textbook for universities / V.A. Maslova; executive editor U.M. Bakhtikireeva. 2nd ed., reprint. and additional M.: Yurayt, 2022. 208 p. [Text: electronic] URL: <https://urait.ru/bcode/493419/> (accessed: 13.02.2022).
3. Maslova V.A. Linguoculturology: Textbook for students of higher education institutions. M.: Publishing center "Academy", 2001. 208p.
4. Arutyunova N.D. Introduction // Logical analysis of language. The image of man in culture and language. M.: Indrik, 1999. pp. 3-17.
5. Popular science meteorological project [Electronic resource]. URL: https://meteo59.ru/book/obshhee/professiya_meteorolog.php (accessed 7.02.2022).
6. BBC Weather [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/weather/features/57116938> (accessed: 07.02.2022).
7. BBC News [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-57704967> (accessed: 07.02.2022).
8. Alefirenko N.F. Linguoculturology: value-semantic space of language: textbook. 6th ed., ster. M.: FLINT, 2020. 288 p. [Text: electronic] URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57619> (accessed: 07.02.2022).
9. Kasyanova L.Y. Cognitive-discursive problems of neologization in the Russian language of the late XX - early XXI century. Autoref. diss. ...doc. philol. sc. Astrakhan, 2009.
10. United Nations Climate Change [Electronic resource]. URL: <https://unfccc.int/> (accessed: 07.02.2022).
11. Historical Thesaurus of Scots [Electronic resource]. URL: <https://www.scotslanguage.com/articles/node/id/570/type/referance> (accessed: 07.02.2022).
12. Ro Christine. The stories behind Britain's weirdest weather words [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20170711-the-stories-behind-britains-weirdest-weather-words> (accessed: 07.02.2022).
13. Katerina V.V. Human nominations: national and cultural aspect (based on the material of the Russian and English languages). Moscow: FLINT, 2016. 222 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 82

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.87.21.021

Воронежский государственный технический университет

доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и истории

Волкова Е.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(952)5479124

e-mail: volkne@bk.ru

Voronezh State Technical University

Doctor of Historical Sciences, Professor

of the Department of Philosophy, Sociology and History

Volkova E.A.

Russia, Voronezh, tel. +7(952)5479124

e-mail: volkne@bk.ru

кандидат технических наук, доцент кафедры строительной техники и инженерной механики имени профессора Н.А. Ульянова

Волков Н.М.

Россия, г. Воронеж, тел. +79042146847

e-mail: volkne@bk.ru

PhD in Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Construction Machinery and Engineering Mechanics named after Professor N.A. Ulyanov

Volkov N.M.

Russia, Voronezh, tel. +79042146847

e-mail: volkne@bk.ru

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Фролова Е.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(952)9539737

e-mail: frolov-elen@yandex.ru

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

Frolova E.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(952)9539737

e-mail: frolov-elen@yandex.ru

Е.А. Волкова, Н.М. Волков, Е.В. Фролова

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКОГО НАРОДА В ВОСПРИЯТИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В ноябре 2021 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из крупнейших русских писателей – Ф.М. Достоевского, на сегодняшний день являющегося одним из самых актуальных и востребованных, цитируемых, переводимых и экранизируемых русских авторов. В разных странах его творческое наследие анализируется литературоведами, философами, лингвистами и историками, культурологами и психологами; по его произведениям ставят оперные, балетные и драматические спектакли, снимают кинофильмы и сериалы, рисуют комиксы и создают настольные и компьютерные игры. Статья посвящается анализу специфики восприятия русского национального самосознания в произведениях Ф.М. Достоевского, то есть, по мысли авторов, национальной души и национального характера русского народа. Рассмотрение данной проблемы представляется весьма актуальной в современных геополитических условиях в связи с необходимостью самоидентификации. Ф.М. Достоевский усматривал сплоченность и могущество русского народа исходя из территориально-го, духовного и нравственного факторов и утверждал в своих художественных и публицистических произведениях, что русский народ – это удивительное явление в общечеловеческой истории. Характер русской нации так отличается от всех остальных народностей, что, по мнению великого писателя, европейцам до сих пор не дано его осознать.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, национальный характер, самосознание, самоидентификация, Россия, Европа.

E.A. Volkova, N.M. Volkov, E.V. Frolova

NATIONAL IDENTITY OF THE RUSSIAN PEOPLE IN THE PERCEPTION OF F.M. DOSTOEVSKY

November 2021 marked the 200th anniversary of the birth of one of the greatest Russian writers, F. M. Dostoevsky. He is one of the most relevant and demanded, quoted, translated and screened Russian authors today. In different countries, his creative heritage is analyzed by literary critics, philosophers, linguists and historians, culturologists and psychologists; Opera, ballet and drama performances are staged based on his works, films and serials are shot, comics are drawn and board and computer games are created. The article is devoted to the analysis of the "cultural code" in the works of F.M. Dostoevsky, that is, they washed the authors, the national soul and the national character of the Russian people. The consideration of this problem seems to be very relevant in modern geopolitical conditions due to the need for self-identification. Dostoevsky saw the cohesion and power of the Russian people based on territorial, spiritual and moral factors. He argued that the Russian people is an amazing phenomenon in human history and proved this in his artistic and journalistic works. The character of the Russian nation is so different from all other nationalities that Europeans have not yet been able to comprehend it.

Keywords: F.M. Dostoevsky, national character, self-identification, Russia, Europe.

Перед нынешней Россией XXI века так же, как и в пореформенный период, снова возникла острая необходимость самоидентификации – кем мы являемся, ведущей всемирной или региональной державой, какие позиции занимаем в мировом сообществе, какие имеем перспективы в развитии? Подобный вопрос не имеет ничего сложного для человека, который понимает окружающий мир, а именно, где заканчивается его личное пространство и начинается чужое.

Ф.М. Достоевский в своих художественных и публицистических произведениях затрагивал темы личного пространства и общего, национального. Его заслуженно можно назвать родоначальником европейского экзистенциализма. Практически во всех работах автора индивидуальность обретала истинное существование, реальные качества только в острой ситуации – на границе между жизнью и смертью. Оказываясь перед сложнейшим выбором, истинная душа человека пробивается наружу, демонстрируя хрупкость и ничтожность всех человеческих моральных качеств и принципов.

Личность подвергается испытанию на прочность бытия в условиях безнадежности, безысходности, предельного мучения и переживания. Стоит сказать, что подобные жесткие терзания души практически невыполнимы в реальности. Однако художественное пространство прекрасно демонстрирует и преобразует реальность. А как бы поступали персонажи в мире художественной реальности, если все правила и законы жизни не были условностью автора? В облике большинства героев Ф.М. Достоевского гармонично сочетается трагизм индивидуального, общественно-исторического и всемирного существования. Данные признаки вполне могут быть присущи Раскольникову, Соне, Мышкину, Ивану и Алеше Карамазовым и пр.

Исследование национальной души и национального характера является приоритетной задачей в работах Ф.М. Достоевского. Он, отталкиваясь от строки стихотворения Ф.И. Тютчева «умом Россию не понять», пытался ответить на актуальный по сей день вопрос: отчего в странах Европы так широко распространен о невежество по отношению к России? По этому поводу Ф.М. Достоевский писал во вступительной части к сборнику публикаций «Ряд статей о русской литературе» (1861), что Россия для своих западных соседей – та самая неведомая, неисследованная и непостижимая страна. Ни Китай, ни Япония не окутаны такой тайной для европейского любопытства, как Россия в прошлом, настоящем и даже, может быть, в далеком будущем. Во-первых, Китай и Япония расположены слишком далеко от Европы, а во-вторых, добраться туда порой весьма затруднительно; Россия же полностью открыта для европейцев, русские широко распахнуты для них, а все же сущность русского народа, пожалуй, еще хуже вырисовывается в воображении человека европейского, чем облик выходца из Китая или Японии. В таком понимании Россия для европейцев сродни головоломке Сфинкса. Скорее будет изобретен вечный двигатель или эликсир жизни, чем Запад осмыслит русскую душу, характер и его направление. Даже Луну можно назвать куда более изученной, чем русскую нацию. Так или иначе, доподлинно известно, что жизни там нет; а о России знают, что люди в ней есть, но каковы они в действительности. Это по-прежнему остается загадкой [1, с. 41].

Автор поражался огромному невежеству европейцев относительно России и русского народа: «Им известно, что помимо собак в России живут очень странные люди, которые выглядят как все и в то же время, словно ни на кого не похожи; вроде бы европейцы, но в то же время будто дикари» [1, с. 42]. В своем эссе «По поводу выставки» (1873) он отмечал: «Европейцы немного знают о России и

русском жизни, поскольку у них еще не было нужды познавать ее во всех тонкостях» [1, с. 69]. Литератор считал «на долгие годы еще в будущем ошибки европейцев в суждениях о России» [1, с. 70].

Основную предпосылку сложившейся ситуации обозначил писатель следующим образом: европейские земли разрознены, а Россия объединена в единое целое. Именно в этом сплочении автор усматривал могущество русских людей. Литератор утверждал, что русский народ – это удивительное явление в общечеловеческой истории. Характер русской нации так отличается от всех остальных народностей, что европейцам до сих пор не дано его осознать. Европейцы стремятся к единой цели, к одному идеалу, это неоспоримо, но при этом они разобщены почвенными интересами, исключаящими друг друга до крайней непримиримости, и все больше и больше расходятся по разным путям, отступая от общей стези. Очевидно, каждый из них пытается обрести общечеловеческий идеал в одиночку, своими усилиями, и поэтому все сообща вредят и себе, и своему делу [1, с. 54]. Позиция Ф.М. Достоевского не только не потеряла своей значимости, а наоборот, укрепились в современных реалиях.

Иная предпосылка, по его мнению, кроется в силе Российского государства, которую особенно ярко подчеркнул автор в «Дневнике писателя» накануне Русско-турецкого противостояния 1877-1878 годов: «Россия вместе с тем необычайно сильна, ее организм стремительно развивается и крепнет, что прекрасно осознают и наблюдают в Европе, – так как же они могут не страшиться?» [2, с. 49]. Затем писатель продолжил мысль: «Мало того, что Россия всегда была могучей и сильной, сейчас она в особенности превосходит все европейские страны» [2, с. 166].

Третья причина заключается в феномене русской классической литературы, культуры как таковой, размах и глубина которой, по нашему мнению, не знала аналогов во всем мире. Степень глубинного погружения в моральную сущность человека и общества в русской литературе столь высока, что во многих аспектах она недоступна иностранцам для восприятия. Западная философия, литература максимально приземленные, редко встречаются работы, где одна сцена или глава может восприниматься по-разному, если смотришь глазами протагониста, а потом антагониста или второстепенного персонажа. Эта типичная однобокость, простота изложения не заставляет струны души играть всеми существующими эмоциями. Классики русской литературы заставляют читателя забыть о рационализме и вознестись в небеса, позволив душе распахнуть крылья.

Многие люди на Западе не могут понять произведения А.С. Пушкина, оценить по достоинству и признать гениальный талант писателя. Подобного А.С. Пушкину, великого гения не было ни в одной стране. Возможно, английский Шекспир, испанский Сервантес, немецкий Гете? Ф.М. Достоевский прекрасно осознавал и ценил общечеловеческое значение русской культуры. «Явление Жуковского невозможно, например, у французов, а Пушкина и подавно», – отмечал писатель в 1861 году в заметке «Т-н – бов и вопрос об искусстве» [3, стр. 99].

Следующей предпосылкой, по мнению автора, послужило скудное представление о России со стороны самих россиян. Как бы странно это не звучало, но русский народ достаточно редко интересовался истинными проблемами собственного государства в связи с отсутствием возможности влиять на политику страны. Истинный русский предпочитал ограждать себя от подобных проблем за ширмой труда, находясь в собственном доме за закрытыми окнами. Подобное отношение неоднократно проявляется и в современном мире. Активная пропаганда превосходства государственных проблем над народными позволила создать действительно крепкий устоявшийся образ человека, не представляющего ничего о собственном государстве, кроме тех предпосылок, что изрядно распространяются с помощью средств СМИ.

Русский народ всегда больше интересовался тем неизвестным, что находилось за пределами их поля зрения. Это и делает народ русский весьма инертным и пассивным в желаниях, которые касаются непосредственно их личного пространства. «Где ж было им (иностранцам – Авт.) разгадать нас, русских, когда мы и сами-то для себя загадка, по крайней мере постоянно задавали друг другу о себе загадки. Разве славянофилы не задавали загадок западникам, а западники славянофилам?» – задавался вопросом и одновременно отвечал на него Ф.М. Достоевский [3, с. 46]. Литератор высказывал убеждение о необходимости распространения в обществе русской истории и культуры благодаря книгам для школьного изучения. Только тот народ пользуется почетом в мировом социуме, который в состоянии уважать себя, защищать личные государственные приоритеты.

Проблема невежества Европы относительно России притягивала интерес многих отечественных исследователей и мыслителей. К примеру, Н.Я. Данилевский в своей работе «Россия и Европа»

подробно описал предвзятое отношение к российскому народу в европейских странах: «Европа не знает России, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» [4].

В отношении России Ф.М. Достоевский рассматривал два возможных направления развития, касающихся предназначения страны: либо следовать по разрушительной европейской стезе, либо стремиться к всемирному возрождению и таким образом сохранить Европу. В работе «Социализм и христианство» писатель указывал: «Наш собственно наш, *русский* почвенный идеал несравненно *выше* европейского... но что он-то и возродит всё человечество» [3, стр. 202]. Подобные рассуждения не раз были озвучены и в других трудах Ф.М. Достоевского.

Пребывая за пределами страны, пусть и непродолжительное время, Ф.М. Достоевский тосковал по родной земле. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» он писал: «Даже липы *мне* (в Германии – Авт.) не понравились» [5]. На моральном состоянии автора нахождение в европейских странах отражалось негативно: «Что значит быть за границей и отвыкать от России: мыслей тех нет, восторга нет, энергии нет, как в России», – писал он в письме к С.А. Ивановой от 29 марта 1868 года из Женевы [5]. Похожие мысли литератор изложил в послании к А.Н. Майкову от 26 октября 1868 года, находясь в Милане: «Русского воздуха нет и людей нет» [5]. Такие эмоции свидетельствуют об искреннем патриотизме автора, его страстном влечении к Отечеству, к единению с русским народом. В послании к А.Н. Майкову от 28/16 августа 1867 года, отправленном из Женевы, Ф.М. Достоевский писал, что, пребывая в Европе, он тоскует по России. Читая русские издания, он чувствует облегчение [3, с. 323].

Близкая взаимосвязь произведений и убеждений Достоевского с сущностью и нравом русских людей неоднократно подчеркивалась исследователями. Так, в одном из своих трудов «О своеобразных элементах русской философии права» П.И. Новгородцев заметил: «О взглядах Достоевского можно утверждать, что они стоят в теснейшей связи с ходом развития русского народного характера» [6]. Писатель часто приписывал русскому народу идеализированные качества, которые он лично желал бы наблюдать в нем. К примеру, автор высказывал мнение, что русские люди вынашивают органический зачаток идеи, отличный от других народов мира сего. Эта идея обладает внутри них такой огромной силой, что, безусловно, отразится на всей последующей судьбе, а поскольку она исключительна и не подобна никому, то и история русского народа не может походить на историю других европейских держав, тем более быть ее рабской копией [1, с. 22]. Отталкиваясь от собственного опыта, пусть и обремененного многолетней сибирской ссылкой и каторжными работами, Ф.М. Достоевский с некоторой толикой идеализма утверждал: «Характер русский добродушен: злых людей в России совсем даже нет. Но в России много иступленных» [1, с. 270]. Русский народ неоднократно старался справляться с действительно проблемными вопросами, неудача не заставляла их горевать или проявлять злую натуру. Созданные постулаты реализации народного русского единства демонстрировали некоторое призрение к материальному благополучию. Так исторически сложилось, что люди в России очень сильно озадачиваются собственным духовных, нематериальным благополучием. Зачем делать себе большой дом, если есть небольшая лачуга, в которой тоже есть кровать и вешалка для одежды? Но один уголок всегда будет переполнен разношерстными предметами-оберегами, иконами.

К сожалению, подобное стремление к высокой духовности неоднократно заходило за многочисленные границы дозволенного, когда человек настолько сильно уверовал в непогрешимость собственных духовных ценностей, что начинает их использовать в собственных целях, искренне считая, что высоконравственные цели и мотивы того стоят. Подобный невидимый культ искренней веры в несуществующее порой заставлял совершать действительно ужасные вещи..

В эссе «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» дошло до наших дней литератор говорит о том, что судить о русских людях нужно по тому, кем бы они хотели стать, ведь идеалы у них прочны и праведны. Жизненные ценности русского человека слились с его душой и навечно вознаградили простодушием и искренностью, чистосердечием и всеобъемлющей ясностью ума, и все это в самом притягательном гармоничном сочетании [1, с. 43]. Тяга к идеализации русских людей нашла воплощение в неизгладимом чувстве вины части представителей русской интеллигенции, в частности, и Ф.М. Достоевского, перед народом.

Открывая представление писателя о природе русских людей, П.И. Новгородцев в своем труде «Восстановление святынь» отмечал, что народ для Ф.М. Достоевского выступает «не предметом поклонения, а только средой обнаружения народного духа» и что следует «не народу поклоняться, а идеалам и святыням его. <...> А идеал народа – Христос» [7]. Такие чувства пробуждала в литераторе

не только потребность в непрестанном единении с русским народом, но и понимание России как целостного органичного явления, близкого сердцу подлинного русского патриота. «А клейкие листочки, а дорогие могилы, а голубое небо, а любимая женщина!» - возгласил Алеша Карамазов в беседе со своим братом Иваном [8]. Именно в этих тонкостях и кроется доля истинных патриотических настроений русского человека.

Ф.М. Достоевский прекрасно осознавал, как выглядит народ, который недавно обрел независимость, наблюдал уровень его интеллектуального и морально-нравственного развития. «Нравственность народа ужасна. Вот плоды крепостного права», – писал Ф.М. Достоевский в «Записной тетради 1864-1865 гг.» Аналогичный разбор данной проблемы литератор неоднократно проводил в своих произведениях.

Таким образом, размышления писателя о всечеловечности русского народа до сих пор являются предметом для дискуссий. На него ссылаются многие современные политики, государственные деятели, историки, философы, священники. Герои Ф.М. Достоевского непрерывно испытывают на себе воздействие сил Добра и Зла. Категория Добра проявляется и в тех устойчивых сочетаниях, где есть лексема «душа». Таких выражений Ф.М. Достоевский использует достаточно много. Это, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что русский человек, согласно основным установкам христианства, стремится понять свой внутренний мир, который связывался с существованием души, она представлялась как бы двойником человека. Категория Зла, проявляется в тех многочисленных фразеологизмах русского языка, где фигурируют лексемы «черт», «бес». В народном сознании концепт Зла ассоциируется с понятием «грех», с «семью смертными грехами» (зависть, скупость, блуд, объединение, гордость, уныние, гнев), что отчетливо отражено в творчестве Ф.М. Достоевского.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 17. Л.: Наука, 1972–1988.
2. Достоевская А.Г. Из «Дневника 1867 года» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. М.: Худож. лит., 1990.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 18. Л.: Наука, 1972–1988.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: РОССПЭН, 2010.- С.71.
5. Неизданный Достоевский // Литературное наследство. М.: Наука, 1971. С.461.
- 6.Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения. М.: Раритет, 1995.С.386.
- 7.Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Сочинения. С.432.
- 8.Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 7. Л.: Наука, 1972–1988. С.371.

References

1. Dostoevsky F.M. The complete collection of works in 30 tt. Vol. 17. Leningrad: Nauka, 1972-1988.
2. Dostoevskaya A.G. From the "Diary of 1867" // Dostoevsky F.M. in the memoirs of contemporaries. In 2 t. T. 2. M.: Khudozh. lit., 1990.
3. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. vol. 18. Leningrad : Nauka, 1972-1988.
- 4.Danilevsky N. I. Russia and Europe / N. I. Danilevsky. M.: ROSSPEN, 2010. P. 71.
5. Unpublished Dostoevsky // Literary legacy. M.: Nauka, 1971. S. 461.
- 6.Novgorodtsev P. I. On the peculiar elements of Russian law philosophy. Works. M.: Rarity, 1995. P.386.
7. Novgorodtsev P.I. Restoration of shrines. Works. P.432.
- 8.Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. Vol. 7. Leningrad: Nauka, 1972-1988. P.371.

УДК 070:821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.40.95.022

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, заведующий кафедрой журналистики, доктор культурологии, профессор

Ржанова С.А.

Россия, Республика Мордовия, г. Саранск,

тел. 8(8342)27-04-20

e-mail: rzanova@mail.ru

National Research N.P. Ogarev Mordovia State University,

Head of the Department of Journalism, Doctor of Cultural Studies,

Rzhanova S. A.

Russia, Republic of Mordovia, Saransk,

tel. 8(8342)27-04-20

e-mail: rzanova@mail.ru

С.А. Ржанова

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МАССМЕДИЙНАЯ СРЕДА: ПРОЦЕССЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ)

В статье рассматривается проблема интеграции современного литературного процесса с массмедийными средствами и условия данной коллаборации. Обозревая материалы журналов Поволжья «Странник», «Аргамак», автор статьи выявляет публицистичность этих журналов, следование гуманистическим традициям русской литературы, степень влияния литературного творчества на современное общество. В своём исследовании автор характеризует литературный журнал как культурное пространство. Такие издания оказывают влияние на воспитание и просвещение современного общества, особенно на молодое поколение, тем самым формируя общественное мнение. Так журнал «Странник» в медиасреде Республики Мордовия – это не просто круг общения молодой читательской аудитории с яркими писательскими личностями, но мастерская писательского сообщества, где есть понимание задач сохранения традиций русской литературы в национальной республике. Принципы образовательной деятельности заложены в концепции другого журнала Поволжья «Аргамак». В методе исследования данной статьи комбинируются типы литературного, сравнительного и этико-философского анализов, что в целом даёт возможность рассмотреть явление взаимовлияния массмедийной среды и гуманистических традиций русской литературы. Контент-анализ публикаций литературно-публицистических журналов Поволжья «Странник», «Аргамак» помогает выявить разнообразие тематических и жанрово-стилистических особенностей, определить важное значение в региональной культуре и журналистике, их большую роль и влияние на жизнь общества, в особенности молодого поколения. Научная новизна статьи заключается в обосновании авторской трактовки возрождения национальных черт через творчество писателей и журналистов. Проза, документальные рассказы носят публицистический характер, целью которых является пробуждение у молодежи разносторонних мыслей, чувств и эмоций, что в свою очередь развеивает миф о нравственном упадке молодого общества. Поэтому в выводах автор работы приходит к заключению, что культу потребления, эгоизма, роскоши и желтым СМИ можно противостоять путём культурных традиций. Средствами массмедийной культуры не только формируются и распространяются образы, но и происходит активизация диалоговой сущности массовой коммуникации.

Ключевые слова: медиасреда, литературно - публицистические журналы, литература, Поволжье, публицистика, культура, традиции.

S.A. Rzhanova

THE HUMANISTIC TRADITION OF RUSSIAN LITERATURE AND THE MASS MEDIA ENVIRONMENT: THE PROCESSES OF THEIR MUTUAL INFLUENCE (BASED ON THE MATERIALS OF LITERARY AND JOURNALISTIC MAGAZINES)

The article deals with the problem of the collaboration of the modern literary process with mass media and the conditions for this collaboration. Analyzing the materials of the Volga region magazines "Strannik" and "Argamak", the author of the article reveals the journalistic nature of these magazines, following the humanistic traditions of Russian literature, the degree of the influence of literary creativity on modern society. In his research, the author characterizes a literary magazine as a cultural space. Such publications have an impact on the education and enlightenment of modern society, especially on the younger generation, and thereby shaping public opinion. So the magazine "Strannik" in the media environment of the Republic of Mordovia is not just a place for intercommunication of young readers with bright

writers, but a workshop of the writers' community, where there is an understanding of the tasks of preserving the traditions of Russian literature in the national republic. The principles of educational activity are included in the concept of another magazine of the Volga region "Argamak". The research method combines the literary, comparative and ethical-philosophical analyses that make it possible to consider the phenomenon of mutual influence of the media environment and the humanistic traditions of Russian literature. The content analysis of publications in literary and journalistic magazines of the Volga region "Strannik" and "Argamak" helped us to identify the variety of their thematic and genre-stylistic features, to determine their importance in regional culture and journalism, and their great role and influence on the life of society, especially the younger generation. The scientific novelty of the article lies in the substantiation of the author's interpretation of the revival of national characteristics through the work of writers and journalists. Prose, documentary stories are journalistic in nature and their purpose is to awaken the diversity of thoughts, feelings and emotions among young people that in turn dispels the myth of the moral decline of a young society. The author comes to the conclusion that the cult of consumption, selfishness, luxury and yellow media can be resisted through developing cultural traditions. Mass media not only create and spread culture, images, but also intensify the dialogical essence of mass communication.

Keywords: media environment, literary and publicistic magazines, literature, Volga region, journalism, culture, traditions.

На сегодняшний день медиасреда уже стала привычным и естественным окружением со своими нормами, установками, правилами поведения, интересами и ценностями. Категория медиа исследователями изначально определялась как содержательное пространство, а сегодня представляет собой коллективное сознание читателей, слушателей и зрителей и является своеобразным «послом» тех или иных точек зрения, взглядов и позиций. Мы выяснили, что медиасреда – это еще одна «природа» человека, без которой он не способен реализовать свои коммуникативную, интерактивную и мультимедийную функции. Медиасреда демонстрирует широту информационного ландшафта, глубину выражения мыслей, культуру человеческих отношений. Она стала объединяющим элементом между социумом и личностью. Массмедийные средства воздействуют на культурный пласт нашего общества, поэтому СМИ должны изучаться с культурологической точки зрения, а особое внимание уделяться идеям и ценностям, которые они распространяют, так как без восстановления нравственного, духовного потенциала, гуманизации общественных отношений невозможно перестроить общество в процессе перехода к демократии [1; с. 76]. Сейчас традиционные печатные СМИ постепенно теряют свою власть и уступают место электронным копиям себя в сети Интернет, представляющей собой сегодня самую массовую интерактивную коммуникационную систему. По мнению М. Кастельса, Интернет – это технологическое орудие, но в первую очередь, – универсальное социальное пространство свободной коммуникации [2; с. 37]. О развитии медиасферы, нравственных вопросах коммуникации, феномене массовой коммуникации как механизме социального взаимодействия и поведения человека размышляют зарубежные и отечественные ученые М. Кастельс [2], М. Маклюэн [3], Н. Луман [4], З. Бауман [5], В. Березин [6], И. Дзялошинский [7], С. Ржанова [8], Л. Сморгунова [9], А. Тарасов [10] и другие. Проанализировав научную литературу, можно предположить, что в информационном обществе происходит глубинное развитие системы массовой коммуникации, поскольку она через информационные потоки формирует социокультурные отношения. Однако сейчас современное общество переживает весьма трагические события, которые наиболее ярко отражают кризис, царящий во многих сферах нашей жизни. Оказалось, что Вселенная существовала без информационных пределов. В результате чего в сознании людей необычным образом переплетаются основы различных культур.

Средствами массмедийной культуры не только формируются и распространяются образы, но и совершается эффективное воздействие диалоговой сущности массовой коммуникации [8; с. 403]. Так при создании любой медиапродукции (том числе и медиатекста) происходит ориентация на интересы и потребности аудитории. Особенно явно данная тенденция стала проявляться с середины прошлого века, когда экранное искусство пробудило в людях надобность в иллюзии обновленной реальности и завладело сознанием большой аудитории. На наш взгляд, в нашей стране, и без вмешательства массмедиа продолжается драматичный для современного человека процесс, который можно назвать своеобразным «феноменом ошибки», когда качественно разные идеалы, нравственные ценности и нормы культуры как бы сталкиваются друг с другом [1; с. 80]. Надо сказать, что проявление подобной «ошибки» внутри человека порождает внутренние терзания, а диалог с самим собой приводит к нравственному совершенству.

Мы провели контент-анализ литературно-публицистических журналов с точки зрения принципов просветительской деятельности журнала и потребности аудитории. Литературно-публицистические журналы представляют собой издания, где публикуются материалы о художественной литературе и критике, публицистические тексты, причем, жанровое предпочтение зависит от редакционной политики и аудито-

рии. Журналы такого типа знакомят читателей с литературными новинками, публикуют информацию из мира литературы, тем самым формируя особое общественное мнение.

Великая гуманистическая традиция русской литературы никогда не отвергала смелых новаторских опытов, даже напротив, обогащалась от них и черпала материал для развития, отбирая только достойное. В истории массмедийной культуры мы встречаем много примеров этого процесса. Можно вспомнить яркого эссеиста, публициста Татьяну Тесс. Она с завидной периодичностью печаталась в «Известиях» на протяжении полувека. А были времена, когда ее очерки появлялись оазисами живого слова среди чиновников и сухих производственных статей. В то время считали, что добро должно быть с кулаками, и осуждали «абстрактный гуманизм», Тесс с особой теплотой и доверительной интонацией писала о милосердии, совести, сострадании, любви, чуткости и внимании к человеку. Избегая морализаторства и пафоса, она рассказывала повседневные истории, вникая в моральные конфликты, восхищаясь сердечной щедростью обычных людей и позволяя чужой боли и волнению пройти через себя. Тексты такого характера, будь то медийного или литературного плана оказывают влияние на воспитание и просвещение современного общества, особенно на молодое поколение. В этом мы видим не только продолжение гуманистической традиции, но и проявление публицистичности.

Все вышесказанное можно отнести к характеристике молодежного журнала «Странник», который вышел в свет в 1994 году в городе Саранске, Республике Мордовии. [11]. Литературно-художественное и публицистическое издание объемом в 224 страницы и форматом 84x108 1/32 выходит шесть раз в год, отчего нельзя назвать его характерным периодичным журналом. Журнал завоевал не только молодежную аудиторию, но и стал изданием для всей семьи. Читатели ставят вопросы, журнал формулирует проблемы, ответы дают писатели через художественное слово и специалисты (социологи, психологи), советы которых можно найти в рубрике «На нашей улице»). Рубрику «Стиль» можно определить как развлекательную: здесь можно наткнуться и на юмористический отдел «Смехогорье», отгадать кроссворд, попасть на «Зеленый остров» (материалы о природе, рыбалке и другое), а также разделы «Для любознательных», «Страховка». Но мы хотели бы обратить внимание на поэтическую страницу, где свои стихи публикует мордовский автор Константин Смородин. Литературоведы не раз обращались к исследованию писательского мастерства К. Смородина. Так, специалист по жанровой специфике в литературном процессе профессор С.П. Гудкова обращает внимание на особенности лирического цикла «Сумрак осени, свет берез...» как пример крупного жанра в современной литературе [12; с. 240]. На концепт «судьба» как сквозной образ в сборнике «Золотые шары» направлен анализ С. Н. Степина [13; с.53]; О. И. Бирюкова определяет творческое кредо через философию жизни как познание ее через себя. Отметим, что философы А. А. Гагаев и П. А. Гагаев подтверждают философские основания творчества [14; с.143]. Проведенный нами контент-анализ текстов книги «Второе дыхание» [15], выявил публицистический аспект в отображении жизненных событий, обусловивших элегический характер переживаний лирического героя.

В текстах сборника «Стихи из прошлой жизни» публицистическая картина мира формируется через яркую социальную оценочность. Проблему человеческой замкнутости в реалиях сегодняшнего бытия с бетонными городами К. Смородин выходит на жизненно важные вопросы социализации личности. Оторванность человека от природы рождает «защемленное пространство с бессмысленным и жутким созданием». Урбанизация, где «мы, бетонные, стеклянные», с «седыми зарослями строений безобразных» лишается свободы, поскольку оторванность современного человека от природы противоречит человеческому естеству.

Поэтому, когда читаешь стихи Смородина с философским рассуждением о достоинствах человека, наблюдением за поведением людей в быту, их следованиям этическим нормам, веришь не в расхожий сегодня концепт современной литературы и публицистики «я – человек маленький», а в величайшую ценность русской культуры, где человек, человеческая жизнь являются главной величиной. И никакой информационный поток с избыточным реализмом не перекроет веру в добро, сострадание, милосердие, т.е. те вопросы, который поднимались в русской литературе не одно столетие. Дополнительным аргументом могут служить суждения Константина Смородина о поэзии: «Стихи – это формулы моего состояния, состояния души, состояния ума, это интуитивная тропа в подсознании, расстояния на которой условны весьма». [15; с. 7]. Творчество, по мнению писателя, можно рассматривать как момент откровения, момент истины, которую человек может рационально осмыслить, но не всегда почувствовать. Хочется заметить, что произведения Константина Смородина имеют глубокий духовный контекст, который не всегда легко уловить.

Деятельность К.Смородина как главного редактора журнала «Странник» направлена на воспитание молодой читательской аудитории. Журнал стал площадкой для начинающих авторов, местом для дискуссий, где молодежь поднимает острые вопросы. Творческие встречи, презентации – это тот формат, кото-

рый использует редакционный коллектив. В редакции проходят мастер-классы известных в Мордовии писателей, поэтов, журналистов.

К. Смородин – частый гость у студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарёва, Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева, читателей Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия.

Таким образом, в медиасреде Мордовии – это не просто круг общения с яркими писательскими личностями, но мастерская писательского сообщества республики, где есть понимание задач сохранения традиций русской литературы в национальной республике.

Литературный журнал, издаваемый в крупном городе, не только площадка для местных авторов, но, что важнее, новое культурное пространство, органическая и необходимая составляющая многовекового литературного процесса. Принципы просветительской деятельности заложены в концепции другого журнала Поволжья «Аргатак», который начал издаваться в Набережных Челнах, Республике Татарстан во второй половине восьмидесятых, еще на заре перестройки. Каждый номер выходил на двух языках: татарском и русском. Раньше эти два раздела были независимы друг от друга по содержанию. Журнал финансировался из городского бюджета.

На просторах сегодняшнего Татарстана с древних времён проживают представители таких национальностей как кряшены, чуваша, марийцы, мордва, удмурты и башкиры. И вряд ли их процент настолько мал, поэтому строчка Есенина: «Затерялась Русь в мордве и чуде» – это именно про татарский народ. И, как выяснилось, эта разногласица общается, между прочим, на русском языке, называя его иногда имперским. И по этой причине русский язык в Татарстане не может не называться государственным, а русский литературный журнал не может быть забыт.

К сожалению, мы видим, что журнал все-таки был забыт. А жители других регионов восприняли это как должное. В апрельском номере журнала за 2017 год в статье главного редактора журнала Николая Алешкова находим: «...развитию и углублению государственного самосознания нынче, в начале XXI века, русским не грех поучиться у татар». [16]. Для редактора примерами верности родному языку и родному народу в последние десятилетия стало гражданское поведение и творчество писателей-аксакалов Туфана Миннуллина и Разиля Валеева.

После долгой паузы в августе 2009 года русский журнал «Аргатак. Татарстан» увидел свет. Учредителем издания стало агентство по печати и массовым коммуникациям Республики Татарстан «Татмедиа», получившее в своё распоряжение бюджетные деньги на финансирование всех СМИ, издательских, теле-, радио и медиапрограмм, а также хорошую полиграфическую базу в лице издательства «Идел-Пресс». Учредителям удалось помочь редакции получить государственную регистрацию и вместе с редакцией была определена периодичность журнала: один раз в три месяца. Было принято и другое, не менее важное решение: журнал должен стать не региональным, а общероссийским изданием, при этом остаются и республиканские приоритеты: постоянная публикация материалов об исполнении выдающегося проекта по возрождению национальных святынь: древнего Болгара (родины ислама на татарской земле) и острова-града Свияжск как оплота православия.

В каждом номере печатаются произведения татарских писателей в качественном переводе на русский язык, на двух цветных вклейках (по восемь страниц каждая) публикуются вернисажи татарстанских фотомастеров и татарстанских художников.

Поэтический раздел и по сей день может похвастаться тематическим и жанровым разнообразием стихов как известных, так и молодых авторов на страницах литературного журнала «Аргатак». В качестве примера представим отрывок из стихотворения Ольги Кузьмичевой-Дробышевой:

*Горят фонари уставшие.
Перспекты унылы ночные.
Молчит тишина, сковавшая сердца,
словно лёд — мостовые.
Рассвет не спешит с надеждами,
разлука — что смерть — не прошена.
Рассвет не вернёт нам прежнего —
что в ночь на распутье брошено.
— Мне больно!..
— Не плачь.
— Так просто?..*

*Мы, терний в пути не знавшие,
по льду семеним... Не звёзды –
горят фонари уставшие.*

Стихи и рассказы Ольги Кузьмичевой-Дробышевской, опубликованные в журнале, входят в сборник под названием «Янтарная бусина», где перемежаются лиричными миниатюрами в прозе. Те самые звуковые волны, о которых упоминал Александр Блок в своей знаменитой речи «О назначении поэта» не прошли мимо её души и сердца, а талант позволяет найти единственное подходящее слово, услышать свою неповторимую мелодию. И в стихах, и в прозе главенствуют лаконизм, череда точных художественных образов и многозвучие, являющиеся неотъемлемыми качествами поэзии и музыки, что тоже не случайно. Ольга Кузьмичева-Дробышевская является не только членом Союза российских писателей, но и одарённым музыкантом, автором-исполнителем, певицей, и известна она не только в своём городе Набережные Челны, но и в Казани, Москве и в других городах России.

Облик журнала украшают качественные, высокохудожественные тексты. Читательская аудитория всегда рада появлению на страницах «Аргамак» сложившихся, утвердившихся в современной словесности имён. У журнала есть свои постоянные и неизменные авторы. Четверым из них в июле 2014 года на Международных Цветаевских чтениях, периодически проводимых в Елабуге, вручили литературные премии. Это писатель Михаил Чванов из Уфы, поэт Диана Кан из Оренбурга. За постоянное сотрудничество с журналом и публикуемые в нём статьи лауреатами стали критики Вячеслав Лютый из Воронежа и Рамиль Сарчин из Казани. Подаренные аргамакские сувенирные подковы стали символом постоянства и удачи. На страницах журнала также встречаются произведения писателей-фронтовиков Евгения Носова и Амерхана Еники, классиков татарской литературы Мухаммата Магдеева, Аяза Гилязова, ушедших поэтов Ивана Данилова, Николая Беляева, Мудариса Аглямова и Зульфата, чему содействует постоянная рубрика «Поэты уходят, стихи остаются». Для молодых и начинающих поэтов и писателей существуют рубрики «Дебют в «Аргмаке», «Поэзия двадцатилетних». Сюда можно отнести Анастасию Устинову, Светлану Поповую, Сергея Бударина, Лизу Тихонову.

Немало откликов получила опубликованная переписка выдающихся мастеров слова Виктора Астафьева, Евгения Носова и начинающего прозаика Виктора Политова.

Публикуются такие современные авторы, как казанцы Разиль Валеев, Ркаиль Зайдулла, Лев Кожевников, Филипп Пираев, Эдуард Учаров, Галина Булатова, Наиль Ишмухаметов, Рамис Айметов, Ленар Шаех, челнинцы и челнинки Олег Лоншаков, Ольга Кузьмичева-Дробышевская, Вера Хамидуллина, Светлана Летяга, званые гости из других регионов России: поэты Николай Рачков, Владимир Скиф, Юрий Перминов, Евгений Семичев, Геннадий Морозов, Сергей Кузнечихин, прозаики Сергей Михеенков, Светлана Василенко, Камиль Зиганшин, Амир Макоев, Яша Удин, Анатолий Байборodin, Александр Матвеев, публицисты Владимир Бондаренко, Пётр Ткаченко, Марина Саввиных.

В последнем номере «Аргмака» особое место занимает проза, написанная не только татарскими писателями. Например, документальный рассказ якутского прозаика Тимофея Сметанина «Цветок Аксаана», в переводе Владимира Карпова, переносит читателя в послевоенное время, где главный герой-журналист в начале рассказа делится с другом о своем страхе никогда больше не увидеть свою мать. Подобные произведения носят публицистический характер, целью которых является пробуждение у молодежи разносторонних мыслей, чувств и эмоция, что в свою очередь развеяло бы миф о нравственном упадке молодого общества. В содержании журнала «Аргмак» можно найти любопытный раздел, главную роль в котором играют лучшие работы современных фотографов Татарстана, а также раздел изобразительного искусства. Рубрика «Фотовернисаж» в новом номере представляет вниманию читателей работы фоторепортера Рамиля Гали, на которых отображается жизнь нашей страны и не только со всех ее бытовых, светских и политических ракурсов. Фотоматериалы Рамиля Гали вобрали в себя всю подвижность, изменчивость, контрастность и цветовую гамму тех или иных моментов жизни.

Контент-анализ публикаций литературно-публицистических журналов Поволжья «Странник», «Аргмак» помог нам выявить разнообразие тематических и жанрово-стилистических особенностей, определить важное значение в региональной культуре и журналистике, их большую роль и влияние на жизнь общества, в особенности молодого поколения.

К сожалению, присутствие монополий Запада в российском медиапространстве усилило эффекты «массовой культуры» с ее желтыми СМИ, культом потребления, эгоизма и роскоши. Противостоять этому можно благодаря культурным традициям, возрождению национальных святынь через творчество писателей и журналистов, просветительской деятельности современных литературно-публицистических журналов. Гуманитарная среда сегодня – это система культурно-информационных взаимоотношений. Она в со-

временном обществе, для которого технологии и информация являются ценнейшими ресурсами, становится крепкой и немаловажной опорой любого государства.

Библиографический список

- 1 Кириллова Н. Б. Медиакультура российской модернизации и формирование самосознания личности // *Общественные науки*. 2013. №3. С. 74-84.
- 2 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. 83 с.
- 3 Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. 39 с.
- 4 Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. 197 с.
- 5 Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 188 с.
- 6 Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: Изд-во РИП-холдинг, 2004. 174 с.
- 7 Dzialoshinskiy I., Dzialoshinskaya M. To the issue of the conceptual framework of media research // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. Moscow, 2015. P.9-46.
- 8Ржанова С. А. Synergetics Of Mass Media Culture And Trends Of Postmodernism In The Modern Information Space Of Russia // *Utopía y Praxis Latinoamericana*. T. 24. Extra 5. Venezuela., 2019. P. 399-408.
- 9 Гуманитарные технологии и политический процесс в России; под ред. Л. В. Сморгунова. СПб, 2001. 146 с.
- 10 Тарасов А. Н. Аналитика социокультурной трансформации [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. М., 2012. Режим доступа: cyberleninka.ru/article/n/analitika (дата обращения: 19.05.2019)
- 11 Журнал «Странник» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.strannik-lit.ru> (дата обращения: 30.03.2021)
- 12 Гудкова С. П. Развитие крупных жанровых форм в поэтическом творчестве К. Смородина и А. Терентьева // *Бочкаревские чтения: в 4 т. Самара, 2006. Т. 1. С. 237-247.*
- 13 Степин С. Н. Особенности современной русскоязычной поэзии Мордовии (философский аспект) // *Литературный процесс: история и современность* / отв. ред. и сост. В. А. Юрченков; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2008. С. 52-55
- 14 Бирюкова О. И. Творчество А. и К. Смородиных как художественно-выраженная система // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии*, 2017. Т.1. С. 136-144.
- 15 Смородин К.В. Второе дыхание [Текст]: стихи / Константин Смородин; [ил. О. Мельгуновой]. Саранск: Молодежный журн. "Странник", 2016. 238 с.
- 16 Аргамак. Татарстан / Татарстанское отделение Союза российских писателей. 2017. № 1.

References

- 1 Kirillova N. B. Media culture of Russian modernization and the formation of the individuality self-identity// *Obshchestvennyye nauki*. 2013. №3. Pp. 74-84.
- 2 Kastels M. Information Age: Economics, Society, Culture. M., 2000. 83 p.
- 3 Maklyuen M. Understanding media: human external extension. M., 2003. 39 p.
- 4 Luman N. The reality of mass media. M., 2005. 197 p.
- 5 Bauman Z. Globalization: consequences for men and society. M.: Izd-vo «Ves mir», 2004. 188 p.
- 6 Berezin V. M. Mass communication: essence, channels, actions. M.: Izd-vo RIP-holding, 2004. 174 p.
- 7 Dzialoshinskiy I., Dzialoshinskaya M. To the issue of the conceptual framework of media research // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. Moscow, 2015. P.9-46.
- 8 Rzhanova S. A. Synergetics of Mass Media Culture and Trends of Postmodernism in the Modern Information Space of Russia // *Utopía y Praxis Latinoamericana*. T. 24. Extra 5. Venezuela., 2019. Pp. 399-408.
- 9 Humanitarian technologies and political process in Russia; pod red. L. V. Smorgunova. SPb, 2001. 146 p.
- 10 Tarasov A. N Analitics of socio-cultural transformation [Elektronny resurs] // *Analitika kul'turologi*. M., 2012. Rezhim dostupa: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/analitika>
- 11 Zhurnal «Strannik» [Elektronny resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.strannik-lit.ru>
- 12 Gudkova S. P. The development of large genre forms in the poetic works by K. Smorodin and A.Terentyev// *Bochkarevskie chteniya: v 4 t. Samara, 2006. T. 1. Pp. 237-247.*
- 13 Stepin S. N. Features of modern Russian-language poetry of Mordovia (philosophical aspect)]// / отв. red. i sost. V. A. Yurchenkov; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve RM. Saransk, 2008. Pp. 52-55
- 14 Biryukova O. I. Literary creation by Anna and Konstantin Smorodins as artistic-expressive system]]/ *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii*, 2017. T.1. Pp. 136-144.
- 15 Smorodin K.V. [New lease of life (text): poems/ Konstantin Smorodin ; [il. O. Melgunovoy]. Saransk: Molodezhny zhurn. "Strannik", 2016. 238 p.
- 16 Argamak. Tatarstan / Tatar section of the Union of Writers of Russia. 2017. № 1.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2022.37.99.023

*Самарский государственный социально-педагогический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания иностранных языков*

Клюшина А.М.

Россия, г. Самара, +79297014908

e-mail: klyushina@pgsga.ru

*Тольяттинский государственный университет,
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики*

Паршина О.Д.

Россия, г. Тольятти, +79178231927

e-mail: parshinaod@mail.ru

*Samara State University of Social Sciences and Education
English Philology and Cross-Cultural Communication
Department*

PhD, associate professor

Klyushina A.M.

Russia, Samara, +79297014908

e-mail: klyushina@pgsga.ru

Togliatti State University

*The chair of Russian language, literature and
linguacriminalistics*

PhD, associate professor

Parshina O.D.

Russia, Togliatti, +79178231927

e-mail: parshinaod@mail.ru

А.М. Клюшина, О.Д. Паршина

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ» НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА Е. П. ИВАНЯН

А.М. Klyushina, O.D. Parshina

REGIONAL METHODOLOGICAL SEMINAR "DYNAMIC PROCESSES IN VOCABULARY AND GRAMMAR" OF SCIENTIFIC SCHOOL OF PROFESSOR E. P. IVANYAN

Настоящая информационно-хроникальная статья посвящена описанию итогов регионального методологического семинара, проведенного 14 июня 2022 года в рамках работы научной школы «Динамические процессы в лексике и грамматике» доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета Елены Павловны Иванян. Методологический семинар был представлен исследователями Самарского региона из разных образовательных организаций: Самарского государственного социально-педагогического университета, Тольяттинского государственного университета, Поволжской академии образования и искусств имени Святителя Алексия (г. Тольятти), филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрань. В работе семинара приняли участие доктора наук, кандидаты наук-докторанты, и аспиранты.

Программа мероприятия включала научную дискуссию по материалам докладов, лингвистический баттл аспирантов и круглый стол, посвященный особенностям защиты диссертаций в соответствии с новыми требованиями.

Профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета Е. П. Иванян в выступлении поставила вопрос о проблеме методологии современных исследований, популяризации региональной науки в нашей стране и за рубежом [6; 23].

Заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики Тольяттинского

государственного университета О. Д. Паршина представила доклад «Прецедентный феномен «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» как культурно значимое обозначение провинции». Описание пространственной картины мира в языке, в том числе и осмысление территории нашей страны через оппозицию «столица – провинция», является актуальным для современного гуманитарного знания [18]. Прецедентный феномен «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», будучи одним из репрезентантов семантического поля «Провинция», представляет собой культурно маркированное явление [19; 20]. По мнению докладчика, рассмотрение в прагматическом аспекте указанного феномена позволяет не только проанализировать трансформации, которым он подвергается в речи, но и проследить изменение его значения за счет включения в различный контекст и выявления средств актуализации семантики провинциальности [21].

Профессор кафедры иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета М. Ю. Михайлова выступила с сообщением «Об одном средстве реализации семантики ужасного». В докладе исследовательница охарактеризовала семантику ужасного как функционально-семантическую категорию русского языка, дала краткий обзор изучения данной категории в русистике, определила типовые средства выражения семантики ужасного в художественном пространстве малой прозы Л. Петрушевской, показала, что отрицательные конструкции являются продуктивным средством передачи ужасного в рассказах данного автора [16].

Доклад доцента факультета начального образования Самарского государственного социально-педагогического университета И. В. Гуровой был посвящен словообразовательным универсалиям. Ученый исследует семантико-словообразовательную категорию *nomina actionis* в славянских и неславянских языках (английский, болгарский, немецкий, польский, русский, украинский) и подвергает анализу микросистему дериватов с компонентами *-zejm /-gate / -geit /; -ликс / -liks; -ekzum / -exit*, например, см. [4; 5]. Заведующий кафедрой русского языка и литературы Поволжской академии образования и искусств имени Святителя Алексия О. Ю. Лысова выступила с сообщением по теме «Проблема относительности понятия внутренней формы идиомы в отечественной фразеологии». Исследование выполнено в русле изучения символической семантики русских идиом, ср.: [15].

Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Самарского государственного социально-педагогического университета А. М. Ключина рассказала о способности русских частиц выражать семантику крайности. Доклад исследовательницы продолжает магистральное изучение функционально-семантического подхода в лингвистике [11], склонности русского национального характера к проявлению крайностей [8], конститuentов поля семантики крайности [7; 10], взаимодействия семантики крайности с другими функционально-семантическими категориями [9]. Доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета Н. В. Гоннова представила доклад «Дериваты с оценочными компонентами в неформальном общении: лингвоэкологический аспект», который продолжает исследование ученого [2; 3].

Активное участие в научных выступлениях и дискуссии приняли и аспиранты. Н. Н. Немич посвятила свое выступление средствам передачи семантики невыразимого в современном газетном дискурсе, отметила, что в текстах современных газет представлены разноуровневые средства передачи значения невыразимого, способствующие выполнению экспрессивной и оценочной функции. С точки зрения структуры в анализируемых газетных текстах представлены 1) однословные языковые единицы; 2) нечленимые сочетания; 3) описательные обороты [17]. По мнению докладчика, такие факторы, как социально значимый уровень СМИ (массовые издания), критичность мышления автора текста, его позиция, тематика статей оказывают воздействие на выбор лексем с семантикой невыразимого, способствующих выражению экспрессивной и оценочной функции в речевой коммуникации автора газетного текста.

Сообщение Е.Н. Поляковой было посвящено репрезентации темы «интересное положение» в литературе и публицистике 1920-х гг. Доклад А.И. Вяткиной раскрывал методологические основы изучения прагматонимов-фиктонимов в современном экономическом дискурсе. В работе характеризуются основные направления изучения прагматонимов-фиктонимов в современной ономастике и прагматонимике. Определяется терминологический аппарат исследования. А.А. Хохлова представила результаты исследования по проблемам определения закономерностей функционирования эргонимических единиц г. Самары, например, см. [22], а также рассмотрела примеры самарского эргонимикона с региональным компонентом. Кроме того в выступлении рассмотрен вопрос о реализации различных

функций эргонимов с точки зрения лингвопрагматического и лингвокультурного подходов. Сделано предположение о полифункциональности эргонимов как разновидности имен собственных.

О. Н. Матвеева выступила с докладом «Особенности бытования семантики умолчания в романе Е.И. Замятина «Мы»». Семантика умолчания в статье показана в разных аспектах. В романе Е.И. Замятина «Мы» она рассматривается как активное средство выразительности на примере таких стилистических приемов как апозиопеза и прозиопеза. Также проанализированы графические средства передачи семантики умолчания на письме.

Е.В. Косс осветила результаты исследования по теме «Лингвокультурологическая специфика номенклатуры терминов родства». Термины родства благодаря высокой частотности употребления подлежат регулярному изучению. Обнаружено, что в различных лингвокультурах компонентный состав терминосистемы родства отличается, что может привести к барьерам в коммуникации [14]. На основе изученного предложена более полная классификация терминов родства.

После научных выступлений и дискуссии состоялся лингвистический баттл аспирантов, который вызвал особый интерес. В состав жюри вошли доценты И.В. Гурова, А.Н. Моргунова, возглавила жюри О.Д. Паршина. Начинающие исследователи решали лингвистические задачи, а также формулировали актуальность, гипотезу и положения, выносимые на защиту, по предложенной тематике диссертационных исследований. Для состязания в личном первенстве И. В. Гурова предложила аспирантам лингвокреативное задание.

Также в рамках методологического семинара доцент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики Тольяттинского государственного университета М.Г. Соколова провела круглый стол по вопросам новых условий, требований и особенностей проведения защит диссертаций в гибридном формате, осветив вопрос защиты своей докторской диссертации 27 апреля 2022 года в Башкирском государственном университете.

Таким образом, участники обобщили опыт исследовательской работы и обозначили перспективы дальнейших научных изысканий. Многообразие задач, решаемых на методологическом семинаре, его интерактивный формат является необходимым для формирования у исследователей важнейших компетенций по представлению своих наработок и ведению научной дискуссии. Следует отметить регулярность, с которой проходят методологические семинары научной школы профессора Е.П. Иванян, например см. [1; 12; 13], а также заинтересованность всех участников научной школы в современных филологических исследованиях.

Библиографический список

1. Васильева О. А., Гурова И. В., Паршина О. Д. Динамические процессы в лексике и грамматике (по итогам методологического семинара научной школы Е.П. Иванян) // Русистика без границ. 2020. Т. 4. № 2. С. 118–122.
2. Гоннова Н. В. Дериваты с оценочным компонентом в аспекте языковой игры // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой : Межвузовский сборник научных трудов с международным участием, Киров, 30 октября 2018 года. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018. С. 50–56.
3. Гоннова Н. В. Дериваты с компонентами *чудо-*, *горе-*, *царь-* как средство выражения эмоциональной оценки // Рациональное и эмоциональное в русском языке - 2018 : Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 23–24 ноября 2018 года / отв. ред.: Н.Б. Самсонов. Москва: Московский государственный областной университет, 2018. С. 92–96.
4. Гурова И.В. Гейт-лексемы в языке славянских масс-медиа // Филологические заметки. 2019. Т. 1. № 17. С. 83–89.
5. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т.7. №3 (24). С. 29–32.
6. Иванян Е. П., Белкина Ю. А. Научная коммуникация как способ организации и презентации региональной науки в виртуальном пространстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2–4. С. 857–860.
7. Иванян Е. П., Ключина А. М. *Последний vs крайний* в онтологическом освещении // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 46–67.
8. Ключина А. М. Категория крайности в лингвистической русистике: аналитический обзор // Известия Южно-го федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 70–80.
9. Ключина А. М. О взаимодействии семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф. М. Достоевского // Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов. Киров : Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС», 2021. С. 51–58.
10. Ключина А. М. Особенности употребления лексемы *хоть* для передачи семантики крайности в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Лекантовские чтения - 2021 : Материалы Международ-

- ной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 года / Отв. редактор Е.Н. Орехова. Москва: Московский государственный областной университет, 2021. С. 262–267.
11. Ключина А. М. Проблема бытования функционально-семантического подхода в лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Вып. 10. С. 113–118.
 12. Ключина А. М., Паршина О. Д. Итоги международного методологического семинара «Актуальность филологических исследований сегодня» // Русистика без границ. 2021. Т. 5. № 4. С. 118–126.
 13. Ключина А. М., Хохлова А. А. Итоги международного методологического семинара «Динамические процессы в семантике и грамматике» (научная школа Е.П. Иванян) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1(40). С. 140–146.
 14. Косс Е. В. Терминосистема родства: проблемы дефиниции и номенклатуры в разных лингвокультурах // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2022 : материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 22–25 марта 2022 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 248–252.
 15. Лысова О. Ю. Символьная семантика русских идиом с компонентом «звезда» // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : материалы V Международной научной конференции, Тольятти, 15–17 апреля 2015 года. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2015. С. 71–76.
 16. Михайлова М. Ю. Особенности применения имен собственных в повести Л. Петрушевской «Три путешествия, или Возможность Мениппеи» // Русистика без границ. 2022. Т. 6. № 1. С. 46–56.
 17. Немич Н.Н. Репрезентация семантики невыразимого в современном газетном дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32. № 2. С. 253–259.
 18. Паршина О. Д. Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 2. С. 126–129.
 19. Паршина О. Д. Лексема «моногород» в контексте русской провинции // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты : Сборник материалов VI Международной научной конференции, Тольятти, 16–19 апреля 2019 года / Под редакцией Г.Н. Тараносовой, И.А. Измestьевой. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2019. С. 57–63.
 20. Паршина О. Д. Лексема «провинция» как маркер докоммуникативной репрезентации ценностей языковой личности в блоге // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : Материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 12 марта 2021 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 139–143.
 21. Паршина О. Д., Шадрин А. А. Средства актуализации значения лексемы «глушь» как репрезентанта семантики провинциальности // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : Материалы XIII Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 11 марта 2022 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2022. С. 20–23.
 22. Хохлова А. А. Самарские эргонимы краеведческого характера // Лекантовские чтения - 2021 : Материалы Международной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 года / Отв. редактор Е.Н. Орехова. Москва: Московский государственный областной университет, 2021. С. 206–209.
 23. Methodology for Linguistic Education at Digital Age: Case Study for Regional Universities / I. Gurova, E. Ivanyan, M. Mihailova [et al.] // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 305 SIST. Pp. 416–424. DOI 10.1007/978-981-19-3112-3_38.

References

1. Vasilyeva O. A., Gurova I. V., Parshina O. D. Dynamic processes in vocabulary and grammar (based on the results of the methodological seminar of the scientific school E.P. Ivanyan) // Rusistics without borders. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 118–122.
2. Gonnova N. V. Derivatives with evaluative a component in the aspect of a language game // Semantics. Functioning. Text. To the 70th anniversary of the birth of S.V. Chernova : Interuniversity collection of scientific papers with international participation, Kirov, October 30, 2018. Kirov: Raduga-PRESS, 2018. P. 50–56.
3. Gonnova N. V. Derivatives with components miracle, grief, tsar as a means of expressing emotional evaluation // Rational and emotional in the Russian language - 2018 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 23–24, 2018 / ed.: N.B. Samsonov. Moscow: Moscow State Regional University, 2018. P. 92–96.
4. Gurova I.V. Gate-lexemes in the language of Slavic mass media // Philological notes. 2019. Vol. 1. No. 17. P. 83–89.
5. Gurova I.V. Gate-derivatives: borrowed vs. educated on Russian soil // Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol.7. No. 3 (24). P. 29–32.
6. Ivanyan E. P., Belkina Yu. A. Scientific communication as a way of organizing and presenting regional science in virtual space // Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013. Vol. 15. No. 2–4. P. 857–860.

7. Ivanyan E. P., Klyushina A.M. The last vs the extreme in ontological coverage // *Scientific dialogue*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 46-67.
8. Klyushina A.M. The category of extremes in linguistic Russian studies: an analytical review // *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological sciences*. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 70–80.
9. Klyushina A.M. On the interaction of the semantics of the extreme with the semantics of diminutiveness in the artistic space of the works of F. M. Dostoevsky // *Semantics. Functioning. Text : interuniversity collection of scientific papers*. Kirov : Limited Liability Company "Raduga-PRESS", 2021. P. 51–58.
10. Klyushina A.M. Features of the use of the lexeme at least to convey the semantics of the extreme in the work of F. M. Dostoevsky "Crime and punishment" // *Lekantov readings - 2021 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 22, 2021 / Editor E.N. Orekhova*. Moscow: Moscow State Regional University, 2021. P. 262–267.
11. Klyushina A.M. The combination of particles to convey the semantics of the extreme in the work of A. Gelasimov // *Semantics. Functioning. Text : Interuniversity collection of scientific papers*. Kirov : Raduga-PRESS Limited Liability Company, 2020. P. 138–144.
12. Klyushina A.M., Parshina O. D. Results of the international methodological seminar "Relevance of philological research today" // *Rusistics without Borders*. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 118–126.
13. Klyushina A.M., Khokhlova A. A. Results of the international methodological seminar "Dynamic processes in semantics and grammar" (scientific school of E.P. Ivanyan) // *Topical issues of modern philology and journalism*. 2021. № 1(40). Pp. 140–146.
14. Koss E. V. Terminosystem of kinship: problems of definition and nomenclature in different linguistic cultures // *Student and science (humanities cycle) - 2022 : materials of the international student scientific and practical conference, Magnitogorsk, March 22-25, 2022*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2022. P. 248–252.
15. Lysova O. Y. Symbolic semantics of Russian idioms with the component "star" // *Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects : materials of the V International Scientific Conference, Togliatti, April 15–17, 2015*. Tolyatti: Togliatti State University, 2015. P. 71–76.
16. Mikhailova M. Yu. Features of the use of proper names in L. Petrushevskaya's story "Three journeys, or the Possibility of Menippea" // *Rusistics without Borders*. 2022. Vol. 6. No. 1. P. 46–56.
17. Nemich N.N. Representation of the semantics of the inexpressible in modern newspaper discourse (based on the material of the National corpus of the Russian language) // *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series*. 2022. Vol. 32. No. 2. P. 253–259.
18. Parshina O.D. Province Phenomenon in the Humanities: Analytical Survey // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Diploma, 2020. Volume 13. Issue 2. P. 126–129.
19. Parshina O.D. Lexical unit "company town" in the context of the Russian province // *Text: philological, socio-cultural, regional and methodological aspects: Collection of materials of the VI International Scientific Conference, Tolyatti, April 16-19, 2019*. Togliatti: Togliatti State University, 2019. P. 57–63.
20. Parshina O.D. The lexeme "province" as a marker of pre-communicative representation of the values of a linguistic personality in a blog // *Capital and provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia: Proceedings of the XII All-Russian Scientific Conference with International Participation, St. Petersburg, March 12, 2021*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2021. P. 139–143.
21. Parshina O. D., Shadrina A. A. Means of updating the meaning of the lexeme "backwoods" as a representative of the semantics of provinciality // *The capital and the provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, March 11, 2022*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2022. P. 20–23.
22. Khokhlova A. A. Samara ergonyms of local lore character // *Lekant readings - 2021 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 22, 2021 / Editor-in-chief E.N. Orekhova*. Moscow: Moscow State Regional University, 2021. P. 206–209.
23. Methodology for Linguistic Education at Digital Age: Case Study for Regional Universities / I. Gurova, E. Ivanyan, M. Mihailova [et al.] // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. Vol. 305 SIST. P. 416–424. DOI 10.1007/978-981-19-3112-3_38.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3(46) 2022

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 10.10.2022. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17,1. Усл. печ. л. 17,7. Тираж 35 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84